

ПОВОЛЖСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НАУЧНОГО СОВЕТА РАН
ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ, ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ
САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

XX ВЕК И РОССИЯ: общество, реформы, революции

ВЫПУСК 1 Часть I

САМАРА

2013

УДК 94(47)083.5

ББК 63.3(2)5+
63.3(2)6

XX век и Россия: общество, реформы, революции
[Информационный продукт]: электрон. сб. Вып. 1, ч. 1. –
Электрон. дан. – Самара, 2013. – Режим доступа:
<http://sbornik.lib.smr.ru/>

Редакторы-составители:

к.и.н. А.В. Калягин, к.и.н. В.И. Гольцов, д.и.н. О.А. Сухова,
к.и.н. Н.М. Малкова

В сборнике опубликованы материалы, отражающие проблемы развития
российского общества в контексте событий XX столетия.

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, студентов и всех,
кто интересуется историей России.

ISBN 978-5-4259-0301-3

© Авторы публикаций, 2013

© Самарская областная универсальная научная библиотека, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Статьи	
Безгина О.А. (Тольятти) – К вопросу эволюции крестьянской кооперации Поволжья в начале XX века	6
<i>Прослеживается эволюция крестьянской кооперации в начале XX столетия на примере поволжских губерний. Показана динамика роста числа кредитных обществ, расширение форм работы и особенности их деятельности.</i>	
Мамулия Г. (Франция) – Социалист-федералистская революционная партия Грузии в 1906 – 1914 годах	18
<i>Рассмотрены основные этапы истории Грузинской социалист-федералистской революционной партии, ее борьба за автономию Грузии.</i>	
Сухова О.А. (Пенза) – Рождение советского государства в оценках массового крестьянского сознания	42
<i>Проанализированы политико-правовые представления российского крестьянства в 1917 – 1920-е гг. Сделан вывод о незавершенности процесса легитимизации советской власти в крестьянской среде вплоть до конца 1920-х гг.</i>	
Рыбаков Р.В. (Омск) – Некоммунистические политические и общественные объединения молодежи в 1917 – первой половине 1920-х гг.	59
<i>Рассматриваются организационные и идейные принципы некоммунистических молодежных организаций, действовавших в советской России в 1917 – первой половине 1920-х гг., степень их влияния и взаимоотношение с Коммунистическим союзом молодежи.</i>	
Быкова С.И. (Екатеринбург) – «Вот если бы Вы, Иосиф Виссарионович, сейчас упали и разбились...»: особенности отношения современников к Сталину	78
<i>Показано существование широко распространенных антисталинских настроений в советском обществе, что опровергает миф о «всеобщей любви к товарищу Сталину» и «единогласной поддержке» его политики.</i>	
Уваров С.Н. (Ижевск) – Миграция сельского населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: историография вопроса	92
<i>Анализируется историография вопроса миграции сельского населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны.</i>	

Сообщения и заметки

- Овчаренко О.Н. (Омск)** – Проблемы развития крестьянского хозяйства Западной Сибири в местных комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности: взгляды либерального чиновничества (1902 – 1903 гг.) 101
Освещаются позиции либерально настроенного чиновничества Западной Сибири по вопросам развития крестьянского хозяйства региона в рамках их обсуждения в местных комитетах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.
- Ланник Л.В. (Саратов)** – 2 марта 1917 г. и 9 ноября 1918 г.: военные элиты в ходе двух отречений 109
Сравниваются военные элиты России и Германии в условиях отречения монархов 2 марта 1917 г. и 9 ноября 1918 г. Выявлены общие черты их поведения.

Личность в истории

- Мурашов Д.Ю. (Пенза)** – Внутренний эмигрант. (Литературовед А.В. Храбровицкий и пензенское краеведение) 122
Рассказывается о пензенском периоде жизни известного советского литературоведа Александра Вениаминовича Храбровицкого.

Постановка проблемы

- Калягин А.В. (Самара)** – Провокация в истории Гражданской войны (постановка проблемы) 130
Поднимается вопрос о применении противоборствующими сторонами в годы Гражданской войны начала XX в. в России провокационных методов и значении данного факта для оценок ее событий.

Первые шаги в науке

- Саберов Р.А. (Нижний Новгород)** – Финно-угорское жречество XX века: проблемы развития 138
Показано развитие жреческого института у финно-угорских народов Среднего Поволжья в XX столетии.

- Локтева М.Н. (Челябинск)** – Облик регионального студенчества конца XX века
(по материалам Южного Урала) 149
Выясняются изменения, происходившие в студенчестве Южно-Уральского региона в
1990-е годы.

Свидетельства и документы

- Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания в Самаре: начало и конец.
(Из воспоминаний) 162
Подготовка публикации – **А.В. Калягин (Самара)**
- Союз георгиевских кавалеров (из фондов архива) 174
Подготовка публикации – **О.В. Зубова (Самара)**
- «Благоговеен, трудолюбив и миролюбив...» Документальный портрет митрополита
Мануила (Виктора Викторовича Лемешевского) 180
Подготовка публикации – **А.Г. Подмарицын (Самара)**

Редкое издание

- Бой под Сандепу. (Приложение ко 2-му тому Отчета генерал-адъютанта Куропаткина) 201
Подготовка публикации – **Н.М. Малкова (Самара)**

Рецензии

- В.Г. Афанасьев, Ф.Л. Севастьянов, И.В. Волошинова.** Выпускник Горного института барон
Петр Врангель: жизнь и судьба. СПб.: Санкт-Петербургский государственный горный
институт имени Г.В. Плеханова (технический университет), 2010. 199 с.
Э. Кронер. Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля / Пер. с англ.
Т.П. Тетеревлевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
463 с. 215
Рецензия – **С.М. Исхаков (Москва)**

Книжная полка

- Из поступлений в Самарскую областную универсальную научную библиотеку 221

Безгина Ольга Анатольевна

канд. ист. наук

Тольяттинский государственный университет

К ВОПРОСУ ЭВОЛЮЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ КООПЕРАЦИИ ПОВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Первые отечественные кооперативы появились на волне модернизации страны, связанной с реформами Александра II. Развитие кооперативного движения России началось с появления потребительских, сельскохозяйственных и кредитных обществ. Поскольку к началу XX в. более 80% населения Поволжья было занято в сельскохозяйственном производстве, наиболее активно здесь развивалась крестьянская кооперация в форме сельскохозяйственных и кредитных товариществ.

С 60-х годов XIX в. инициаторами создания кооперативов выступали наиболее активные и образованные люди своего времени. Ориентируясь на опыт западноевропейских стран, они рассматривали кооперацию как социально-экономический феномен, способный стать средством для включения населения в рыночную экономику и формирования новых социальных отношений. Однако вплоть до начала XX в. попытки развить деятельность вновь открытых кооперативных обществ были безуспешны. Зачастую, просуществовав короткое время и израсходовав выделенные средства, они закрывались.

Благодаря усилиям инициативных людей в 1860 – 1870-е гг. в России открывалось довольно много кооперативных обществ. Но уже в 1880-е гг. мы наблюдаем их повсеместное закрытие. По подсчетам А.А. Исаева, к 1881 г. в стране было создано 902 кредитных общества, но через 10 лет (к 1891 г.) их число сократилось до 822, а еще через 10 лет (к 1901 г.) – до 788, многие из которых существовали лишь номинально¹. Отрицательная динамика в развитии кооперативных обществ свидетельствовала об искусственном характере

---

¹ Исаев А.А. Новое кооперативное законодательство. Пг., 1918. С. 6.

большинства из них, неподготовленности и настороженном отношении населения к нововведениям.

Неудачными были и первые опыты земства в деле организации кредитной помощи крестьянству. Земские деятели либо выделяли средства на показательные мероприятия сельскохозяйственных обществ, либо ссужали непосредственно крестьян при организации сельскохозяйственных кредитных товариществ. Однако обычными последствиями этих операций, по словам известного русского экономиста начала XX в. профессора А.Н. Анциферова, специально занимавшегося этой проблемой, были «чрезвычайно вялый возврат ссуд и списывание безнадежных долгов. Бывали случаи и прямого оперирования этими средствами со стороны должников земства, как ростовщическим фондом. В результате получилась не организация кредита, а дезорганизация благотворительной помощи населению, с неизбежным своим последствием – убытками»². Поэтому закономерным представляется вывод современного исследователя кооперативного движения В.Г. Егорова о том, что главной причиной слабого развития кредитной кооперации в эти годы было то, что крестьяне «не чувствовали своей заинтересованности в делах кооператива и рассматривали благотворительную, по сути, деятельность земств как источник дохода»³.

Пореформенный период в истории кооперативного движения России был, по определению историка кооперации А.Д. Билимовича, временем «первых кооперативных опытов»⁴. Основой для их реализации выступала частная инициатива людей, проповедующих путь убеждения и силу примера. А.В. Чаянов писал по этому поводу: «...Если отбросить бытовые формы кооперации в виде супряги, артелей и прочее, то необходимо признать, что первые шаги кооперативного движения... обязаны энергичной проповеди энтузиастов народничества, приносивших в деревню в своем сознании готовые кооперативные системы и осуществлявших их с настойчивостью и прямолинейностью просвещенного абсолютизма»⁵.

Изменения в социально-экономической жизни пореформенной России подготовили коренной перелом, наметившийся в начале XX века, по словам Чаянова, «в самых основных устоях нашего земледелия, да и всего народного хозяйства»⁶. Крестьянское хозяйство постепенно втягивалось в торгово-рыночный оборот, что создавало условия и вызывало необходимость перехода от

---

² Анциферов А.Н. Центральные банки кооперативного кредита. М., 2005. С. 260.

³ Егоров В.Г. Кооперативное движение в дореволюционной России (новый взгляд) // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 11.

⁴ Билимович А.Д. Кооперация России до, во время и после большевиков. М., 2005. С. 47.

⁵ Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // Экономическое наследие А.В. Чаянова. М., 2006. С. 254, 255.

⁶ Там же. С. 289.

полунатуральной формы хозяйствования к товарно-денежной. В связи с этим появились условия для развития кредитной кооперации, причем, преимущественно в сельской местности.

Определяющим в этом процессе стало оформление законодательной базы кредитной кооперации. 1 июня 1895 г. было издано Положение «Об учреждении мелкого кредита». Вслед за этим министр финансов России С.Ю. Витте утвердил в 1896 г. образцовые (типовые) уставы ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, что значительно облегчило процедуру их открытия. В соответствии с новым Положением «Об учреждении мелкого кредита», высочайше утвержденным 7 июня 1904 г., при Государственном Банке было учреждено специальное Управление по делам мелкого кредита. Утвержденные 14 сентября 1905 г. образцовые уставы для кредитных и ссудо-сберегательных товариществ облегчали получение разрешения на открытие последних, что послужило толчком для их развития. Государственные органы через Госбанк и инспекции мелкого кредита, земства, кассы мелкого кредита начали оказывать целенаправленную организационную и финансовую поддержку кооперативам.

К моменту оформления законодательной базы кооперации экономическое развитие поволжских губерний достигло того уровня, когда кредитная кооперация начала реально участвовать в создании инфраструктуры аграрного сектора экономики. Население начало осознавать преимущества кооперации и выгоду от участия в ней. У крестьян начали формироваться потребности к изменению системы земледельческого труда и улучшению его технологии. Появлялась необходимость в производственном кредите, в совместной покупке сельскохозяйственных машин и других орудий производства, в объединении крестьян для совместного сбыта излишков продукции хозяйства.

Общее представление о развитии кредитной кооперации России в 1900 – 1913 гг. дают цифры роста числа кредитных товариществ, членов в них, суммы вкладов и ссуд (см. *Таблицу 1*).

С 1900 по 1913 гг. количество кредитных товариществ в стране выросло в 20 раз, а число членов – с 300 до 8 261 332. Появились и высшие формы кредитной кооперации – союзы⁷. Особенно интенсивно развивалась кредитная кооперация после революции 1905 – 1907 годов. За период с 1907 г. по 1910 г. количество кредитных товариществ увеличилось почти в 4 раза, а к 1913 г. – почти в 8 раз.

---

⁷ Важным шагом кооперативного строительства было утверждение министром финансов 13 июля 1911 г. уставов 9 союзов учреждений мелкого кредита. Новый устав закрепил цель союзов, заключающуюся в «установлении и развитии постоянных сношений между вошедшими в него товариществами и совместной их деятельности, направленной к наиболее успешному достижению их задач». (Ковылин Д.А. Кооперация в казачьих районах России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 493).

Более всего о качестве работы кооперативов говорят цифры постоянного роста суммы вкладов и ссуд, выдаваемых кредитными товариществами. Эти показатели увеличились в 23,4 раза и в 18 раз соответственно. Сумма балансов кредитной кооперации России на 1 января 1914 г. составляла 614 млн. руб.⁸ Все это свидетельствовало о включении в рыночные отношения больших масс населения, живших не только в столицах и крупных городах, но и, что более важно, в многочисленных отдаленных селах и деревнях.

Таблица 1.

Развитие кредитной кооперации в России (1900 – 1913 годы)⁹

Год	Число товариществ	Количество членов	Число кредитных союзов (действ.)	Сумма вкладов, млн. руб.	Сумма ссуд, млн. руб.
1900	783	300 000	–	15,5	28,0
1905	1 680	729 107	2	37,5	58,2
1910	6 693	3 447 035	5	150,6	199,9
1913	13 105	8 261 332	11	363,1	516,4

В Поволжье одним из первых кредитных кооперативов стало кредитное общество в селе Хрящевка Ставропольского уезда Самарской губернии, начавшее свои операции в 1898 г. с трех тысяч рублей занятого капитала. Первоначально в общество входило 372 человека. В течение трех лет Хрящевское кредитное товарищество оставалось единственным в губернии, но в 1902 г. возникло сразу 20 кредитных товариществ, в которых состояло уже 3 872 члена¹⁰. По истечению года баланс вновь открытых товариществ составил 59 тыс. руб. С этого времени из года в год число кредитных товариществ в губернии увеличивалось и к 1914 г. достигло 305¹¹. В 1913 г. в кредитных товариществах Самарской губернии объединялось 186 895 крестьянских хозяйств, а сумма вкладов составляла почти 7 млн. руб. Таким

⁸ История экономики: Учеб. пособие / Под ред. Н.Л. Клейн. Ч. 1. Самара, 1998. С. 226.

⁹ Составлено автором по: Прокопович С.Н. Кредитная кооперация в России. М., 1923. С. 15; Кабанов В.В. Кредитная кооперация России к 1917 году // Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории. Иваново, 1996. С. 73.

¹⁰ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

¹¹ Там же.

образом, в довоенный период вся Самарская губерния покрылась сетью кредитных обществ.

Подобная динамика была типичной для большинства губерний Поволжья, где темпы роста кредитных кооперативов в среднем превысили общероссийский уровень. В Самарской губернии за 1901 – 1913 гг. общее количество кооперативов увеличилось более чем в 300 раз (в целом по России в 20 раз), а количество членов выросло с 21 до 186 895¹². В Пензенской губернии в 1904 г. действовало 2 кредитных товарищества, в 1909 г. – 55, а в 1912 г. – 157¹³. В 1913 г. число кредитных кооперативов в губернии превысило 300¹⁴. Стабильный рост числа ссудо-сберегательных и кредитных товариществ наблюдался и в Саратовской губернии. В 1904 г. здесь открылось 16 ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, в 1907 г. – 50, в 1913 г. – 145. Всего в 1914 г. в Саратовской губернии действовало 255 ссудо-сберегательных и кредитных товариществ¹⁵. Несколько медленнее развивалась кредитная кооперация в Казанской губернии. С 1901 г. по 1907 г. здесь насчитывалось лишь 18 кредитных товариществ¹⁶. Однако к 1917 г. эти показатели в Казанской губернии сравнялись со средними по региону.

Рост числа кредитных товариществ и их пайщиков стимулировал увеличение финансовых средств, а соответственно и помощь, которую они могли оказывать сельскому населению. Число выданных ссуд ежегодно возрастало. Проследить это можно на примере кредитной кооперации Самарской губернии (см. *Таблицу 2*).

Анализ финансовых отчетов кредитных кооперативов показывает, что увеличивались суммы, выделяемые на кредиты крестьянам, расширялся круг лиц, пользовавшихся этими кредитами. Приведенные данные наглядно показывают и зависимость кооперативной деятельности от социально-экономических условий в стране. Так, явно выделялись возросшим процентом просроченных ссуд засушливые и неурожайные 1906 и 1911 годы, а также революционные 1905 и 1907 годы.

В целом по стране к концу 1913 г. из выданных ссуд 87-88% носили производительный и лишь 12-13% – потребительский характер¹⁷. Сокращение из

---

¹² ЦГАСО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 59. Л. 12.

¹³ Гуляев Р.А. Становление и развитие кредитной кооперации Пензенской губернии в 1904 – 1930 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. С. 16.

¹⁴ Ягов О.В. Властное регулирование кооперативного сектора экономики Поволжья в первой трети XX в. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 650.

¹⁵ Нейфельд Е.Я. Кооперативное движение в 1917 – 1921 гг.: теория, политика, практика (на материалах Оренбургской, Самарской и Саратовской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1993. С. 39.

¹⁶ Кооперация в СССР за десять лет. М., 1928. С. 32.

¹⁷ Билимович А.Д. Указ. соч. С. 52.

года в год процента просроченных ссуд свидетельствовало о возрастающей ответственности крестьян по отношению к своим кредитным товариществам, а также о том, что это были производственные ссуды, которые брались на развитие хозяйства, а не на ежедневные потребности.

Таблица 2.

Число выданных и просроченных ссуд кредитными кооперативами Самарской губернии (1901 – 1914 гг.)¹⁸

Годы	Количество кредитных товариществ	Выдано ссуд (руб.)	Просрочено ссуд (%)
1901	1	–	–
1902	20	82 600	–
1903	44	447 400	2,1
1904	68	940 000	4,8
1905	81	1 468 300	11,6
1906	105	1 443 700	19,6
1907	138	1 942 900	18,0
1908	157	3 429 600	15,3
1909	178	4 680 800	8,0
1910	196	7 217 500	6,0
1911	210	6 067 500	12,0
1912	266	9 932 000	5,2
1913	289	15 840 000	3,7
1914	305	16 218 800	5,4

Таким образом, подтверждались слова князя Васильчикова, который еще в самом начале развития кредитной кооперации в России предрекал «неожиданное явление исправности возвращения ссуд» в товариществах: «Русский человек, как говорит пословица, не перекрестится, пока гром не грянет, что неисправность

¹⁸ Составлено автором по: ЦГАСО. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 5. Л. 32, 40.

платежа происходит часто не от несостоятельности, не от недостатка средств, а от нашей беспечности, которая как бы ожидает понуждения и угрозы, чтобы исполнить свои долговые обязательства»¹⁹. Неизбежность роста ответственности крестьян перед своим кредитным товариществом А.И. Васильчиков объяснял двумя причинами: выгодой пользоваться не единовременными, а постоянными ссудами из товарищества, находящегося вблизи местожительства крестьянина, и пользоваться этими ссудами «не по милости начальства», а по праву. «Это удобство для крестьянина так велико в сравнении с той ограниченной и скромною суммой, которую он должен возвратить, что он, разумеется, опасается потерять навсегда это право от единовременной своей неисправности и потому напрягает все свои силы, чтобы внести сумму долга в срок и остаться членом товарищества, имея в виду, что внеся ее в сроки, он всегда будет иметь возможность вновь ею воспользоваться»²⁰.

Выдающийся отечественный экономист и кооператор С.Л. Маслов вполне правомерно считал, что успехи сельскохозяйственной кредитной кооперации были обусловлены тем, что она «своей хозяйственной деятельностью обслуживает конкретные, злободневные потребности крестьянского хозяйства, увеличивая тем самым продуктивность труда и доходность крестьянских хозяйств»²¹. При этом, отмечал Маслов, кредитная кооперация оказывала стимулирующее воздействие на хозяйственную инициативу крестьян.

Действительно, кредитные кооперативы в своей повседневной деятельности затрагивали широкий круг «конкретных злободневных потребностей крестьянского хозяйства». К примеру, участники Бузулукского (Самарской губернии) уездного съезда представителей кредитных кооперативов 12 декабря 1910 г. помимо изменений в устав кредитных товариществ обсуждали такие вопросы, как роль земства в развитии кредитных товариществ; участие товариществ в поднятии сельского хозяйства; распространение сельскохозяйственных орудий и семян; распространение племенного рогатого скота; устройство опытных полей.

В ходе дискуссии участники съезда предлагали увеличить кредит товариществам для выдачи ссуд под залог хлеба; предоставить право кредитоваться в частных учреждениях; организовать выдачу ссуд из Государственного банка для устройства собственных зернохранилищ и т.д. Кроме того, обсуждали возможность получения кредитов от Государственного банка на более льготных условиях и взаимодействия с банком через местное Казначейство, выдачи ссуд под залог скота

---

¹⁹ Васильчиков А.И. Ссудо-сберегательные товарищества в России. (Доклад, сделанный на заседании Политико-экономического комитета ВЭО 14 марта 1872 г. и прения по нему) // Кооперация. Страницы истории. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. М., 2001. С. 111.

²⁰ Там же.

²¹ Маслов С.Л. Экономические основы сельскохозяйственной кооперации. М., 1928. С. 676.

при условии принятия его «на страх» кредитным товариществом за счет прибылей и под залог надельной земли. Рассмотрели гласные и вопросы учреждения должности инструктора по мелкому кредиту и увеличения штата инспекторов по мелкому кредиту – «до одного на каждый уезд с местожительством в уездном городе», а также проблему образования союза кредитных товариществ «для более равномерного распределения кредита и совместной продажи сельскохозяйственных продуктов, принятых под залог»²². Столь широкий круг рассматриваемых вопросов, а также факт председательства на съезде главы земской управы Е. Жданова говорит о том, что кредитная кооперация занимала важное место в хозяйственной жизни уезда.

По мере развития кредитная кооперация начала, помимо своих основных функций, выполнять и сбытоснабженческие операции в деревне. «В настоящее время прочное положение дел в кооперативах – в отношении простейших операций – ссудной и вкладной мало озабочивает их руководителей; интерес привлекается более сложными операциями, выдачей ссуд под обеспечение арендой надела и организации сбыта хлеба с помощью зернохранилищ», – писала в 1913 г. «Торгово-промышленная газета»²³.

К новому для себя виду деятельности кредитные товарищества подходили весьма осторожно, и первое время снабжали население наиболее необходимыми крестьянам товарами: сельскохозяйственными машинами, орудиями, семенами и т.п. Но постепенно ассортимент товаров, реализуемых кооперативами, увеличивался. Кредитные товарищества переходили к снабжению населения и другими товарами, соединяя функции кредитной и потребительской кооперации. Историк кооперации начала XX в. В.Ф. Тотомианц отмечал универсальный характер кредитных кооперативов: «Они берут на себя функции потребительных и сельскохозяйственных кооперативов, закупая все, что нужно крестьянам, и сбывая продукты их труда»²⁴. Тем самым кредитные кооперативы фактически заняли свободную нишу, так как в русской деревне того периода отсутствовала какая-либо организованная система, способная взять на себя эти функции. Кредитная кооперация, ориентированная на сельскохозяйственное производство, начала укреплять связь крестьянских хозяйств с рынком.

В поволжских губерниях значительное место в сбытоснабженческой деятельности кредитных кооперативов занимали хлебозаготовительные операции. Из года в год в эту деятельность включалось все большее число кооперативов. Так,

---

²² ЦГАСО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 59. Л. 12.

²³ Цит. по: Кабытов П.С. Поиски выхода из кризиса // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С. 160.

²⁴ Тотомианц В.Ф. Кооперация в России. Прага, 1922. С. 22.

если в 1905 г. 117 кредитных товариществ Самарской губернии занимались сбытоснабженческими операциями, то в 1910 г. – 1 134, а в 1914 г. – 5 854²⁵. Развитие предпринимательской деятельности кооперативов, как общероссийскую тенденцию, отмечал С.Л. Маслов: «В России кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, наряду со своими чисто кредитными функциями, занимаются, так называемыми, посредническими операциями, куда входит закупка для своих членов предметов сельскохозяйственного обихода и сбыт продуктов их труда. ...Нередко посреднические операции кредитных кооперативов преобладают над их кредитными функциями»²⁶. Этот опыт широко впоследствии использовался кредитными кооперативами в период Первой мировой войны, когда государство возложило на них функцию организации поставок для армии продовольствия и других товаров.

В связи с развитием торговли большое распространение в деятельности кредитных товариществ получили хлебозалоговые операции. Они давали возможность продавать хлеб тогда, когда на него устанавливалась более высокая цена. С введением этих операций крестьянину не нужно было везти хлеб на рынок сразу же после его уборки. Этим обстоятельством были очень недовольны перекупщики хлеба, раньше скупавшие его по ценам, которые сами и назначали. Для развития хлебозалоговых операций кредитные товарищества обзаводились довольно крупными зернохранилищами. Теперь крестьяне прибегали к их помощи не только при залоге хлеба, но и при продаже его. Одновременно у крестьян воспитывалась культура хранения, переработки и торговли хлебом.

Реализовывать зерно через кооперацию стало для крестьянина более выгодно, чем частным образом. Самарский историк Н.Ф. Тагирова отмечала, что падение цен на зерно в 1893 – 1896 гг. обусловило появление в поволжском регионе большого числа мелких скупщиков в лице местных торговцев и зажиточных крестьян, которые позже открывали лавки. Однако положение таких торговцев оставалось неустойчивым. «Если в период дешевого хлеба можно было «себе что-нибудь сколотить», то в XX в. новое мало-мальски значительное снижение цен разоряло крестьянина-торговца, так как он не мог выдержать конкуренции с оптовиками, которые имели хлебные запасы нескольких лет и уже не зависели от конъюнктуры»²⁷. Поэтому мелкая лавочная торговля вследствие незначительности оборотов и конкуренции не приносила крестьянину большой пользы, а

---

²⁵ Безгина О.А. Из истории кооперативного движения в дореволюционной России. // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара, 2004. С. 186.

²⁶ Маслов С.Л. Кооперация в крестьянском хозяйстве. М., 1922. С. 44.

²⁷ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 176, 177.

посреднические операции кооперативов, напротив, были очень выгодны крестьянину.

Примечательно, что с развитием кредитной кооперации изменялся и социальный состав их руководящих органов. Если в пореформенный период в руководстве товариществ помещики и духовенство составляли до 25%, а съезды представителей ссудо-сберегательных товариществ по своему составу были почти исключительно дворянскими, то в начале XX в. первые же сколько-нибудь массовые обследования руководящих органов кредитных кооперативов показали широкое участие в них самих крестьян. Крестьяне составляли $\frac{3}{4}$ всех членов правлений²⁸. В еще более значительной степени эта тенденция проявлялась в поволжских губерниях, где сельское хозяйство оставалось доминирующей отраслью экономики.

Вместе с тем необходимо отметить, что в кооперацию шли лишь наиболее просвещенные и передовые крестьяне. Эту особенность отмечал и С.Н. Прокопович: «Мы знаем, что в кооперацию идет более работоспособный, более культурный и предприимчивый крестьянин. ...Передовые в хозяйственном отношении, прогрессивные элементы крестьянства нашли в кооперативных товариществах и союзах ту форму объединения, которая наиболее удачно обслуживает нужды их хозяйств»²⁹.

В целом же, процесс вовлечения крестьян в деятельность кредитной кооперации осложнялся не только тяжелым финансовым положением, но и общим низким культурным уровнем крестьян. У большей части крестьянского населения оставалось настороженное отношение к кооперации. Показательным примером может служить зарисовка сельской жизни, оставленная участковым агрономом Пензенской губернии С. Шиковым: «С первых же шагов своей деятельности пришлось обратить внимание на отсутствие у населения доступного кредита и заняться организацией кредитных товариществ... Местные богатеи берут 36-60% в год, не считая угощений. Волостные кассы ограничиваются ссудами в 5-10 рублей, и ждать приходится несколько месяцев. Однако на предложение получать деньги под 12% в год по копейке на рубль в месяц, где и поручителей не нужно, дают по личному доверию и проч. и проч. слышно: "не желаем", "не к добру", "слыханное ли дело деньги даром раздавать будут", "от антихриста это", "всякими ерундами заниматься нам некогда", "вот нам бы водочки!" ...Один пришел после записи: "Вычеркни мол, труба ночью лопнула, а старуха-мать молит: "Поди, выпишись, не к

---

²⁸ Корелин А.П. Социальный состав участников кредитной кооперации в России в конце XIX – начале XX в. // Социально-экономическое развитие России. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. М., 1986. С. 230.

²⁹ Прокопович С.Н. Сельскохозяйственная кооперация и бюджет крестьянского хозяйства. М., 1922. С. 91.

добру это"»³⁰. Не случайно следующим этапом в деятельности кооперативов стало развитие культурно-просветительной работы в среде своих членов и населения.

Тем не менее, к началу Первой мировой войны кредитная кооперация основательно потеснила ростовщика, обеспечивая крестьян дешевым кредитом, перешла к снабжению продуктами и товарами, начала забирать в свои руки хлебные операции. Кредитные товарищества стали и первыми культурными центрами в деревне, работа которых стимулировала у крестьян стремление к самостоятельному улучшению жизни, не надеясь на кого бы то ни было.

Основным стимулом в развитии кооперации, а также, по определению современного исследователя кооперативного движения начала XX в. В.Г. Егорова, «диверсификации ее форм» является экономический интерес самого населения, спровоцированный в свою очередь развитием рыночных условий экономики. Все это сформировало условия для того, чтобы заработал наиважнейший и «коренной», по определению Анциферова, принцип кооперации – «самодеятельность населения, а, следовательно, и сознание ответственности».

Функционирование кредитной кооперации, объединявшей наиболее работоспособную, инициативную в хозяйственном отношении часть крестьянства, существенно повышало эффективность ведения хозяйства в деревне, обеспечивало крестьян недорогим кредитом и сдерживало процесс расслоения деревни. Все эти меры не могли не способствовать улучшению жизни крестьян, и в целом укреплению сельского хозяйства страны.

Таким образом, начало XX в. стало очень важным периодом не форсированного, а поступательного развития кооперативного движения России. «Энергичная проповедь» первых энтузиастов кооперации вылилась в стройную систему преобразований, «единство которой должно приписываться не столько... субъективному сознанию и его творящей воле, сколько объективной необходимости государственного и экономического развития страны»³¹.

На данном этапе решающее значение для развития кооперативного движения сыграл тот факт, что правительство начало оказывать помощь кооперативам, стремясь взять этот процесс под свой контроль, «капитализировать» его. В начале XX в. происходил активный поиск путей совершенствования сельскохозяйственного сектора экономики. Очевидно, что в стране, где сельское население составляло более 80%, не могло быть сколько-нибудь существенного улучшения социально-экономической ситуации без включения в эти преобразовательные процессы непосредственно крестьянства. Первые опыты развития кооперации увеличили ряды сторонников кооперативной эволюции и утвердили мнение о том, что кооперация,

---

³⁰ Цит. по: Ягов О.В. Указ. соч. С. 650-651.

³¹ Чаянов А.В. Указ. соч. С. 254.

как, пожалуй, никакая другая форма социально-экономической организации населения, отвечала задаче модернизации страны.

При этом кооперативная политика правительства носила противоречивый характер. С одной стороны у власти уже сформировалось понимание необходимости помогать крестьянству, развивать его самостоятельность и того, что развитие кооперации ускоряло процесс модернизации аграрного сектора экономики. Но с другой стороны, у власти сохранялось опасение самодеятельности народа, объединенного в кооперативы. Тем более что и идеологи кооперативного движения связывали его развитие не только с экономическими, но и с демократическими преобразованиями в стране. Так, например, историк кооперации А.А. Николаев еще в 1906 г. писал, что «кооперация не может развиваться в нашей деревне, пока крестьянство (тормоз) не будет уравновешено в своих правах с другими сословиями»³².

Наиболее явно противоречивость отношения власти к кооперации просматривается через призму развития кооперативного законодательства, которое, расширяя сферы кооперативной деятельности, вместе с тем ужесточало государственный контроль над кооперативами. Согласно «Положению об учреждениях мелкого кредита» от 1 июня 1895 г. вся деятельность кооперативов ставилась под строгий контроль Государственного банка, который должен был осуществлять его через сеть своих инспекторов.

Существовавшая разрешительная система открытия кооперативов, при которой разрешающее лицо руководствовалось часто своими представлениями, а не определенными правилами закона, тормозила развитие кооперативного движения. Из-за отсутствия специального кооперативного закона главы губернских администраций часто брали на себя функции законодательного органа. К примеру, пензенский губернатор своим распоряжением не только запретил принимать в кооперативы поднадзорных лиц, но и изгнал из них всех, кто «скомпрометировал себя перед властью каким бы то ни было образом»³³.

Все это, безусловно, не могло не тормозить развитие кооперативного движения. И, тем не менее, несмотря на механизм торможения, заключавшийся в неподготовленности населения, с одной стороны, и настороженном отношении государства, с другой, в начале XX века кооперация заявляет о себе как о новом явлении социально-экономической жизни России.

---

³² Николаев А.А. Кооперация. Издание редакции журнала «Русское богатство». СПб, 1906. С. 44.

³³ Коновалов И.Н. Сельскохозяйственная кооперация: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1999. С. 325, 326.

Мамулиа Георгий

PhD

Высшая школа общественных наук (Франция, Париж)

СОЦИАЛИСТ-ФЕДЕРАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПАРТИЯ ГРУЗИИ В 1906 – 1914 ГОДАХ

Проблема возникновения и развития политических партий в Грузии является одной из актуальных задач современной грузинской историографии. В особенности это касается истории Социалист-федералистской революционной партии Грузии, вокруг которой в 1904 – 1917 гг. происходила консолидация политических деятелей, сыгравших руководящую роль в национально-освободительном и антиколониальном движении грузинского народа. Деятельность социалистов-федералистов на сегодняшний день является гораздо менее изученной по сравнению, скажем, с историей Социал-демократической партии Грузии. Последняя, являясь до 1918 г. составной частью российской социал-демократии, по понятным причинам куда чаще попадала в поле зрения исследователей по сравнению с социалистами-федералистами, которые, испытывая определенное влияние русских эсеров, являлись, тем не менее, с самого начала своего существования самостоятельной грузинской партией. Истории Социалист-федералистской партии Грузии посвящен ряд публикаций, из которых наиболее значительной является монография Дм. Швелидзе¹. Основанная в основном на материалах грузинских архивов, монография, по независящим от ее автора причинам, оставляет открытым целый ряд вопросов, ответы на которые можно дать лишь с помощью привлечения зарубежных архивных материалов. В настоящей статье поставлена цель на основе сравнительного анализа документов, хранящихся в грузинских, российских и западноевропейских архивах осветить основные этапы развития Социалист-федералистской революционной партии Грузии в 1906 – 1914 гг., в период от

---

¹ Швелидзе Дм. Возникновение политических партий в Грузии. Федералисты. Тбилиси, 1993 (на груз. яз.).

подавления первой революции в Российской империи до начала Первой мировой войны.

С 1906 г., воспользовавшись завершением русско-японской войны, а также разгромом революционного восстания в Москве и Петербурге, царское правительство приступило к подавлению сопротивления и на периферии империи. В декабре 1905 г. в ответ на забастовку, объявленную рабочими Тифлиса в знак солидарности с революционными выступлениями на московских и петербургских предприятиях, царский наместник на Кавказе И. Воронцов-Дашков ввел в Тифлисе военное положение, дав тем самым сигнал к наступлению на местных революционеров. К 5 января 1906 г. после тяжелых потерь казакам удалось занять рабочие районы Тифлиса. По приказу наместника, регулярные войска подвергали восставшие районы артиллерийскому обстрелу до тех пор, пока контроль над городом не был восстановлен². Повстанцы продолжали оказывать сопротивление, не исключая акты террора против наиболее «отличившихся» карателей. Именно в эти дни грузинский социал-демократ А. Джорджиашвили убил начальника штаба Кавказской армии генерала Ф. Грязнова³. Тем не менее, силы были слишком неравными.

Подавив сопротивление вокруг и в самом Тифлисе, войска под командованием хорошо известного своими жестокостями генерала М. Алиханова-Аварского были брошены на подавление восстания в Западной Грузии, которое, по мнению власти, приняло форму превращения в независимое государство, состоявшее из самоуправляющихся коммун, признающих лишь власть революционных комитетов. Оправившись от нервного потрясения, вызванного событиями на Кавказе, Воронцов-Дашков назначил Алиханова временным губернатором Кутаисской губернии с фактически неограниченными полномочиями. Восставшие пытались задержать движение войск, заблокировав туннель, связывающий Восточную Грузию с западной частью страны, а также оказывая во многих местах вооруженное сопротивление. Казаки ответили жесточайшими репрессиями, при малейшем сопротивлении уничтожая население и сжигая на своем пути целые населенные пункты. Войдя в Кутаиси с помощью применения легкой артиллерии, казаки подвергли город массовому разграблению, о чем сообщалось даже в рапортах полицейских властей города⁴. По свидетельству очевидцев, городские казармы были превращены в настоящий рынок. «Офицеры и солдаты отправляли по почте членам своих семей украденные и разграбленные вещи»⁵.

---

² Lang D.M. A Modern History of the Soviet Georgia. New York, 1962. P. 162.

³ Ibid. P. 166-167.

⁴ Ibid. P. 167-168.

⁵ Compte rendu de la IIIme Conférence des Nationalités réunie à Lausanne 27-29 juin 1916. Publié par

Американский журналист К. Дарланд, посетивший Кутаиси в начале 1906 г., после захвата города войсками Алиханова, удостоился чести лично беседовать с генералом. На вопрос американца о том, чем оправданы столь варварские меры, примененные им против местного населения, Алиханов ответил: «Народ, живущий в этой провинции плохой, очень плохой. Единственный путь подавить их, это тот, который применяют мои солдаты». «Здесь живет много людей, принадлежащих к разным племенам и расам. Неужели среди них нет никого, кто бы был хорошим?» – возразил журналист. «Нет, все они плохие. Грузины хуже всех, но все они против правительства и должны быть уничтожены». Затем Алиханов добавил на превосходном французском языке: «Эти люди террористы, они социалисты и революционеры. Когда я слышу, что человек социалист или революционер, я приказываю моим солдатам сжечь его дом. Это единственный способ»⁶. После подавления восстания около 13 000 человек, в основном из Тифлисской и Кутаисской губернии, были выселены из Закавказья. Многие были сосланы в Сибирь. Под суд было отдано около 8 334 человек⁷.

Тень «Сириуса» над Кавказом

Будучи в курсе трагических событий разыгравшихся на Кавказе, находящийся в Париже Г. Деканошвили и его соратники также не сидели сложа руки. Понимая, что по причине неравного соотношения сил повстанцам не удастся оказать сопротивление войскам в открытом бою, они решили сосредоточиться на партизанских действиях. В частности, задумали снабдить повстанцев самыми современными германскими ружьями с оптическими прицелами с целью уничтожения офицеров, руководящих карательными операциями. В начале февраля первая партия этих ружей (вероятно, в количестве нескольких сотен стволов) была закуплена в Дрездене и направлена в Марсель для отправки в Грузию⁸.

Напуганная экспедицией «Сириуса», специально приобретенного голландского парохода, сумевшего в ноябре 1905 г. доставить большую партию оружия в Грузию⁹,

---

l'Office centrale de l'Union des Nationalités. Lausanne, 1917. P. 135-136.

⁶ Durland K. The Red Reign. The True History of an Adventurous Year in Russia. New York, 1907. P. 111-112.

⁷ Lang D.M. Op. cit. P. 168; Уратадзе Г. Общественное движение в Грузии (1821 – 1921). Париж, 1939. С. 61-62 (на груз яз.).

⁸ Ш. Иосава – Г. Деканошвили, 25. 1., 2. 2., 5. 2. 6. 2. 1906 // Centre historique des archives nationales (далее – CHAN). Fonds Georges Dekanozichvili. Carton 345AP/1.

⁹ Об экспедиции «Сириуса», а также создании Социалист-федералистской революционной партии Грузии и ее роли в революции на Кавказе в 1905 г. см.: Мамулия Г. Как самурай стал союзником Прометея: японо-кавказская смычка в годы русско-японской войны // Исторический вестник. Т. 2. М., 2012.

царская политическая полиция сосредоточила с 1906 г. все свои силы на наблюдении за входящими в Черное море кораблями, на которых, по мнению ее агентов, могло находиться предназначенное для кавказских повстанцев вооружение. По данным спецслужб империи, оружие могло перевозиться на четырех различных пароходах, вышедших из Голландии и Англии в мае-июне 1906 г. Хотя официальным местом назначения кораблей была Одесса, в Петербурге опасались, что, как и в случае с «Сириусом», пароходы могли сменить курс в Черном море, незаметно подойдя к кавказским берегам. Наибольшее подозрение вызывал пароход «Египтянин» («Egyptian»), вышедший из Лондона 10 июня и, по данным полиции, везущий 20 ящиков пулеметов и около 100 ящиков оружия, включая винтовки и патроны. Оружие предназначалось для подпольных организаций Одессы, Батуми и Баку. Допуская, что оружие может быть перегружено на другое судно в Константинополе, телеграмма, посланная 23 июня генерал-губернаторам Батуми, Кутаиси и Новороссийска, сообщала, что «в Лондоне сдавали груз какие-то кавказцы». 19 июля, полученная батумским генерал-губернатором телеграмма извещала, что «Египтянин» уже вышел из Константинополя, и «выгрузку оружия можно ожидать между Батумом и Трапезундом». В августе командованием Кавказского военного округа была разработана специальная инструкция, уточнявшая действия, которые необходимо было предпринять для предотвращения выгрузки оружия на Кавказе¹⁰. Несмотря на все эти приготовления пароход «Египтянин», судя по всему, так и не был обнаружен у кавказских берегов. Если выгрузка оружия имела место, она, вероятно, была произведена на территории Турции.

Не исключено, что именно этими рейсами были отправлены в Грузию и две типографские машины, купленные Деканозишвили для грузинских социалистов-федералистов. Еще 25 мая 1905 г. в докладе в Департамент полиции его представитель во Франции А. Манасевич-Мануйлов сообщал, что одна из машин уже куплена Деканозишвили в Париже и, как видно, в скором времени будет послана в Марсель для отправки на Кавказ. 6 июня упомянутая машина уже была отослана в Марсель на адрес анархиста Р. Коломбо, одного из ближайших соратников Деканозишвили, занимавшего должность секретаря местного профсоюза моряков¹¹. Несмотря на то, что по сведениям Мануйлова машина должна была быть отправлена на Кавказ на одном из пароходов, принадлежащих обществу «Пакэ» («Paquet»), Деканозишвили, вследствие своей крайней занятости вопросами покупки и отправки

---

¹⁰ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ). Ф. 13. Оп. 29. Д. 64. Л. 11-16.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДПОО. 1904-II. Оп. 316. Д. 28. Л. 133, 162.

оружия в Грузию, отложил посылку машин до 1906 г.¹²

В начале декабря 1905 г., когда Манасевич-Мануйлов уже был отозван из Парижа, две машины с грузинскими шрифтами, одна из которых, очевидно, была той, на которой печатались газеты «Грузия» и «La Géorgie», хранились на складе в Марселе. Так как к тому времени уже был опубликован царский манифест 17 октября, Деканозишвили планировал отправить их в Грузию легальным путем, на имя А. Джабадари, члена ЦК социалистов-федералистов и председателя Грузинского издательского общества. Для того чтобы его имя не фигурировало в этом деле, формальным продавцом машин Джабадари значился швейцарский анархист Е. Бо¹³.

Судя по всему, лишь в первой половине 1906 г., после экспедиции «Сириуса» на Кавказ, Деканозишвили удалось отправить машины в Грузию. К тому времени социалисты-федералисты остро нуждались в собственной типографии, так как еще в августе 1905 г. полицией была арестована их подпольная типография в Тифлисе. Хотя им и удавалось нелегально печатать свою литературу, включая листовки, в других типографиях, создание нелегального партийного органа требовало обладания собственной печатной машиной. «Было бы хорошо, если бы к нам прибыла машина», – писал Деканозишвили из Тифлиса 4 сентября М. Кикнадзе¹⁴. По агентурным данным Кавказского охранного отделения, после прекращения издания в Париже в 1905 г. газет «Грузия» и «La Géorgie», «партийная типография была перенесена из Парижа в Тифлис, причем контрабандным способом была доставлена туда из заграницы и сама машина, на которой печатался журнал "Сакартвело"»¹⁵.

*Дело душетского казначейства и петиция грузинского народа
на Международной конференции по разоружению в Гааге (1906 – 1907 гг.)*

Наглядным свидетельством непримиримости грузинских повстанцев в отношении империи является дело экспроприации душетского казначейства, совершенное 12 апреля 1906 г. Инициаторами дела, имевшего целью добыть финансовые средства для нуждающихся в них грузинских социалистов-федералистов, были Лео Кереселидзе, его брат Георгий, а также двоюродный брат последних Нестор Магалашвили (Магалов). Все трое являлись руководителями боевой организации этой партии, принимавшей участие в повстанческих действиях

¹² Тугуши М. События и дела прошедших лет // Кавкасион (Париж). 1964. № IX. С. 123 (на груз. яз.).

¹³ Там же. С. 128.

¹⁴ М. Кикнадзе – Г. Деканозишвили, 4. 9. 1905 // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. Carton 345AP/1.

¹⁵ Сообщение агента «Случайный» за август 1909 г. // ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1909. Оп. 239. Д. 202. Л. 23. Эта информация подтверждается и сведениями агента «Дворянин» за июль того же года: «Партийная газета "Дрозба" ("Времена") набирается в собственной типографии партии "Свет" ("Синатле"), машина для типографии контрабандой привезена из Парижа; на ней печатался журнал "Сакартвело"». (Там же. Л. 15-16).

против войск и полиции. Сопроводив «Сириус» до Марселя, Л. Кереселидзе вернулся в Юго-Западную Грузию, в Гурию и Батуми, где принял активное участие в боевых действиях против войск генерала Алиханова¹⁶. В это время руководители карательных экспедиций являлись основной мишенью местных повстанцев. Так, на самого Алиханова было совершено 8 покушений. В июле 1907 г. он, в конечном счете, был убит в г. Александрополе дашнаками.

Решение о совершении экспроприации было принято еще в 1905 г., однако первые две попытки оказались неудачными. Весной 1906 г. ситуация обострилась и в самой социалист-федералистской партии, разделенной на сторонников мирных методов борьбы, включая пропаганду и участие в выборах в Государственную думу, и объединенных в боевую организацию молодых радикалов, отдающих предпочтение вооруженным методам¹⁷.

Экспроприация была тщательно подготовлена и проведена настолько безупречно, что обошлось без жертв, неизменно сопутствующих, как правило, подобным актам. С помощью служивших на Кавказе грузинских офицеров, также входивших в боевую организацию социалистов-федералистов, братья Кереселидзе получили полную информацию о воинском карауле, охранявшем казенное казначейство г. Душети, небольшого городка в Восточной Грузии недалеко от Тифлиса. На основе полученной информации Г. Кереселидзе удалось подделать предписание начальника штаба Кавказского военного округа на имя командира дислоцированного в Душети 263-го Новобаязетского пехотного полка полковника Дика о снятии военного караула в местном казначействе. Для того чтобы командование полка не заподозрило ничего недоброго, 26 марта переодетый в форму военного писаря штаба Кавказского военного округа социалист-федералист передал упомянутое предписание в канцелярию полицейского пристава г. Мцхета, которое и было передано последним по назначению. В полночь 12 апреля в здание казначейства вошла группа социалистов-федералистов, переодетая в форму солдат 263-го полка. Боевики предусмотрели все до мелочей, вплоть до белых околышей, которые носили солдаты Новобаязетского полка. Знали они и о том, что в Душети осталась дислоцированной лишь 1-я рота этой части, чем были рассеяны последние сомнения служащих казначейства, открывших им дверь. Войдя в здание, боевики обезоружили служащих и, связав их, похитили 315 000 руб.¹⁸

---

¹⁶ Тугуши М. Георгий Деканоцишвили (жизнь и деятельность). Грузинская социалист-федералистская партия (1901 – 1906 гг.) // Кавкасион (Париж). 1964. № 10. С. 150-151 (на груз. яз.). В публикации Тугуши приведенное им письмо Л. Кереселидзе Г. Деканоцишвили от 1 ноября 1905 г. вследствие, надо думать, корректурной ошибки датируется 1903 годом.

¹⁷ ЦГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1835. Л. 178 об. - 179 об., 205 об. - 207 об.

¹⁸ Там же. Л. 169-223.

В начале мая сведения о том, кто совершил экспроприацию, просочились в тифлисскую полицию. Судя по всему, причиной этого были разногласия, имевшие место среди социалистов-федералистов. Члены умеренного крыла требовали передачи суммы Центральному комитету, в то время как руководители боевой организации считали, что добытые ими деньги должны пойти в основном на их нужды. По свидетельству Л. Кереселидзе, из всей суммы члены умеренного крыла получили около 100 000 руб. (75 000 на расходы по изданию литературы¹⁹, и еще 25 000 тем из грузинских офицеров, которые, входя в боевую организацию, выступали, однако, за диалог с оппонентами). Сами организаторы экспроприации были вынуждены бежать в Швейцарию, где еще до революции 1905 г. Л. Кереселидзе учился в Женевском политехническом институте²⁰.

В начале сентября русская дипломатическая миссия в Швейцарии обратилась к властям Женевы с просьбой об аресте и выдаче братьев Кереселидзе и Магалашвили. Несмотря на то, что 13 сентября все трое были арестованы в Женеве²¹, 12 февраля 1907 г. суд вынес обвиняемым оправдательный приговор, сославшись на политический характер дела²². Решающую роль в этом сыграли документы, со всей тщательностью собранные адвокатами подсудимых, в которых со всей очевидностью была зафиксирована как принадлежность подсудимых к социалистам-федералистам, так и политический характер антиимперской борьбы, ведущейся повстанцами на Кавказе²³.

¹⁹ В мае 1909 г. агент «Случайный» сообщал, что газета «Дроэба», легальный орган социалистов-федералистов, «издается на деньги, полученные партией путем ограбления душетского казначейства». (ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1909. Оп. 239. Д. 202. Л. 5). По сведениям другого агента, на деньги, полученные от экспроприации душетского казначейства, издавались газеты «Цнобис пурцели» («Вестник») и «Дроэба». (Там же. Л. 59).

²⁰ Arrêt du Tribunal Fédéral Suisse statuant en séance plénière du 12 février 1907, sur la demande présentée par la légation Impériale de Russie, tendant à obtenir l'extradition des frères Léon et Georges Keresselidzé et de Nestor Magaloff, poursuivis sous l'inculpation de vol à main armée. Lausanne, 1907. P. 26.

²¹ Commissariat d'Annemasse. Surveillance générale des révolutionnaires russes. Au sujet des vols commis à mains armée en Russie, communication de 14. 9. 1906 // CHAN. Carton F 7. 12521.

²² Commissariat d'Annemasse. Révolutionnaires russes. Au sujet des vols commis à mains armée en Russie, communication de 14. 2. 1907 // Ibid.

²³ Уже 15 сентября 1906 г., через два дня после ареста братьев Кереселидзе и Магалашвили, в газете «Трибуна Женевы» («La Tribune de Genève») было помещено сообщение о том, что они были социалистами-федералистами, являлись членами Федерации возрождения Грузии, штаб-квартира которой находилась в Париже, и которая имела своих представителей в Женеве. (Commissariat d'Annemasse. Surveillance générale des révolutionnaires russes. Au sujet des vols commis à mains armée en Russie, communication de 15. 9. 1906 // CHAN. Carton F 7. 12521). Под Федерацией возрождения Грузии имелась в виду находящаяся под руководством Г. Деканошвили группа парижских

Будучи под впечатлением кровавых репрессий, сопровождавших подавление революции на Кавказе, суд отметил, что «революционное движение в Грузии, пребывающее долгое время в латентном состоянии, развиваясь тайно, затем активизировалось, и, наконец, открыто разразилось в 1904 г. Однако лишь в 1905 г. оно приобрело наиболее насильственные формы, достигнув своей кульминации в ноябре и декабре того же года таким образом, что в различных местах революция порой могла рассматриваться в качестве одержавшей победу в стране. Хотя вскоре, во всяком случае с первых дней января 1906 г., правительство с помощью использования войск одержало победу. Особенно жестокие репрессии, натолкнулись, однако, в отдельных местах на живое сопротивление, иногда организованное даже вооруженными людьми. Именно во время этих событий, в полный разгар революции, когда правительство вело борьбу, которую оно должно было вести против восставшего населения для того, чтобы вернуть последнее в состояние порядка, и при этом не было способно защитить политический режим, существующий лишь посредством введения военного положения в различных регионах; а также при помощи других средств, обычно применяющихся лишь во время войны, было подготовлено и осуществлено нападение на душетское казначейство»²⁴.

По свидетельству Г. Кереселидзе, их процесс вызвал большой отклик в европейской прессе: журналисты писали об истории Грузии, ее правах на независимое государственное существование, односторонне нарушенных Российской империей, в 1801 г. аннексировавшей Грузию вопреки условиям Георгиевского трактата. Суду «представили по этому поводу свои доклады знатоки международного права, в том числе крупнейший авторитет в этой сфере, профессор Нисс. Все признавали право Грузии с помощью оружия и других средств бороться с Россией за восстановление своей независимости. ...Процесс более или менее расчистил почву для грузинского вопроса», – писал позднее Г. Кереселидзе²⁵.

Параллельно с пропагандой грузинского вопроса в Европе социалисты-федералисты попытались издавать соответствующие газеты и в Грузии. Надеясь на обещания, зафиксированные в октябрьском царском манифесте, весной 1906 г. грузинский публицист и юрист Г. Гвазава, по данным Кавказского охранного отделения в это время примыкающий к социалист-федералистской партии, с группой единомышленников решил приступить к изданию на грузинском языке газеты

социалистов-федералистов. Впоследствии сам Деканоцишвили, уже будучи тяжело больным, также свидетельствовал в пользу братьев Кереселидзе и Магалашвили.

²⁴ Arrêt du Tribunal Fédéral Suisse statuant en séance plénière du 12 février 1907... P. 22-23.

²⁵ Кереселидзе Г. Комитет независимости Грузии (1914 – 1918) // Грузинская эмиграция. Тбилиси, 2013. С. 149 (на груз. яз.).

«Автономная Грузия». Название газеты свидетельствовало о том, что издание планировало продолжать следовать линии, выработанной в 1904 – 1905 гг. газетами «Грузия» и «La Géorgie» в Париже. Разрешение на издание газеты было получено 19 августа, в тот самый день, когда после разгона первой Государственной думы и покушения эсеров на премьер-министра П. Столыпина, в империи были введены военно-полевые суды, ознаменовавшие собой наступление реакции. В результате этого, газета так и не увидела свет. По свидетельству Гвазава, само название газеты вызвало бешеную ярость правящих кругов и черносотенцев, потребовавших его изменить²⁶.

В январе 1907 г. было принято решение об издании газеты на русском языке под названием «Грузинская мысль», первый и последний номер которой вышел 11 марта. В передовице газеты М. Церетели, участник Женевской учредительной конференции социалист-федералистской революционной партии, ссылаясь на то, что с учреждением Думы Россия стала правовым государством, призывал власти империи восстановить автономию Грузии, основываясь на положениях Георгиевского трактата 1783 г. Реакция властей была незамедлительной. Уже 13 марта по приказу временного губернатора Тифлиса генерала Тимофеева газета была запрещена, а ее редактор подвергся аресту и высылке из Кавказского края²⁷. В ответ на это в конце марта Г. Гвазава, М. Церетели и В. Черкезишвили приняли решение о составлении специальной петиции, подписанной представителями всех слоев грузинского общества, адресованной Гаагской конференции по разоружению, которая должна была быть созвана в июне того же года. За короткое время авторам петиции удалось собрать требуемое число подписей, количество которых варьировалось от 2 000 (свидетельство Черкезишвили)²⁸ до 7 000 (по данным Гвазава)²⁹. Это был хороший результат, принимая во внимание тот факт, что в это время народы империи переживали период жесточайших репрессий. До апреля 1907 г. военно-полевыми судами было вынесено 683 смертных приговора³⁰.

Текст петиции содержал в себе исторические данные о том, каким образом в нарушение Георгиевского трактата 1783 г., а также отдельного договора,

²⁶ Джанелидзе О. Очерки по истории национал-демократической партии Грузии. Тбилиси, 2002. С. 116-119 (на груз. яз.).

²⁷ Там же. С. 119-124.

²⁸ Черкезишвили В. Петиция Грузии международной Гаагской конференции 1907 г. // Черкезишвили В. Сочинения. Т. 1. Тбилиси, 2001. С. 17 (на груз. яз.).

²⁹ Гвазава Г. Грузия и национал-демократическая партия. (Статья вторая). Париж, 1928. С. 6 (на груз. яз.). Возможно сбор подписей продолжался и после отъезда делегатов в Европу, чем и объясняется упомянутый разницей в данных.

³⁰ Seton-Watson H. The Russian Empire 1801 – 1917. Oxford, 1967. P. 625.

заклученного грузинским царем Георгием XII с российским императором Павлом I, согласно которому Грузия сохраняла свой ограниченный суверенитет в составе империи, она в итоге была аннексирована Россией. Были коротко даны основные этапы аннексии страны, включая отмену автокефалии древнейшей Грузинской церкви. В заключение в петиции сообщалось о неслыханных жестокостях и зверствах, совершенных имперским правительством в Грузии во время подавления революции зимой 1905 – 1906 гг.³¹

Текст петиции был вывезен в Европу Гвазава и Черкезишвили. По просьбе последнего известный специалист международного права, профессор Брюссельского университета Э. Нисс, ранее взявший на себя защиту братьев Кереселидзе и Магалашвили, отредактировал французский перевод петиции³². После этого текст был переслан Комитету помощи Грузии, созданному в Лондоне Оливером Вордропом и его сестрой Мэрджори – пионерами английского грузиноведения. Целью комитета было информирование европейской общественности относительно кровавых репрессий, совершенных самодержавием против грузинского народа в период Первой русской революции³³. Накануне открытия Гаагской конференции 15 июня председатель Комитета помощи Грузии Морис разослал французский и английский перевод петиции в редакции ведущих европейских и американских газет, многие из которых опубликовали по этому поводу специальные сообщения и заметки. Хотя петиция не могла иметь каких-либо практических последствий, так как правила заседаний и вопросы, подлежащие обсуждению на конференции, были разработаны за несколько месяцев до ее начала, по словам Черкезишвили «это была пощечина правительству Николая II перед всем образованным человечеством». С помощью технического персонала конференции конверты с текстом петиции были розданы участвующим в ней делегатам перед началом первой же сессии, что создало соответствующий фон, помешав русскому послу в Париже А. Нелидову в своей речи с успехом представить Российскую империю в качестве цивилизованного государства, с недавно введенным конституционным государственным строем. Как писал впоследствии Черкезишвили, факт подачи грузинами петиции вызвал резкое недовольство имперских властей. «Ныне, как и Финляндия, Грузия также заявляла протест в связи с вероломным нарушением договоров, ранее заключенных с ней Российской империей»³⁴.

---

³¹ Грузинский перевод петиции, сделанный с английской версии текста, опубликован историком-эмигрантом В. Нозадзе в 1939 г. См.: Исторические документы: Петиция грузинского народа на Гаагской мирной конференции 1907 г. // Картлоси. (Париж) 1939. № 16-18. С. 282-284 (на груз. яз.).

³² Черкезишвили В. Указ. соч. С. 28.

³³ Lang D.M. Op. cit. P. 168.

³⁴ Черкезишвили В. Указ. соч. С. 28-29.

*Вторая и Третья партийная конференция социалистов-федералистов.
Выработка политической программы (1906 – 1907 гг.)*

В период столыпинской реакции одной из главных целей имперских властей России стала атака на все уступки в национальном вопросе, сделанные Петербургом в отношении нерусских народов в результате событий 1905 – 1906 гг. Будучи русским националистом, Столыпин стремился создать из России современное централизованное государство, наподобие Германии или Италии. Игнорируя многонациональный состав Российской империи, включавшей в себя народы, обладавшие традицией независимого государственного существования еще до их инкорпорации в империю Романовых, Столыпин категорически отрицал за ними права на обладание какими-либо отдельными институциональными рамками, препятствующими распространению законов империи на всю ее территорию.

По замечанию Сэттона-Вотсона, «Столыпин был полон решимости уничтожить широкую автономию, которую финны вернули себе в 1905 г., бороться с польским национализмом не только на западных границах империи, но и в самом Царстве польском, сокрушить украинское движение, которое он, подобно многим русским, рассматривал "малороссийским сепаратизмом", организованным внешними, враждебными России силами»³⁵. Понимая, что Кавказ является ахиллесовой пятой империи, Петербург был категорически против предоставления местным народам не только каких-либо намеков на политическую автономию, но и даже на сугубо административное самоуправление. Несмотря на то, что «либерально» настроенный наместник царя на Кавказе Воронцов-Дашков был не против введения в регионе существующих в центральных и западных частях империи земств, Петербург, понимая, что на этом политические представители местных народов не остановятся, противился этому проекту вплоть до 1917 г., предпочитая сохранять на Кавказе наиболее жесткую систему колониального гнета. Так же не был решен и вопрос открытия в Тифлисе Кавказского университета, на чем настаивали представители местной интеллигенции³⁶.

В подобной ситуации, со всей актуальностью встал вопрос о совместной борьбе нерусских народов империи за свои права. В этом направлении и развила свою деятельность Грузинская социалист-федералистская революционная партия, которая, после подавления революции 1905 г., адаптировала свою стратегию и тактику к новым условиям. 29 июня 1906 г. начала работу Вторая конференция социалистов-федералистов, продолжающаяся с вынужденным перерывом около двух недель. Так

---

³⁵ Seton-Watson H. Op. cit. P. 663-664.

³⁶ Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. Bloomington and Indianapolis, 1994. P. 172.

как в это время на всем Кавказе действовали карательные экспедиции правительства, депутаты, представляющие 28 партийных организаций, нелегально собрались в деревнях Беками и Реха в Восточной Грузии. Основной целью конференции была выработка политической программы и организационного устава партии, что вызвало разделение ее участников на два противоположных лагеря.

Большинство во главе с членами ЦК выступало за программу, включающую в себя положения о необходимости признания государственной организации, участия в думских выборах и принятия программы минимальных требований. (Весной 1906 г. во время выборов в первую Государственную думу социалист-федералистам удалось провести в этот представительный орган империи одного своего депутата – Иосифа Бараташвили, избранного от Тифлиса)³⁷.

Меньшинство, стоявшее на анархо-синдикалистских позициях, выступало за программу, отрицающую необходимость существования государственного строя, участие в думских выборах и программу-минимум. К этому же крылу примыкали руководители боевой организации партии, в основном молодые радикалы, пытавшиеся продолжать вооруженную борьбу, несмотря на поражение революции в центральных районах России. По сути дела, в партии шла борьба между представителями умеренного крыла, надеющихся, исходя из существующих реалий, достичь своих целей постепенно-эволюционным путем, и крылом радикальным, не желающим идти на какие-либо компромиссы с имперской властью. Так как внутривнутриполитическая ситуация на Кавказе и в самой империи еще не была прояснена до конца, решено было отпечатать проекты программ, представленные обеими фракциями, разослав их для дальнейшего ознакомления в партийные организации. После изучения этих проектов предлагалось созвать новую конференцию, на которую каждая организация должна была послать по одному делегату, снабженному мандатом, указывающим, за какую программу она проголосовала. За эту программу должен был голосовать и сам посланный на конференцию делегат³⁸.

Эта Третья конференция, на которой окончательно была выработана политическая программа социалистов-федералистов, состоялась спустя год с лишним, 2-7 октября 1907 г. в местечке Авчала под Тифлисом. К этому времени было ясно, что вопрос прямых революционных действий на Кавказе был временно снят с повестки дня. И конференция в лице 17 присутствующих от 13 партийных организаций депутатов поддержала проект большинства, высказавшись за легальную деятельность в условиях столыпинской реакции³⁹. Решено было пользоваться всеми возможностями для того, чтобы продолжать борьбу за

---

³⁷ Suny R.G. Op. cit. P. 173; Ласхишвили Г. Мемуары (1885 – 1915). Тбилиси, 1934. С. 233 (на груз. яз.).

³⁸ ЦГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 70. Л. 55-56 об.

³⁹ Там же. Л. 56-58.

автономию Грузии и будущее федеративное устройство России в целом. Понимали делегаты и то, что успех дела по-прежнему зависел от координации их деятельности с другими партиями, выступающими за федерализацию империи. Сознвая, что выкуп крестьянами помещичьей земли не решит полностью проблем малоземельного грузинского крестьянства, социалисты-федералисты все же рекомендовали крестьянам выкупать земли с помощью Крестьянского поземельного банка, учрежденного властями империи еще в 80-х гг. XIX века, делая это, однако, лишь селами или сельскими общинами. Эта мера осложняла возможность проникновения в Грузию большого количества русских крестьян-колонистов, что могло привести к русификации края. Продолжая считать своими основными партнерами эсеров, социалисты-федералисты обратились с призывом к «передовым и социалистическим партиям России и вообще сознательной части российского трудящегося народа, вести упорную пропаганду против переселения в Грузию»⁴⁰.

Отвергая фабричный и аграрный террор, партия допускала применение террора в случае, если он имел политическое и «общественное значение» и был совершаем по постановлению ЦК. Экспроприации решено было проводить лишь в отношении государственных учреждений, исключив принятие подобных мер против частных лиц. Кроме того, было решено распустить боевую организацию партии, где были сильны анархистские тенденции (в постановлении конференции эта организация называлась также «красной сотней») и радикальное руководство которой зачастую плохо ладило с ЦК. Вместо нее комитет планировал создать новые, максимально централизованные боевую и военную организации, для которых необходимо было выработать устав, а также осуществить соответствующую практическую подготовку их будущих членов⁴¹. Этот шаг имел, впрочем, скорее символическое значение, так как большинство партийных радикалов в это время уже было вынуждено покинуть Кавказ, находясь в эмиграции. Подтверждая, что их целью является трансформация империи в федерацию, социалисты-федералисты внесли в свою программу пункт о том, что они «требуют сейчас же для Грузии национально-территориальной автономии»⁴².

В 1906 – 1907 гг., в периоде между Второй и Третьей конференциями, партию покинули не только анархистски настроенные, но и те представители ее правого крыла, которые, полностью принимая национальную платформу социалистов-федералистов, отказывались разделять их социалистические идеи. Большинство из этих деятелей позднее примкнуло к Национал-демократической партии, которая в организационном отношении была создана лишь в 1917 г. В числе этих лиц были

---

⁴⁰ ЦГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 70. Л. 59-59 об.

⁴¹ Там же. Л. 59 об. - 60.

⁴² Там же. Л. 22 об.

такие известные политические деятели как С. Кедиа (будущий председатель Национал-демократической партии Грузии) и Г. Гвазава. Хотя с этого времени упомянутые лица формально не числились членами Социалист-федералистской партии, многие из них продолжали настолько тесно сотрудничать с социалистами-федералистами, что в документах, составленных жандармерией, продолжали фигурировать в качестве членов этой партии⁴³. Были произведены изменения и в составе ЦК, отражающие изменения в самой партии⁴⁴.

*Социалисты-федералисты и вопросы национальной автономии
в 1907 – 1910 гг.*

Несмотря на то, что официально социалисты-федералисты не вмешивались в дела Грузинской церкви, вопрос восстановления независимости последней, судя по всему, был отнюдь не безразличен руководству этой партии. Дело шло о крайне важном аспекте восстановления международного статуса Грузии, которым обладала страна до ее присоединения к Российской империи. К тому же, согласно Георгиевскому трактату, Грузинская церковь должна была сохранять свой автокефальный статус. Еще с 1904 г. в среде грузинского духовенства появилось

⁴³ Эту тенденцию подметил и Дм. Швелидзе. По его словам, несмотря на упомянутый раскол, «отношения между социалистами-федералистами и национал-демократами никогда не были конфронтационными. ...Между ними гораздо больше было общего. Будучи постоянно солидарны с национал-демократами, федералисты поддерживали с ними связь, выступая с общенациональных позиций». (Швелидзе Дм. Указ. соч. С. 256).

⁴⁴ По данным тифлисской жандармерии, в 1905 – 1906 гг. в состав ЦК входили А. Джорджадзе (председатель), Г. Деканоцишвили (заместитель председателя), которого после его отъезда в Европу сменил Гр. Рцхиладзе, М. Адамашвили-Джавахишвили, А. Канчели, И. Бараташвили, К. Кавтарадзе, Я. Гуладзе, С. Пирцхалава, Ш. Дедабришвили, Е. Авалишвили. В 1907 г., после реорганизации партии на II и III конференции, состав ЦК выглядел следующим образом: Г. Зданович (председатель), Гр. Рцхиладзе (зам. председателя), С. Пирцхалава (зам. председателя), В. Лордкипанидзе, А. Мдивани, А. Джабадари, Г. Ласхишвили, К. Абашидзе, Е. Авалишвили, И. Мчедлишвили. Секретарями комитета были избраны П. Сургуладзе и В. Рцхиладзе. После того, как в связи с созданием Кутаисского комитета партии Г. Зданович и К. Абашидзе вышли из состава ЦК, вместо них на место председателя был избран А. Джабадари, а членом – Я. Гуладзе. (Швелидзе Дм. Указ. соч. С. 271-272). К этой информации, однако, следует относиться с известной осторожностью, так как сведения полностью взяты из доклада агента «Случайный», сделанного им Кавказскому охранному отделению в августе 1909 г. (ГАРФ. Ф. 102. ДПОО 1909. Оп. 239. Д. 202. Л. 41-44). В целом очень содержательный и обширный доклад наиболее информированного агента охраны в партии социалистов-федералистов грешит, однако, многими фактическими ошибками, а также явно тенденциозной информацией. Наряду с этим следует добавить, что по последним сведениям, полученным «Случайным» к августу 1909 г., ЦК состоял из следующих лиц: А. Джабадари (председатель), С. Пирцхалава (заместитель председателя), Я. Гуладзе, Г. Ласхишвили, В. Лордкипанидзе, А. Мдивани, П. Сургуладзе, Е. Авалишвили, В. Рцхиладзе и В. Мухелишвили. (Там же. Л. 45).

движение за восстановление независимого статуса Грузинской церкви, возглавляемое священниками-автокефалистами. Как и следовало ожидать, власти империи ответили репрессиями, ссылая сторонников автокефалии, включая высших представителей грузинского духовенства, в отдаленные монастыри в Россию⁴⁵.

22 мая 1908 г. в Тифлисе был убит экзарх Грузии архиепископ Никон, – гонитель грузинского духовенства и один из наиболее рьяных противников восстановления автокефалии Грузинской церкви. Убийство экзарха, официально бывшего вторым лицом в имперско-колониальной администрации на Кавказе после наместника, являлось ярко выраженным политическим актом. Хотя официально социалисты-федералисты от него открестились⁴⁶, данные агентуры Тифлисского губернского жандармского управления указывали на то, что убийство экзарха было совершено членами «тифлисской организации анархистов-коммунистов "Земля и Воля"»⁴⁷. А члены этой группы составляли, как известно, костяк боевой организации социалистов-федералистов, распущенной по решению Третьей конференции в октябре 1907 г. Что и давало руководству партии возможность утверждать, что они не причастны к этой акции⁴⁸.

Одним из главных направлений деятельности социалистов-федералистов стало ведение пропаганды в пользу автономного статуса Финляндии. Наряду с прочим, интерес к финскому вопросу был вызван тем фактом, что именно на ее территории революционным партиям империи удавалось действовать с наименьшим риском. В феврале 1907 г. на своем втором съезде, состоявшемся в Гельсингфорсе, партия социалистов-революционеров официально объявила о необходимости установления связи с грузинскими социалистами-федералистами. 16-20 апреля того же года по инициативе русских эсеров в Финляндии, недалеко от Гельсингфорса, была созвана конференция социалистов-народников по национальному вопросу. В ней приняли участие эсеры и родственные им национальные партии: Финская партия активного сопротивления, Польская социалистическая партия, Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн», грузинские социалисты-федералисты, а также белорусская «Громада» и Еврейская социалистическая рабочая партия. По свидетельству Г. Ласхишвили, принявшего участие в конференции, русские эсеры, поляки и грузины выступили общими силами в защиту концепции территориальной национальной автономии, согласно которой нациям, обладающим определенной территорией, должна быть предоставлена полная автономия на демократических

---

⁴⁵ Seton-Watson H. Op. cit. P. 670.

⁴⁶ Ласхишвили Г. Указ. соч. С. 264-265 (на груз. яз.).

⁴⁷ ЦГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1835. Л. 4.

⁴⁸ По мнению Дм. Швелидзе, социалисты-федералисты имели непосредственное отношение к упомянутому акту. (Швелидзе Дм. Указ. соч. С. 299-302).

началах. Представители Еврейской рабочей социалистической партии, ссылаясь на отсутствие территории у живущих в империи евреев, придерживались концепции национально-культурной автономии. В резолюции, принятой по этим вопросам, съезд отметил необходимость создания национально-территориальных автономий. В то же время, вопросы национально-культурной автономии должны были стать предметом особого изучения и дискуссий с точки зрения возможности их практического осуществления. Понимая, что власти империи традиционно используют национальные противоречия в своих целях, конференция единодушно признала, что территория нации определяется по реальному, а не по историческому принципу⁴⁹.

Роль, которую играла Финляндия в революционном движении, привлекла внимание имперского правительства, пытавшегося всеми силами вырвать обратно у финнов те уступки, на которые оно вынуждено было пойти в 1905 – 1906 гг. В особенности эта тенденция дала о себе знать после назначения на должность премьер-министра России Столыпина. Последний упорствовал в своем антиисторическом мнении, что, поскольку Финляндия являлась частью Российской империи, общеимперские законы должны были преобладать над сугубо местными интересами. Враждебность имперских властей к Финляндии усиливалась также тем фактом, что на ее территории находили свое укрытие представители революционных партий, способных проводить отсюда террористические акты в близлежащем Петербурге⁵⁰.

Финны со своей стороны были полны решимости защитить собственную автономию, в чем их горячо поддерживали представители других нерусских народов, аналогичным образом стремящихся к автономии и федерализации империи. Особую активность в связи с этим проявляли грузинские социалисты-федералисты, видевшие в автономном статусе Финляндии образец той автономии, которую они сами мечтали получить для Грузии. Тем более что такие принципы национально-территориальной автономии, как обладание собственной армией, зарезервированное за финнами в 1877 г., а также использование национального языка в качестве официального языка суда, школ и государственных учреждений Финляндии, были предусмотрены и для Грузии согласно положениям Георгиевского трактата 1783 г. Это, со своей стороны, давало социалистам-федералистам возможность подводить юридическую базу под свои требования, ссылаясь на пример Финляндии.

С 1908 г., когда отношения между финнами и имперским центром крайне осложнились, социалисты-федералисты с полной силой выступили в защиту

---

⁴⁹ Ласхишвили Г. Указ. соч. С. 246-247.

⁵⁰ Seton-Watson H. Op. cit. P. 668.

автономии Финляндии. Пик противостояния пришелся на весну 1910 г., когда в марте Государственная дума приняла закон, основанный на рекомендациях лишь русских членов созданной еще в 1908 г. так называемой русско-финской смешанной комиссии Харитонова, имевшей своей целью разграничения полномочий Финляндии и Петербурга. По замечанию Сэтон-Вотсона, упомянутый закон определял «общеимперские вопросы таким образом, что компетенция Финского сейма была низведена до уровня провинциальной ассамблеи». Так как Финский сейм отказался признать этот закон, он был распущен и не действовал вплоть до Февральской революции 1917 г. Финляндия управлялась на основе диктаторских полномочий. Автономия Финляндии была превращена в формальность, а страна наводнена русскими чиновниками и полицейскими. «К 1914 г. было очевидно, что даже лояльные финны были загнаны в лагерь непримиримых противников России, а Финляндия, фактически, была оккупированной страной»⁵¹.

В мае 1910 г., когда финский вопрос не сходил со страниц газет империи, Г. Гвазава, который по агентурным сведениям Кавказского охранного отделения все еще якобы «принадлежал к партии социалистов-федералистов», опубликовал в выходящей в Тифлисе на русском языке газете «Новая речь» статью «Внутреннее строительство. (По финляндскому вопросу)». Касаясь доклада русских членов комиссии, на основе которых Дума приняла упомянутый закон, Гвазава писал, что «в нем так бесцеремонно нарушаются права Финляндии, с таким легким сердцем опрокидываются вековые устои жизни и чувствуется столько злобы против финляндской автономии, что прямо убивает надежду на скорое улучшение условий существования других окраин России...»⁵² Будучи юристом, в своей напечатанной в трех номерах упомянутой газеты статье Гвазава дал квалифицированный историко-юридический анализ как права Финляндии на автономию, так и произвола действий имперских властей.

Руководству социалистов-федералистов удалось установить контакт и с украинцами. В частности, с Украинской демократической радикальной партией, создавшей с целью координации украинского национального движения в 1908 г. Товарищество украинских прогрессистов, а также следующую его политической линии газету «Рада», выходящую в Киеве. По агентурным данным Кавказского охранного отделения, эта организация преследовала «чисто национальные цели наравне с партией грузинских социалистов-федералистов». Г. Надарадзе, один из обучающихся в Киевском университете грузинских студентов, являлся политическим представителем социалистов-федералистов в Товариществе украинских

---

⁵¹ Seton-Watson H. Op. cit. P. 669.

⁵² ЦГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 369. Л. 1, 2; ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Оп. 240. Д. 2479. Л. 3.

прогрессистов⁵³. По мнению столыпинских властей, это было слишком. Полный решимости сокрушить «сепаратизм» во всей империи, Петербург не мог терпеть солидарного сотрудничества представителей нерусских народов, совместно отстаивающих принципы федерализма.

Еще одной причиной, по которой власти империи решили положить конец деятельности социалистов-федералистов, стала непримиримая позиция последних по земельному вопросу, крайне остро стоящему в Грузии. Пользуясь плачевным экономическим положением грузинского дворянства, правительство Столыпина с целью дальнейшей русификации Кавказа приступило к усиленной колонизации края. Способствуя выкупу земли у обедневших помещиков-грузин, Петербург стремился поселить на них русских крестьян-колонистов. Хотя из-за малоземелья, объективно являвшегося главным бичом крестьян Грузии, колонизация страны не могла принять такого массового характера, как во время заселения русскими крестьянами огромных пространств Сибири или Центральной Азии, это, в конечном итоге, грозило Грузии, как и всему Кавказу, потерей их исторической территории. В результате подобной политики царских властей только в Грузию были переселены десятки тысяч русских крестьян. При этом особой заботой правительства Столыпина было заселить русскими колонистами земли, имеющие стратегическое значение для удержания под своей властью Кавказа. В частности, – черноморское побережье Грузии и Муганскую степь в южной части Азербайджана. Общее число русских колонистов, переселенных к 1910 г. на Кавказ, составило около 100 000 человек⁵⁴.

На партийной конференции, прошедшей 20-31 декабря 1909 г. в Тифлисе, руководство социалистов-федералистов приняло решение всячески препятствовать колонизаторской политике властей империи, вплоть до применения в отношении помещиков, продающих свою землю русским колонистам, методов террора. Террор должен был быть также применен и к представителям колониальной администрации, способствующим переселению колонистов в Грузию. В сельские районы были командированы пропагандисты, объясняющие населению, какой опасности подвергается страна и нация. С целью содействовать выкупу помещичьей земли грузинскими крестьянами при ЦК был создан тайный национальный земельный фонд⁵⁵.

На основе анализа легальной прессы, издающейся в этот период социалистами-федералистами, в справке Тифлисского губернского жандармского

---

⁵³ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Оп. 240. Д. 2479. Л. 62.

⁵⁴ Monstashari F. On the Religious Frontier: Tsarist Russia and Islam in the Caucasus. London; New York, 2006. P. 107.

⁵⁵ ЦГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1835. Л. 11 об., 18 об.; ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1909. Оп. 239. Д. 202. Л. 174-175; ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Оп. 240. Д. 2479. Л. 13, 16-17, 30-31, 33, 47-48, 58, 64.

управления отмечалось, что с конца 1909 г. в ней «появился целый ряд тенденциозных статей, направленных к возбуждению населения против начавшегося переселения из России в Закавказье». По тем же данным, колониционная политика правительства вызывала резкую реакцию со стороны руководителей партии, все более громко заявляющих о том, что конечной целью социалистов-федералистов является «создание независимой Грузии»⁵⁶. Полученная охранкой информация свидетельствовала о том, что в это время политические взгляды социалистов-федералистов разделяли многие виднейшие представители грузинской интеллигенции. Так, по данным агента «Случайный», внедренного Кавказским охранным отделением в центральные органы партии, к марту 1910 г. в состав ЦК наряду с 12 действительными членами и 7 кандидатами, входили также 5 постоянных почетных членов. В частности, филологи и лингвисты Н. Марр (будущий академик) и И. Цагарели, приват-доцент Петербургского университета И. Джавахов (будущий академик И. Джавахишвили), епископ-автокефалист Леонид (будущий католикос-патриарх Грузии) и поэт А. Церетели⁵⁷. Вне зависимости, являлись ли эти деятели с формальной точки зрения членами партии социалистов-федералистов, они, судя по всему, теоретически разделяли ее политические идеи.

Уже к февралю 1910 г. Петербургом было принято решение о ликвидации партии социалистов-федералистов. Кавказское охранное отделение, которому непосредственно было поручено осуществление этой операции, не спешило, предполагая провести массовые аресты в одно время, с целью захватить в руки документацию партии, доказывающую ее «антигосударственную деятельность». С этой целью за всеми руководителями и активистами партии было установлено тайное наружное наблюдение. В Петербурге, однако, проявляли нетерпение. 13 марта вице-директор Департамента полиции писал в Тифлис о необходимости «произвести общую ликвидацию социалистов-федералистов, каковая уже давно назрела». 24 марта подгоняемый начальством полковник Пастрюлин, начальник Тифлисского губернского жандармского управления, сообщал в Департамент полиции, что им был подготовлен весь имеющийся в его распоряжении материал, «как агентурного, так и наружного наблюдения, ...в целях получения улик по социалистам-федералистам и доказательств на преступный характер деятельности этой организации». Начальнику местного охранного отделения был отдан приказ начать ликвидацию партии арестом членов ЦК во время его первого же будущего заседания. В случае если в ближайшее время заседание комитета не состоится, планировалось осуществить ликвидацию по данным разработок, имеющихся в распоряжении охранки. 2 апреля Пастрюлин получил сообщение из Петербурга, в

---

⁵⁶ ЦГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1835. Л. 3 об., 7 об.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Оп. 240. Д. 2479. Л. 43.

котором вице-директор Департамента полиции недвусмысленно требовал сообщить «о причинах, задерживающих производство ликвидации организации социалистов-федералистов». Объясняя причину задержки операции, Пастрюлин писал 26 апреля в Петербург, что лишь на днях охране удалось установить полный список членов ЦК, состав редакции газеты «Дроэба» («Времена») – легального органа партии, а также лиц, у которых может храниться партийная документация. В итоге, так и не дождавшись заседания комитета, 30 апреля жандармерией Тифлисской губернии была произведена операция с целью полной ликвидации в Грузии партии социалистов-федералистов. В самом Тифлисе были арестованы члены ЦК. Были произведены обыски у 32 наиболее активных руководителей и членов партии. Количество арестованных в Тифлисе составило 12 человек. Хотя первоначально планировалось осуществить арест и Кутаисского комитета⁵⁸, его членам, судя по всему, удалось избежать судьбы своих тифлисских товарищей. Формальным поводом для арестов стали жалобы отдельных помещиков, получивших анонимные письма с угрозами применения против них террора в случае продажи ими земель русским колонистам. Ведущим агитацию в легальных органах печати было предъявлено обвинение в том, что их деятельность противоречит закону о военном положении, введенном правительством на Кавказе. После семимесячного заключения в знаменитом Метехском замке в декабре того же года суд вынес приговор. 15 человек высылались из пределов Кавказа, большинство – сроком на 5 лет⁵⁹. Почти все из них местом ссылки выбрали Ростов, как наиболее близлежащий к Кавказу город⁶⁰. Этой мерой власти стремились обезглавить грузинское национально-освободительное движение, усилившееся в первой половине 1910 г. и ставшее, к тому же, на особенно неприемлемый для Петербурга путь сотрудничества с другими политическими партиями нерусских народов империи.

Еще одним тяжелым ударом для грузинского освободительного движения стала смерть во Франции Г. Деканоцишвили, скончавшегося после продолжительной болезни 18 ноября 1910 г. на юге Франции в г. Каннах. Общее положение, сложившееся для социалистов-федералистов в это время пика столыпинской реакции выразил М. Церетели, писавший 20 ноября того же года (хотя и возможно в несколько утрированных тонах) вдове Г. Деканоцишвили, что в Грузии «почти не осталось людей, способных на какой-либо реальный поступок. Все те, которые работали на грузинское дело, умерли, больны и парализованы, сосланы в Сибирь, или находятся в тюрьмах. Лучшие люди уходят, остаются лишь худшие, власть

---

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Оп. 240. Д. 2479. Л. 38-41, 45-45 об., 55-55 об.

⁵⁹ ЦГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1835. Л. 15-15 об., 152-153.

⁶⁰ Ласхишвили Г. Указ. соч. С. 268-273.

которых распространяется в настоящее время на судьбу Грузии»⁶¹. Другой ближайший соратник Деканозишвили, Т. Сахокиа, арестованный в 1906 г. после подавления революции в Грузии, сосланный в Сибирь и сумевший бежать оттуда в Европу, писал из Лондона по поводу смерти своего друга, что Георгий умер «не сумев реализовать своего высшего идеала: видеть свою несчастную страну свободной и независимой». Выражая сочувствие вдове покойного, Сахокиа подчеркивал, что «эта потеря еще более болезненна для нас, его друзей, которые сражались вместе с ним за общий Кавказ, за его соотечественников, за его несчастную страну»⁶². Эти слова наглядно свидетельствуют о том, что федерализация Российской империи мыслилась социалистами-федералистами лишь в качестве переходной стадии на пути обретения полной государственной независимости Грузией и Кавказом.

*Радикализация социалистов-федералистов в преддверии Первой мировой войны
(1911 – 1914 гг.)*

Как бывает часто в истории, репрессивные меры лишь способствовали росту протестных настроений и, как следствие этого, усилению федералистских идей в грузинском обществе. Уже в начале мая 1910 г. оставшимися на свободе активистами было принято решение созвать съезд делегатов районных партийных комитетов. Инициативу в этом отношении взял на себя Кутаисский комитет, сравнительно менее пострадавший от репрессий, по сравнению с Тифлисским. Целью съезда, который, видимо, так и не состоялся, являлось очистить партию от ненадежных элементов, призвать к партийной деятельности новые силы, преимущественно учащуюся молодежь, еще более усилить меры по противодействию русской колонизации, перенести центр тяжести действий в провинцию, выдвинув на первый план исключительно революционную деятельность⁶³.

Угроза колонизации территории Грузии, а также массовые репрессии царского правительства привели к объединению с социалистами-федералистами также тех

---

⁶¹ М. Церетели – А. Френуа-Деканозишвили, 20. 11. 1910 // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. Carton 345AP/1. По данным Кавказского охранного отделения, руководители социалистов-федералистов надеялись, что с помощью кампании в европейской печати и привлечения к делу европейских политических деятелей, финнам удастся вынудить Петербург занять более примирительную позицию к вопросу автономии Финляндии. С целью координации действий грузин с финскими эмигрантами и был послан в Европу М. Церетели, выехавший туда в мае 1910 г. В сентябре он находился уже в Лондоне. (ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Оп. 240. Д. 2479. Л. 70, 92).

⁶² Т. Сахокиа – А. Френуа-Деканозишвили, 20. 11. 1910 // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. Carton 345AP/1.

⁶³ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Оп. 240. Д. 2479. Л. 69.

представителей национальной интеллигенции, которые в целом не разделяли социалистических идей партии. Несмотря на то, что справка Тифлисского губернского жандармского управления с удовлетворением сообщала, что к началу 1913 г. «партии социалистов-федералистов как организационной единицы не существовало, не было и руководящего центра»⁶⁴, уже в 1912 г., в ходе выборной кампании в IV Государственную думу, социалистам-федералистам удалось одержать крупную победу. В Кутаиси, во втором по величине городе Грузии, думским депутатом был выбран социалист-федералист В. Геловани, впоследствии примкнувший к думской фракции трудовиков. Этот факт свидетельствовал о том, что лозунги автономии страны становились все более популярными в грузинском обществе⁶⁵. Не случайно в том же документе с тревогой отмечалось, что «удачный исход минувшей выборной кампании для федералистов дал толчок к возрождению, затихшему было за последнее время федералистскому течению среди грузин». Параллельно с этим, на страницах своей легальной прессы социалисты-федералисты повели яростную атаку против грузинских социал-демократов, продолжающих отрицательно относиться к идее автономии Грузии⁶⁶. К концу 1913 г. социалистам-федералистам удалось не только восстановить, но и в определенной степени улучшить свое положение на Кавказе. В результате политической амнистии, объявленной в империи по случаю 300-летия дома Романовых, руководителям этой партии удалось вернуться в Грузию⁶⁷.

Активисты приступили к усиленной пропаганде среди рабочих, где раньше ощущалась полная монополия социал-демократов. Все более распространялись идеи автономии и среди учащейся молодежи. По сведениям, полученным царскими спецслужбами, в начале июне 1914 г. в Тифлисе или его окрестностях «должен был состояться общестуденческий съезд партии социалистов-федералистов, организуемый кружком студентов Московского университета и Московского коммерческого института»⁶⁸. В упомянутом съезде должны были принять участие все входившие в партию студенты, обучающиеся в высших учебных заведениях империи.

Параллельно с усилиями на Кавказе, активизировалась деятельность и тех социалистов-федералистов, которым в годы столыпинской реакции удалось бежать за границу. Еще в октябре 1910 г., в рамках ученических партийных кружков, объединявших в своем составе радикальную гимназическую молодежь, возникла

---

⁶⁴ ЦГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 695. Л. 1.

⁶⁵ Ласхишвили Г. Указ. соч. С. 279.

⁶⁶ ЦГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 695. Л. 1-1 об.

⁶⁷ Ласхишвили Г. Указ. соч. С. 280.

⁶⁸ ЦГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 695. Л. 3-3 об.

идея создания Лиги сепаратистов Грузии. По замыслам авторов этой инициативы, упомянутая организация должна была вести борьбу с целью «во что бы то ни стало добиться независимости Грузии»⁶⁹.

Таким образом, массовые репрессии правительства вызвали радикализацию молодежного крыла социалистов-федералистов, которые, не надеясь более на эволюционный ход событий, выдвинули лозунг полной государственной независимости страны.

В ноябре идея создания Лиги сепаратистов Грузии привлекла к себе внимание широких кругов грузинского общества, многие представители которых, не являясь членами партии социалистов-федералистов, изъявляли желание вступить в эту организацию. По агентурным данным Кавказского охранного отделения, хотя «Лига сепаратистов еще не имеет определенного строения, ...в нее, как партию националистов Грузии, имеют желание войти люди направления не социалистического. В настоящее время вырабатывает программу ее, по поручению лиц, желающих в ней состоять, присяжный поверенный Г. Гвазава, не состоящий членом партии социалистов-федералистов. В самой названной партии имеется много членов, принадлежащих к правому крылу партии, которые, преследуя националистические цели, желали бы вычеркнуть из программы социальные вопросы». Будучи в курсе этих планов, охранка удвоила свои усилия с целью не допустить создания упомянутой организации. 5 декабря на квартиру, где собирались члены ученического кружка, нагрянули полицейские, пытаясь тем самым запугать его участников⁷⁰.

Понимая, что дело требует чрезвычайной конспирации, руководители социалистов-федералистов решили перенести центр тяжести деятельности проектируемой ими организации в Европу. Именно с этой целью было решено направить в Европу П. Сургуладзе, одного из лидеров партии. Будучи в 1905 г. членом Тифлисского комитета социалистов-федералистов, а в 1909 г. секретарем ЦК, Сургуладзе, так же как и его другие соратники, был арестован 30 апреля 1910 г. и приговорен к пятилетней высылке из Кавказского края. Однако в декабре того же года Сургуладзе удалось бежать в Турцию, а оттуда в Европу⁷¹.

Уже в 1911 г. в Женеве под председательством Сургуладзе был основан Заграничный комитет партии грузинских сепаратистов, состоящий из бывших

---

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Оп. 240. Д. 2479. Л. 103, 116.

⁷⁰ Там же. Л. 122, 133-133 об., 144.

⁷¹ ЦГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1814. Л. 20-24 об., 30-34. По данным агента «Дворянин» от сентября 1909 г., Сургуладзе и директор тифлисской дворянской гимназии А. Мдивани являлись непосредственными инициаторами создания ученических партийных кружков социалистов-федералистов. (ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1909. Оп. 239. Д. 202. Л. 72).

социалистов-федералистов, покинувших Грузию после подавления революции 1905 – 1906 гг., а также апрельских событий 1910 г.⁷² В состав комитета входили Л. и Г. Кереселидзе, а также Н. Магалашвили, тайно перевозивший летом 1905 г. по заданию Деканоцишвили взрывчатые вещества на Кавказ⁷³. Таким образом, упомянутый комитет являлся заграничным органом подпольно существующей в Грузии политической группы, которая, исходя из сложившейся реальности, хотя и никак не афишировала свою деятельность, но, тем не менее, существовала на грузинской земле.

В документах полиции Заграничный комитет партии грузинских сепаратистов упомянут в качестве «Группы свободной Грузии» по названию газеты, которую комитет стал издавать с января 1913 г.⁷⁴ Напечатанная на тонкой папиросной бумаге, удобной для нелегальной транспортировки, газета «Свободная Грузия», так же как и выходящая в Париже в 1904 – 1905 гг. «Грузия», тайно перебрасывалась на Кавказ⁷⁵. После начала Первой мировой войны, комитет, установив связь с германскими властями, был преобразован в Комитет освобождения Грузии, став тем самым основным политическим партнером Берлина по грузинскому вопросу.

Несмотря на то, что с формальной точки зрения члены комитета уже не считали себя социалистами-федералистами, они сохранили в своей деятельности многие черты этой партии, считая свое дело продолжением дела Джорджадзе–Деканоцишвили в 1904 – 1905 гг. Таким образом, в исторической ретроспективе членов комитета следует считать представителями радикального крыла социалистов-федералистов, выделившихся, в конце концов, в отдельную, в идеологическом отношении близкую к национал-демократам организацию.

---

⁷² Кереселидзе Г. Указ. соч. С. 151.

⁷³ Тугуши М. События и дела прошедших лет. С. 121.

⁷⁴ ЦГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 695. Л. 1 об.; Джанелидзе О. Указ. соч. С. 151-152.

⁷⁵ Кереселидзе Г. Указ. соч. С. 152-153.

Сухова Ольга Александровна

д-р ист. наук

Пензенский государственный университет

**РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОЦЕНКАХ
МАССОВОГО КРЕСТЬЯНСКОГО СОЗНАНИЯ**

В начале 2000-х гг. в российской историографии вновь обнаруживаются стремления к преодолению зависимости от политической составляющей, произвольно задающей направления научной рефлексии. Одним из результатов такого сопротивления можно рассматривать реабилитацию теории революции. После неудачной попытки бегства от собственного прошлого и замалчивания важнейших методологических проблем в исследовательскую практику вновь вводится понятие «революции» и соответствующих изменений социетальных институтов. В работах последних лет революция определяется как радикальная (и системная) трансформация общества в условиях краха (фактического отсутствия) государственной власти. При этом именно распад государства, а не уровень насилия представляется важнейшей характеристикой рассматриваемого процесса¹. По мнению В.П. Булдакова, истоки революции в России кроются в геосоциальных слабостях ее государственной конструкции, а также в возможности возникновения в социальном пространстве элементов, способных вызвать неконтролируемый рост малых возмущений. С другой стороны, выстраивается причинно-следственная зависимость между формированием новой государственности и степенью (тотальностью) овладения пространством, причем в понимании пространства как территории и как населения. Только в условиях организации пространства в информационно-временную целостность (определенную иерархию значений и

---

¹ См., напр.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. М., 2004; Мау В.А. Экономические реформы в России: итоги и перспективы // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003 и др.

смыслов) возникает жизнеспособная система властно-политического регулирования².

Одним из способов решения данной проблемы выступает изучение политико-правовых представлений крестьянства, основного элемента в структуре социального тела Российской империи. В этом отношении и теория о мелкобуржуазном откате СССР в условиях формационного несоответствия, рожденная в эпоху перестройки³, при ближайшем рассмотрении может быть легко трансформируема в концепт об активизации защитной функции института общины, эскалации общинности в массовом сознании, а, следовательно, архаизации последнего. Не случайно исследователи отмечают, что «пролетарская» революция реактуализировала лексику (включая церковнославянскую), восходившую к XV – XVII вв.⁴ Первой и единственной правопреемницей государства в крестьянском понимании становилась община, и вся политическая система низводилась до уровня функционирования и взаимодействия отдельных крестьянских миров. Воплощение крестьянского идеала *Правды*, тем самым напрямую соотносилось не столько с идеей «черного передела», сколько с торжеством сентенции «всеобщего поравнения». На мировоззренческом уровне это обернулось усилением массового стремления вернуться к «локальным формам жизни», основанным на натуральных отношениях, вернуться к «миру без начальства, миру, парализующему всякую попытку ослабить уравнительность»⁵.

Понимание этого позволяет по-иному «прочитать» и феномен репрессивной политики сталинизма. Вследствие чрезмерной концентрации эмоциональных усилий, принесенных на алтарь строительства социализма, потребовалась социальная психодиагностика, политическая аккумуляция коллективного бессознательного. Сублимировались архетипы античной практики остракизма и средневековой «охоты на ведьм»⁶. На другой чаше весов концентрировалась публичность покаяния, нередко не вынужденная, а иррациональная, родственная религиозному чувству.

Тем не менее, при всей очевидности признаков термидора в конце 1930-х гг. его истоки необходимо искать намного раньше. В критериальном отношении мерилom происходивших изменений необходимо считать крестьянство. Нельзя оставлять без внимания тот факт, что революция произошла в крестьянской стране, где в основе аксиологических параметров прочно укоренились ценности традиционного общества. Поэтому строительным материалом в деле разрушения и

² Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53.

³ См., напр.: Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11.

⁴ Успенский Б.А. Краткий очерк русского литературного языка. XI – XIX вв. М., 1994. С. 187.

⁵ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1991. С. 293.

⁶ Багдасарян В.Э. «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма. Сб. статей. М., 2007. С. 194.

воссоздания хрупкой ткани политического пространства будут выступать представления родового или общинного сознания.

Конечно, точную грань перехода к утверждению идеала власти и признания действующей системы управления законной правопреемницей самодержавию установить крайне затруднительно. Попробуем предположить, что указанные процессы проявятся в 1920-е гг., в эпоху системного межвременья, когда практически все социетальные функции испытывали мощнейшее воздействие противостояния традиции и новации.

Важнейшим условием решения этой задачи будет выступать анализ реакции социального организма на формирование низовых структур власти.

Хронологически абсолютное большинство волостных советов появилось в средневожской деревне в период января-апреля 1918 г.⁷, сменив существовавшие до этого чуть более полугодом земства. Несмотря на, казалось бы, демократичный характер своего образования, новые органы власти явились внешним, «казенным» учреждением по отношению к общине, были фактически навязаны деревне, что сохраняло прежние противоречия, зафиксированные еще С. Матвеевым: «...Староста с миром, – это – одна сторона, подчиненная, враждебная и защищающаяся; а волостное правление есть "контора", как у нас зовут, – место казенное: там старшина и писарь. Это – другая сторона, начальствующая и нападающая»⁸. Таким образом, на первом этапе примирить общину с новой властью мог только сам факт признания за волостным правлением функционального предназначения бывшего волостного правления, т.е. инстанции «начальствующей», но необходимой, как элемент привычной повседневной действительности. Все это подтверждается документами массового происхождения. В частности, речь идет об анкетах губернских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, направленных в волостные советы весной 1918 г.⁹ Выборка категорий высказываний относительно местных условий образования волостных советов дает следующие результаты: «согласно протокола 4-го крестьянского съезда депутатов уезда»; «с бою... фракцией большевиков, которые распустили управу»; «полнейшее безразличие ко всяким организациям»; «меньшинство говорило: раз приказывают организовать, то нужно исполнить, а большинство желательно было»; в Успенской волости Мокшанского уезда к апрелю совет еще не был создан – «оказалось не желают иметь совет»; «меньшая половина протестовала против организации совета и требовала оставить или земства или выбрать старшину»; «не во всех селах одинаково единодушно»; «с

⁷ В исследованных документах встречается лишь один случай образования волостного совета в 1917 г. – 20 декабря. (Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 90. Л. 2).

⁸ Матвеев С. В волостных старшинах // Русское богатство. 1912. № 2. С. 99.

⁹ См.: ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Дд. 85-94, 100.

общего согласия всех сельских обществ волости и совет образован из представителей каждого общества»; «от земства к советам жители перешли без колебаний»; «очень охотно само без всякого с чьей-либо стороны распоряжения» и т.д.

Вне зависимости от количественного «перебора» благожелательных отзывов можно отметить, что констатация «относительной» лояльности в отношении «новой» власти в целом сомнений не вызывает. И все же, производя корреляцию количества негативных высказываний в течение 2-3 месяцев после создания волостных советов, мы сталкиваемся с проявлением негативной тенденции: если в момент производства выборов случаи недовольства были отмечены в 19 волостях, то к маю 1918 г. респонденты из 30 волостей указали на отсутствие доверия к работе местных советов¹⁰.

Определенные сомнения в констатации безболезненной смены управления появляются и при анализе сообщений агитаторов о ситуации на местах. Скажем, на момент февраля 1918 г. в Саратовском уезде одноименной губернии было «...мало организации советской власти, а также медленно организуется более преобладает земское правление, в котором находятся правые социалисты-революционеры и тормозят всему делу». Из Вольского уезда Саратовской губернии поступали аналогичные сообщения: «...Власть фактически не в руках Советов, а в руках правительственных учреждений старого образца»¹¹.

При этом важно помнить об одной из характерных особенностей, свойственных политическому сознанию средневожского крестьянства в период второй половины 1917 г. Путаница в деле революционной перестройки органов местного управления, не просто дублировавшей функции народного представительства, но и нередко носившей запоздалый характер по отношению к собственно крестьянскому правотворчеству, имела своим неизбежным следствием рост политического абсентеизма в деревенской среде. Со всей очевидностью это проявилось в августе-сентябре во время проведения избирательной кампании по выборам в волостное земство (по закону 21мая (3 июня) 1917 г.). В частности, в Саратовской губернии, как следует из сообщения Камышинской земской управы,

---

¹⁰ Рост враждебности сельского населения по отношению к советской власти в течение зимы-весны 1918 г. отмечен и в работе Г.А. Герасименко и В.П. Семьянинова: если в момент образования советов в Пензенской губернии число недовольных чуть превышало 2% от всех участников анкетирования, то к маю 1918 г. данный показатель возрастает почти до 9%. (Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Советская власть в деревне на первом этапе Октября (на материалах Поволжья). Саратов, 1980. С. 37, 216).

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 77. Д. 6. Л. 40, 45 об. По данным Г.А. Герасименко и В.П. Семьянинова, 65 волостей Саратовской губернии отказались прислать своих делегатов на губернский съезд (открытие состоялось 30 ноября 1917 г.) по политическим мотивам – из-за непризнания Советской власти. (Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Указ. соч. С. 38).

«население к выборам относилось без ясного понимания задач волостного земства. Выборы различных комитетов и перевыборы надоели населению, а потому к выборам оно отнеслось в первый раз 27 августа равнодушно, а во второй раз – 3 сентября – вовсе индифферентно»¹². Аналогичная ситуация сложилась и в других уездах губернии. Часто крестьяне рассматривали проведение избирательной кампании в условиях отсутствия значительного контингента избирателей как временное явление (Сердобский уезд – «понимание выборов как временных – до конца войны и возвращения всех членов "мира"»), что и объясняет соответствующее отношение к выборам¹³.

Учитывая подобную ситуацию, сложно предположить кардинальную перемену в настроениях деревни спустя столь короткий промежуток времени. Кроме того, немаловажным по своему значению фактом выступает отнюдь не крестьянская (в смысле общинная) природа происхождения советской власти. Столь же трудно предположить, что в этих условиях будет наблюдаться усиление политической активности крестьянства и их деятельное участие в процессе преобразования земств в советы. Скорее распространенным явлением станет социальная пассивность, фиксируемая под термином «сочувственно», «сознательно» и т.д.

Каковы же были условия признания новой власти в средневожской деревне? Обратимся к источникам, в которых присутствует прямое, а не опосредованное выражение крестьянских суждений. В частности, как следует из протокола Белоключевского волостного собрания Вольского уезда Саратовской губернии от 5 февраля 1918 г., представители населения волости в количестве 81 человека, выслушав доклад агитатора ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов П. Гришина «О текущем моменте» (а речь шла о признании власти советов и о преобразовании сельских исполнительных комитетов и волостных управ в советы), постановили: признать советскую власть только на условиях реорганизации системы выборов в советы всех уровней¹⁴. По мнению крестьян, постановления о налогах, продовольствии и пр. следовало признавать законными только в случае изменения представительства деревни в составе советов («пропорционально с рабочими и солдатами»)¹⁵.

В другом случае общее собрание граждан села Стригая Вольского уезда Саратовской губернии 7 февраля 1918 г. всецело признало власть Советов, однако, выразив доверие этой власти, ограничилось обычным переименованием управы и

¹² Цит. по: Посадский А.В. Саратовское крестьянство и выборы в волостное земство в августе-сентябре 1917 г. // Вопросы крестьяноведения. Вып. II. Саратов, 1996. С. 142.

¹³ Там же. С. 144-146.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 77. Д. 6. Л. 8-8 об.

¹⁵ Там же. Л. 8 об.

сельского комитета в советы соответствующего уровня. Свои условия были включены в постановление крестьян села Каменка Саратовского уезда от 6 февраля 1918 г., принятого после ознакомления с текстом доклада «О текущем моменте»: «Выразить полное доверие Центральному Совету Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов во главе с Народными комиссарами, доверяем постольку, поскольку они будут выражать волю всего трудового народа»¹⁶.

Приведем несколько развернутых характеристик отношения общинников к советской власти, представленных в анкетах иногороднего отдела Пензенского губернского совета. В частности, по словам респондента из Сиалеевско-Пятинской волости Инсарского уезда, «вследствие бессилия советской власти удовлетворить нужду в хлебе голодающего населения» отношение к советской власти «неприятное и недоверчивое как и к упраздненному земству»¹⁷. «...Население ропщет... что не поставлено продовольственное дело»; «народ стал падать духом и говорить, что не работает совет» – такие высказывания содержались в ответах, поступивших из ряда волостей Краснослободского уезда¹⁸. За дефиницией равнодушного отношения крестьян к советской власти иногда скрывались высказывания подобные следующему: «Население не желает слушать никаких властей и организаций. Меры не действуют кроме грубой силы...» (Грабовская волость Пензенского уезда)¹⁹. И, пожалуй, общее состояние политической сферы крестьянского сознания предельно емко выразил респондент из Шишкевской волости Рузаевского уезда: «Из-за разрухи безразлично к политическим вопросам... "кто бы ни управлял нами, – лишь бы обеспечил хлебом и установил порядок"»²⁰. «Вполне сочувственное» отношение к советской власти объяснялось «желательностью» иметь хоть какую-нибудь власть в волости, которая будет действовать в направлении «к улучшению жизни граждан»²¹. Интересна и такая трактовка: «Большинство смотрит как на вполне законное начальство и охотно подчиняется»²². В этом контексте естественным результатом «привыкания» к новой власти будет изменение соотношения числа сочувствующих и враждебно и недоверчиво настроенных крестьян, если оценивать, скажем, ноябрь 1917 и май 1918 гг. По данным Г.А. Герасименко и В.П. Семьянинова, в 50 из 118 отчетов эмиссаров Саратовского совета относительно периода ноября 1917 г. указывалось, что крестьяне советскую власть признавать отказывались. А в мае 1918 г., когда

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 77. Д. 6. Л. 17, 19.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 86. Л. 4-4 об.

¹⁸ Там же. Д. 88. Л. 17-17 об., 23-23 об.

¹⁹ Там же. Д. 93. Л. 68-68 об.

²⁰ Там же. Д. 92. Л. 4-4 об.

²¹ Там же. Д. 93. Л. 2-2 об.; Д. 91. Л. 36-36 об.

²² Там же. Д. 91. Л. 37-37 об.

президиум IV крестьянского съезда Саратовской губернии предложил делегатам от волостей заполнить специальную анкету на этот счет, уже более 81% участников опроса заявили о сочувственном отношении населения волостей, которые они представляли, к советской власти. И лишь около 15% – о недоверчивом и враждебном отношении²³. Для выяснения степени объективности опроса следует обратить внимание, во-первых, на произвольный характер проведенного анкетирования (среди делегатов съезда, т.е. при определенном стечении обстоятельств), а также на своеобразие восприятия государственности в крестьянском сознании (вспомним о мифической сущности «казны», которая и в огне не горит, и в воде не тонет). Поэтому заявления о том, что «За исключением кулаков, готовы выступить по первому зову на защиту» (Соколовская волость Сердобского уезда)²⁴, может быть интерпретировано лишь как демонстративное выражение лояльности по отношению к новой власти, не соотносимое с реальной поведенческой практикой. Тем более что неспособность местных советов эффективно решать самые острые проблемы деревенской повседневности, применение политики контрибуций и штрафов как единственного источника «налоговых» отчислений в бюджеты советов местного уровня, делало перспективу дальнейшей пролетаризации советов (в апреле-мае 1918 г. предстояло переизбрание волостных советов первого созыва) малоуспешной. Да и вообще порождало шаткость положения советской власти в деревне. В официальной трактовке дефиниция подобной тенденции объяснялась ростом «кулацкого засилья в советах»²⁵. Однако, соотнося данное заключение с большевистской интерпретацией лексического значения категорий «кулак», «кулачество», можно расшифровать суждение городского эмиссара именно как признание факта сопротивления деревни в целом и представителей советской власти на местах, в частности, осуществлению хлебной монополии. А в реальности основной причиной разгонов советов и самосудов над их членами было бедственное положение крестьян, что в дальнейшем и предопределило избрание такого состава органов местной власти, который волей или неволей должен был превратиться в организатора антиправительственного сопротивления. Такого состава, который будет энергично выступать против продовольственной, налоговой и мобилизационной политики государства. Красноречиво о грядущих перспективах развития местного самоуправления весной 1918 г. написал респондент из волисполкома Зубовской

---

²³ Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Указ. соч. С. 85-86.

²⁴ Цит. по: Там же. С. 87.

²⁵ Так, в докладе начальника Петроградского продотряда Петермана, действовавшего летом 1918 г. в Пензенской губернии, сообщалось, что до его появления в губернии «большинство уездных, волостных и сельских советов состояло из кулаков». (Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918 – 1922 гг. М., 2001. С. 212).

волости (Пензенская губерния): «выпады (против советской власти – О.С.) не прекращаются и по сей час, были и раньше вообще к местным органам власти (до Советов)»; «классическая темнота народа и неспособность мыслить социалистически, неспособность к организованной работе и голод»; «положение (советской власти – О.С.) близкое к катастрофическому»²⁶.

Политическое сознание российского крестьянства отличалось наличием значительных напластований языческих верований, значительной аморфностью, незрелостью и размытостью представлений как о механизмах функционирования политических связей, так и о программных установках различных партий и общественных организаций.

На первый взгляд, данные свидетельствуют о росте крестьянских симпатий по отношению к большевистской партии. Респонденты из порядка 50 волостей заявили, что политические убеждения большинства населения либо большевистские, либо сочувствующие большевикам и советской власти. Весьма показательно, что прежние лозунги крестьянской борьбы представлены лишь в трех анкетах, что позволяет предположить два момента. Во-первых, речь идет о реализации в целом социального идеала как о свершившемся факте, и, следовательно, столь привычные прежде претензии к власти стали не актуальны. А, во-вторых, фиксацию ответов на вопрос о политических убеждениях можно интерпретировать как рефлексию крестьянского сознания по поводу стремления властей выяснить рейтинг той или иной партийной организации в деревенской среде. В этом отношении признание системы советов, советской власти в качестве «законного начальства» будет автоматически переноситься и на политические пристрастия населения («какова власть, таковы и убеждения»)²⁷. Немаловажно обратить внимание на количественные показатели индифферентного отношения крестьянства к различного рода политическим организациям, что косвенно указывает на особое прочтение, собственную оценку (в координатах присущей крестьянству рассматриваемой эпохи когнитивной карты) уровня развития политического сознания, традиционно основанного не на опыте, а на вере («о политических *верованиях* (курсив мой – О.С.) говорить не приходится»)²⁸.

Косвенно о степени политической сознательности крестьянства свидетельствуют опросы волостных исполкомов на предмет существования и деятельности первичных партийных организаций на местах. В частности, по данным волисполкомов Бугурусланского уезда Самарской губернии осенью 1919 г., лишь в

---

²⁶ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 90. Л. 24-24 об.

²⁷ Там же. Д. 94. Л. 187.

²⁸ Там же. Д. 90. Л. 24-24 об.

семи волостях прослеживалась деятельность комячеек, общая же численность коммунистов в уезде не превышала 62 человека²⁹. Имеются данные о партийном составе волисполкомов Мелекесского уезда той же губернии в апреле 1920 г.: из 97 членов (по 19 волостям) коммунистов насчитывалось всего 18 человек и 3 «сочувствующих», основная же масса представителей местного самоуправления оставалась беспартийной³⁰.

Свидетельства увеличения численности левозсеровских организаций в деревне³¹ также не могут выступать надежным аргументом в пользу роста политической сознательности и организованности средневожского крестьянства. А «эсеровский след», который нередко проступает в лозунгах и программных документах крестьянских восстаний, как справедливо отмечает В.В. Кондрашин, был обусловлен обстоятельствами противостояния крестьян и власти (необходимость оформления крестьянских требований), а также совпадением программных установок эсеровской партии с содержанием социальных интересов и чаяний³², т.е. элементарным крестьянским утилитаризмом.

Массовое повстанческое движение крестьянства в 1919 – 1921 гг. также можно рассматривать как социальную реакцию на неэффективность властно-политического регулирования. Военнокоммунистический эксперимент большевистской партии был явлен деревне не в виде отдельных мероприятий или письменных распоряжений, он пришел вместе с продотрядами и продагитами, представителями комбедов и комячеек, вместе с милицией и войсками. Пришел и был маркирован родовым сознанием как *Коммунист*, т.е. враг всему общинному строю, грабитель и насильник, не представитель власти (хотя в представлениях крестьянства власть и насилие соседствовали весьма тесно), а как ее узурпатор.

Интересные рассуждения о местном начальстве, позволяющие предположить наличие четко выраженного представления, тяготеющего к стереотипной форме, содержатся в письме крестьянина из села Базарная Дубровка Краснослободского уезда Пензенской губернии, направленного в адрес газеты «Правда» и опубликованного 1 февраля 1919 г. за подписью «Красноармеец». Крестьянин сетует на низовые структуры местного самоуправления, на «своевластников, которые бы хотели жить одни»: «В с. Базарных Дубровках коммунисты напиваются пьяные и

²⁹ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 151. Л. 45-73.

³⁰ Там же. Д. 191. Л. 82.

³¹ Некоторые данные о поуездной численности левых эсеров в губерниях региона приводятся в монографии Т.В. Осиповой. В частности, только в Чембарском уезде Пензенской губернии к лету 1918 г. насчитывалось 1 506 левых эсеров, из них в деревне – 1 206 человек. (Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 97).

³² Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 249.

ходят по домам, приказывают сготовить обед по их желанию. Да аппетиты у них еще какие, свари, мол, мяса полпуда и будет покуда, если десять то будем мять, а если фунтов пять то придем опять – что и на самом деле проводят в жизнь»³³. Помимо анализа причин сложившейся ситуации на местах с позиции конструктов обыденного сознания и жалоб на полуголодное существование семьи в письме присутствует характеристика единственно адекватной при этих обстоятельствах форме обыденного же сопротивления: «Берите пример с других деревень, которые ведут к поучению главное подчиняться нужно декретам, которые желают возвысить род бывшего мужичка-серячка, а еще не говорить непонятные для себя слова "власть на местах". Эта власть по нашему значит "нельзя подчиняться высшему начальству и нельзя ехать в соседнюю деревню, так как власть на местах может не пустить и оставить у себя в плену..."»³⁴. Формула «подчиняться декретам, а не начальству» выражала собой достаточно типичное представление не только о форме обыденного сопротивления притязаниям власти, но и олицетворяла способ приглашения власти к диалогу, примиряла крестьянство с советской властью. Как следует из приговора граждан села Мертовщины Городищенского уезда Пензенской губернии о взятии на поруки арестованных односельчан от 1 марта 1919 г., «декреты Совета Народных Коммунистов (так в тексте – О.С.) ни в коем случае не должны храниться в тайне от общества, общество было бы весьма благодарно местному совету за [их] обнародование. Если бы местный совет вовремя [их] обнародовал, в частности письмо товарища Троцкого к крестьянам (среднякам) (о соблюдении принципа добровольности при создании коммун – О.С.), то вспышки, имевшей место 16 февр[аля] с.г., ни в коем случае не было бы»³⁵. Тем самым, образ «власти на местах» приобретал обобщающий характер, огульно объединяя всех носителей идеи государства, выражавших властные притязания посредством речевой и поведенческой практики.

Для сравнения проведем цитату из корреспонденции, направленной Г.И. Петровскому из Саранского уезда Пензенской губернии в начале 1919 г. Принимая во внимание богатый опыт революционной борьбы автора письма (А. Ивенина), трудно сомневаться в его лояльности по отношению к советской власти. Тем тревожнее выглядят его оценки происходившего в уезде: «Пользуюсь Вашим разрешением писать Вам лично о положении на местах... Население настроено против Советов. Втихомолку ждут переворота. Повинны в этом всецело

---

³³ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 470. Л. 57.

³⁴ Там же. Л. 57-57 об.

³⁵ 16 февраля местные коммунисты были избиты крестьянами на собрании, проводившемся по поводу организации в селе сельхозкоммуны. (Крестьянское движение в Поволжье. 1919 – 1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 72-74).

местные уездные власти, произвол которых в управлении не знает границ и очень часто превосходит в своей разнузданности все самое дикое из того, чем мы вспоминаем проклятый царизм. При взимании чрезвычайного налога применяются пытки мрачного средневековья. Крик "расстреляю" раздаётся гораздо чаще, чем при крепостном праве раздавался крик "запорю". В некоторых деревнях так называемые коммунистические ячейки облагают отдельные дома обедами и потом берут с хозяев контрибуцию за недостаточно вкусно изготовленный обед. Никакие возражения со стороны граждан не допускаются, и в особенности не любят здесь ссылок на декреты»³⁶.

«Облавная тактика», тривиальное мародерство перемещавшихся по территории губернии воинских частей в 1919 г. становится главным камнем преткновения в отношениях крестьян и советских властей в Самарской губернии, что особенно остро ощущалось ввиду близости к линии Восточного фронта и «казацких набегов на мирное население». Бесплатный обед – вот минимум той «дани», что взималась красноармейцами в селах Бузулукского уезда: «Проходившими частями бессмысленно уничтожались огороды, еще с несозревшими овощами. Бесплатный сытый обед для заявившихся красноармейцев введен прямо таки в систему под угрозой расправы»³⁷.

Такие характеристики, как нетактичность «некоторых товарищей», позволявших себе «кричать на мужиков и топтать ногами на манер прежних станowych, пересыпая все свои речи словами "замолчать", "перебьем", "расстреляем", и требовали для себя парных экипаж[ей] и т.д.» были названы в числе основных причин, определявших массовую агрессию, вспыхнувшего в марте 1919 г. в Буинском уезде Симбирской губернии крестьянского восстания³⁸.

В связи с реконструкцией представления о «коммунистах» в массовом сознании крестьянства хотелось бы обратить внимание еще на один из аспектов проблемы. Так, одним из дискуссионных в современной историографии является вопрос о распределении ответственности за политику фактического геноцида в отношении собственного народа между центральными и местными управленческими структурами³⁹. Письменная фиксация рефлексии крестьянского сознания по этому

³⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 129. Л. 43-43 об.

³⁷ Там же. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 48. Л. 79.

³⁸ Крестьянское движение в Поволжье. С. 203.

³⁹ К этой проблеме, в частности, обращается в своей монографии В.В. Кондрашин, говоря об особой практике формирования иерархии ответственности властей разного уровня за произвол и беззаконие по отношению к крестьянству. По мнению автора, непосредственные проводники непопулярных распоряжений центральных властей, «стрелочники» по характеру своих обязанностей были вынуждены заниматься трудной, «грязной» и неблагодарной работой и не в силу особых садистских наклонностей, а по причине элементарного отсутствия иных методов изъятия у производителя части

поводу проводит четкое деление между «декретами» и коммунистами, между идеологией и практикой. Первое признавалось, от второго яростно оборонялись. Из заявления арестованных крестьян села Катмис и деревни Водолей Городищенского уезда Пензенской губернии от 22 марта 1919 г. узнаем, что «лица, составляющие ячейку коммунистов с. Катмиса, собравшись из кулаков, спекулянтов, пьяниц и всякого рода сброда, малейшего понятия в коммунизме не имеющих, записались они в ячейку не для того, чтобы принести какую-либо пользу народу, а исключительно только из спасения своего имущества, своей шкуры и получением карьеры»⁴⁰. В документах повстанцев периода «Чапанной войны» встречаем еще более конкретную характеристику противопоставления центральной и местной власти: «мы восстали против засилия и произвола тиранов, палачей коммунистов-анархистов, грабителей, которые прикрывались идеей коммунизма, присасывались к Советской власти..., которые избивали население плетьюми, отбирали последнее, выбрасывали иконы и т.п.»; «соединимся все воедино на защиту своих народных прав и достояния трудового народа, разграбляемого шайкой хулиганов, лодырей, лентяев и любителей чужого, кровавым потом нажитого имущества – насильников-коммунистов»⁴¹. По мнению В.В. Кондрашина, представившего в своей монографии детальный анализ программных требований восставшего крестьянства, мысль о верности советской власти и приверженности ее законам проводится практически во всех документах повстанческого движения⁴². Объектом агрессии выступали непосредственно социальные носители государства, т.е. индивиды, либо вторгшиеся в повседневную жизнь общины извне, либо граждане данного общества, насилие над которыми, соразмерное в понимании восставших с масштабами причиненного материального и морального ущерба, могло способствовать психологической разрядке, «освобождению» от сверхсильных переживаний массового характера. Отчасти это являлось следствием политики государства, ориентированной на поиск собственной социальной опоры в деревне среди пролетарских слоев населения. При этом в расчет совершенно не принимались психологические особенности этой субкультуры с явно выраженными признаками маргинализации. Действительно, морально-нравственные качества представителей власти при отсутствии необходимого количества убежденных сторонников РКП(б) на местах оставляли желать много лучшего. К такому контингенту как нельзя лучше подходит эпитет, позаимствованный Д.И. Люкшиным в работе А.Л. Окнинского, – «подонки сельского

необходимого продукта, принуждения к мобилизации и выполнению трудовой повинности и т.д. (Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 99-100).

⁴⁰ Крестьянское движение в Поволжье. С. 165.

⁴¹ Там же. С. 103-104.

⁴² Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 124.

населения»⁴³. Поэтому одним из факторов роста социальной напряженности в российской деревне будет выступать провокация насилия со стороны представителей низовых структур советского аппарата, людей, возможно, ощущавших прежде свою ущербность в чем-либо, и теперь, при получении властных полномочий, пытавшихся самоутвердиться. В письме сотрудника штаба 4-й армии Восточного фронта Н. Вазелинова В.И. Ленину о нарушениях законности при сборе чрезвычайного налога в селах Самарской губернии от 2 марта 1919 г. мы встречаем свидетельства рефлексии обыденного сознания по поводу особенностей психологии «нового начальства», образа, ставшего впоследствии собирательным: «И Дорогойченков сорганизовал совет и комитет с. Орловки и подобрал таких же людей-хищников, таких же, как сам. Когда организовал совет и комитет, то выражался, что "я – Царь, я – Бог, я – Власть, что хочу, то и делаю, разорю во прах ваше крестьянство – это мое дело"; "мне власть дана от уездного исполкома неограниченная"»⁴⁴.

Демонизация образа красноармейца – продотрядовца – коммуниста ощущается и в корреспонденции, попадавшей в поле зрения военной цензуры: «у нас ездят отряды за отрядами отбирают самовары, холсты, шубы, посуду, полога»; «в селе находится отряд и отбирает хлеб подчистую выдачи никакой нет, скоро умирать с голоду будем»⁴⁵. Хочется подчеркнуть, что в крестьянской переписке отсутствует непосредственное указание на существование связи между действиями продотрядов и государственной экономической политикой. Утаивая хлеб, прячась от продотрядов, часто прибегая к самосудам и открытым выступлениям против «грабителей»⁴⁶, крестьяне боролись не с причиной, а со следствием. В массовом сознании происходила сублимация представлений о низовых структурах «начальства» (при сохранении традиционно отрицательных оценок) в образ «коммунистов-комиссаров», узурпировавших власть над крестьянами и применявших насилие по собственному усмотрению, в том числе, и в силу индивидуальных особенностей, присущих данному «человеческому материалу». Проявления всех форм социального сопротивления в этом случае будут оправдываться необходимостью борьбы за выживание во враждебном окружении. Подобным контекстом определялась дефиниция коммунистов как «прежнего начальства», несшего прямую

---

⁴³ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 100. См. также: Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. М., 1998. С. 37.

⁴⁴ Крестьянское движение в Поволжье. С. 74-75.

⁴⁵ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 200. Оп. 4с. Д. 19. Л. 68-69.

⁴⁶ Как следует из сообщений уисполкомов Симбирской губернии, продотрядовцев крестьяне открыто называли «грабителями». В обыденном сознании действия низовых структур, представляющих власть, жестко связывались со следующим лексическим рядом: «отбирают»; «отбирают начисто»; «грабят», «отряд по выгребке хлеба»; «и сыты и пьяны приедут только пьянствовать». (Там же. Л. 61-69; 251 об.).

ответственность за рассогласование наличного и потребного идеала, за предательство императивов «моральной экономики», а, с другой стороны, еще и как посланников Антихриста, отрекшихся от Бога, следовательно, также совершивших предательство интересов общины. Так, в корреспонденции из деревни Павловки Самарской губернии 31 января 1920 г. сообщалось: «Берут у нас скот, потом потребовали с нашей деревни 500 коров и 1 000 овец, но ведь это, товарищи, невыносимо, потом за скрывание дезертиров положили 12 000 руб. контрибуции, еще 43 000 руб. кроме чрезвычайного налога. Ездит у нас какой-то отряд из *прежней стражи* (курсив мой – О.С.). Товарищи, не свободы мы дождались себе, а разорения крестьян; коммунисты говорят: "До тех пор будем с крестьян шкуру драть, пока они не вступят в коммуну". С нас, товарищи, дерут и берут, а нам ничего. Забрали излишки хлеба, а теперь кто чего пожертвует. Дорогие товарищи, когда же мы отмучаемся от этой проклятой власти?»⁴⁷ Соотнесение общей дефиниции «коммунистов» с прежним опытом социально-политического взаимодействия здесь далеко не случайно. Подобным способом в крестьянском сознании решалась проблема маркировки условий фрустрирующей ситуации (предательство, измена социальным интересам), что ослабляло страх ответственности и высвобождало агрессию.

Еще одним основанием для маркировки коммунистов как «прежнего начальства» выступала необходимость формального (показного) подчинения власти, откровенно демонстрирующей возможность применения насилия. На этом базисе покоился традиционно присущий психологии патриархального крестьянства страх перед любым начальством. Сравним, в частности: «...кто едет. Старшина. Зачем. Сбирать подати. Все домохозяева – мужики стараются прятаться: кто в лес, кто в подполье, кто куда попало»; «зная его [сельского старосты] власть (может посадить в "клоповницу" – холодную), крестьяне стараются оказать ему наружную почесть...»; «...нижнее начальство, которое гордится своей властью, с подвластными обходится грубо, считая их ни во что, за такое обхождение крестьяне совсем мало уважают их» (из материалов конца XIX в. по Саратовской и Пензенской губерниям). А это уже из информационной сводки Пензенской губчека за период с 1 по 15 октября 1920 г.: «...Особенно не любят крестьяне тех, кто приезжает к ним весь обвешанный оружием, значками и ремнями и с грозным лицом; кр[естья]нам приходится подобострастничать перед ним, но лишь только он уходит, как в его спину сыплется целый ряд всевозможных злых замечаний»⁴⁸.

Ситуация мало изменилась и спустя десятилетие после захвата власти большевиками. Казалось бы, отмену продразверстки и введение Земельного кодекса

---

⁴⁷ Крестьянское движение в Поволжье. С. 470.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 119. Л. 15-17; Д. 115. Л. 20; Крестьянское движение в Поволжье. С. 576.

30 декабря 1922 г. можно было бы рассматривать как условия легитимизации, признания властвующей силы. Однако в средневожской деревне сохранялось настороженное отношение к новой власти, и особенно к низовому аппарату управления. Более того, даже монархические представления нередко использовались для маркировки антинародной (антикрестьянской) сущности государства в форме диктатуры пролетариата. В частности, в информационных сводках региональных отделов ОГПУ во второй половине 1920-х гг. при фиксации традиционных для общинного сознания антибюрократических настроений отмечалось появление новых значений в системе социально-иерархических связей: «почему рабочие налогами не облагаются и живут припеваючи вместе с коммунистами за наш счет в то время когда крестьянские хозяйства являются истощенными и терпят нужду»; «зачем организовывать бедноту, когда в высших органах Власти сидят все большие цари, – Вы думаете нет Николая и у власти сидят рабочие, нет, ни одного рабочего не увидишь у Власти, там все сидят каракулевые воротнички, а нас с лаптями никуда не допускают...»⁴⁹; «обыкновенно преобладает зависть к городу, недовольство рабочим, вплоть до недовольства диктатурой пролетариата, что зачастую поддерживают секретари сельсоветов, работники просвещения и т.п.»⁵⁰

Следует отметить и присутствие оценочных суждений относительно эффективности механизмов властно-политического регулирования: «члены правления ничего не делают и лишь пьянствуют»⁵¹; «главным отрицательным фактором, влияющим на настроение крестьян является массовое злоупотребление низового Соваппарата, в частности местных органов. В некоторых местах губернии этот вопрос обсуждается на всех сходках и собраниях...»⁵²

Распространение подобных настроений можно рассматривать как один из стимулов обыденного сопротивления деревни, что проявилось, в частности, в значительном снижении показателей собираемости сельхозналога. По данным региональных структур ОГПУ, «несмотря на ряд указаний местам со стороны ГФО по применению принудительных мер к неплательщикам сельхозналога, желательных результатов пока нет. Поступление за последнее время особенно упало»⁵³. В этой же сводке отмечаются факты открытого выражения недовольства налоговой политикой государства.

---

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 119. Л. 203, 459.

⁵⁰ Там же. Д. 225. Л. 199.

⁵¹ Там же. Д. 224. Л. 207.

⁵² Там же. Л. 4.

⁵³ На 1 января 1926 г. в Пензенской губернии поступило всего 33,74% от требуемой суммы. (Там же. Д. 119. Л. 12).

Следует также признать, что к концу первого постреволюционного десятилетия в ряду оценочных суждений крестьянства относительно легитимизации новых управленческих структур, признания новой власти устойчиво доминировали критические высказывания, что не позволяет сделать вывод о завершении системного кризиса к концу 1920-х гг.: «партийное влияние слабое», «партячейки авторитетом не пользуются», «что касается комсомола, то члены последнего ввиду плохих экономических условий из деревни бегут на заработки, поэтому работы никакой не ведется...» (села Подгорное, Высокое, Покровское Чембарского уезда); «кроме пьянства нам сельсовет ничего не сделал» (в селе Адикаевка Нижнеломоского уезда). В селах Александровке, Рязановке Рузаевского уезда, в селе Анучино Чембарского уезда, селе Кочелейке Нижнеломоского уезда крестьяне приняли постановления с резолюцией: «Признать желательным организацию "Крестьянского союза" по причине роста "антагонизма между городом и деревней"». В ходе перевыборной кампании комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ) в Краснослободском уезде вскрылся «целый ряд злоупотреблений – взятки, попойки, кормишки, – искусственное затягивание работ со стороны землеустроительного аппарата и медлительность разбора спорных земельных дел... отсюда всевозможные нарекания на советскую власть». Особую остроту приобрела проблема отношений крестьянства и милиции: В селе Слободская Лада Саранского уезда начальник волостного района милиции «продолжает пьянствовать систематически и своим поведением развратил и рядовых милиционеров: милиционер Кузовков спился до того, что сбежал из своего района и растерял все дела, 2-й милиционер Агапов в одно время так напился, что [в] арестантском помещении сломал печку, 3-й милиционер – Селезнев живет в с. Пушкине на квартире у самогонщика Лялина, где пьет чуть ли не ежедневно. Население крайне недовольно»⁵⁴.

Таким образом, первоначально признание и поддержка советской власти воспринимались российским крестьянством как дополнительная гарантия от реставрации самодержавно-помещичьего строя. Кроме того, нельзя полностью сбрасывать со счетов психологическое объяснение столь свойственного крестьянскому движению прежде утилитарного прочтения монархических лозунгов, проявившегося теперь в новом качестве⁵⁵. Непроизвольно пытаюсь избежать репрессий, миновать ответственность, крестьяне демонстрировали лояльность к власти центральной, но отказывали в таковой властям на местах. Подобное было характерно для крестьянской психологии не только в эпоху Гражданской войны, но и в целом на протяжении 1920-х годов. В этих условиях решение основной задачи

---

⁵⁴ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 224. Л. 93, 125, 127, 492, 495.

⁵⁵ См., в частности: Field D. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston, 1976.

власти – освоение пространства населения (а не просто территории)⁵⁶ встречает серьезные препятствия, которые резко снижают эффективность рекреационной программы. Антиэтатистские высказывания затрагивали проблему бюрократического перерождения советского низового аппарата, а также были результатом острой реакции на ограничения крестьянства в правах, чем и объясняется антагонизм между городом (символизирующим государственное начало, власть) и деревней.

---

⁵⁶ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 54.

Рыбаков Роман Валерьевич

канд. ист. наук

Омский государственный технический университет

**НЕКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ
МОЛОДЕЖИ В 1917 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.**

Проблемы, с которыми сталкивается современное российское общество в области молодежной политики, имеют определенную схожесть с вопросами, которые пыталось решить советское государство на заре своего становления (проблемы морально-нравственных и ценностных ориентаций, самореализации и патриотизма, социальной и политической активности и пр.). В условиях, когда молодежная политика пытается найти концептуальный подход, альтернативный тому, что был погребен под обломками СССР более 20 лет назад, изучение исторического опыта, безусловно, должно способствовать формированию новых идей, конструированию средств и механизмов, направленных на преодоление деструктивных тенденций в молодежной среде. При этом, конечно, следует учитывать, что советский опыт социализации молодого человека, в том числе и в рассматриваемый период, не был лишен противоречий и недостатков. Их исследование, хочется надеяться, поможет избежать в будущем необдуманных решений и ошибок в создании эффективной, ответственной молодежной политики.

Долгое время в отечественной историографии освещалось только коммунистическое, комсомольское прошлое молодежи с акцентом на его идейно-политическую составляющую. Альтернативные организации если и упоминались, то исключительно в негативном свете¹.

---

¹ Бахарева А.Н., Лейкин А.Я. Комсомол – активный помощник РКП(б) в борьбе с непролетарскими партиями и союзами за молодежь (1917 – 1925 гг.). Историография проблемы // Исторический опыт борьбы КПСС с непролетарскими партиями, группами и течениями за молодежь (1903 – середина 20-х годов). Л., 1990; Комсомол – боевой помощник партии, 1918 – 1983. М., 1984; Становление комсомола в Сибири 1917–20 гг. Новосибирск, 1975 и др.

В последние два десятилетия ситуация изменилась. В различных регионах страны появились работы, демонстрирующие принципиально иные подходы к анализу молодежного движения советской России. Его стали рассматривать в социально-психологическом, организационном, культурном, национальном аспектах, изучать под углом зрения социальной истории и истории повседневности. Исследователи пришли к выводу, что в жизни подрастающего поколения политика отнюдь не всегда занимала главное место. Советский молодой человек стремился прежде всего к разрешению социальных, экономических, жилищных проблем. Авторы обратили внимание на условия и формы его социализации, материально-бытовое положение, культурное развитие. В этом смысле важными достижениями в отечественной историографии являются работы В.И. Исаева, Р.Н. Мусалимова, А.Ю. Рожкова, А.А. Слезина и др.²

Делаются попытки выделить этапы в развитии молодежного движения. При этом период 1917 – первая половина 1920-х гг. большинство исследователей характеризует как переходный, когда наряду с коммунистическими союзами молодежи формировались и действовали иные объединения. Современные работы направлены на пересмотр и уточнение многих ранее данных оценок и положений, в частности, в вопросе механизмов монополизации комсомолом юношеского движения³. Историки начинают обращаться к теме некоммунистических объединений.

Однако, следует признать, что на сегодняшний день в изучении некоммунистических молодежных организаций сделано недостаточно. Отсутствие доступа к источникам, слабая информативность имеющихся документов в отношении исследуемого объекта до сих пор не позволили создать целостную картину их деятельности. По-прежнему остаются не выясненными их массовость, распространенность, методы и формы работы, организационные и идеологические основы функционирования, опыт сосуществования с комсомолом. Выход из сложившейся ситуации видится лишь в тщательном поиске, скрупулезном анализе документов местных архивов, использовании новых теоретических подходов, обмене мнениями, что, как нам кажется, позволит сформировать объективное,

---

² Исаев В.И. Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации (1920 – 1930-е гг.). Новосибирск, 2003; Мусалимов Р.Н. Национальные союзы молодежи России (1917 – 1929 гг.). Бирск, 1996; Рожков А.Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Краснодар, 2002; Слезин А.А. Молодежь и власть: из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921 – 1929 гг. Тамбов, 2002. URL: <http://www.tstu.ru/education/elib/pdf/2002/slezin.pdf>

³ См., напр.: Соколов В.И. Молодежное движение в России: история, современность, перспективы и проблемы. Ч. 1-3. Рязань, 1992–1994.

политически неангажированное знание по истории советской молодежи, а не той малой части, которая входила в состав Коммунистического союза.

Цель данной статьи – рассмотреть основные некоммунистические политические и общественные организации молодежи, существовавшие в первое десятилетие советской власти и представлявшие альтернативу Коммунистическому союзу. Установить их отличительные особенности в идеологическом, политическом, организационном плане. Охарактеризовать условия сосуществования и взаимоотношения с комсомолом.

Комсомол не был первой молодежной организацией в советской России и возник не на пустом месте. Различные формы юношеского движения существовали с конца XIX в⁴. Однако 1917 г. стал в буквальном смысле взрывным. Революционные изменения и последующая социалистическая трансформация государства оказали серьезное влияние на социальную мобильность населения России, способствовали росту широкого спектра общественных организаций и движений. Главной причиной стремления молодежи к консолидации являлось отсутствие организаций, представлявших их реальные интересы. Те же фабрично-заводские комитеты, образованные в 1917 г., защищали интересы рабочих в целом, без учета особенностей и потребностей молодых пролетариев. В условиях революционного кризиса подобным «общим» организациям оказывалось все сложнее удовлетворять конкретные социально-экономические и культурные запросы молодого поколения⁵.

Среди первых организаций, возникших после Февральской революции, следует выделить «Труд и свет», объединившую юношей и девушек нескольких предприятий, а также учащихся Петрограда. Похожие организации появились и в других российских городах. Например, в Омске Союз рабочей и учащейся молодежи возник в июле 1917 г. В состав организации входили представители разных социальных слоев и политических взглядов, хотя в целом уровень «политической грамотности» у большинства ее членов был крайне низким. Многие не видели отличий между меньшевиками, большевиками и эсерами. Основная работа Союза была сфокусирована на организации литературных, театральных, хоровых кружков. Чтение политической литературы и присутствие на устраиваемых активистами различных политических партий публичных лекциях также предполагалось, но молодежь эти мероприятия посещались менее охотно⁶. Таким образом, главным фактором появления юношеских организаций была не столько политика, сколько

---

⁴ См.: Полищук Е.Н. Молодежное движение России в дореволюционный период (историко-правовое исследование). СПб., 2011. С. 53.

⁵ Neumann M. The Communist Youth League and the Transformation of the Soviet Union, 1917 – 1932. London, 2011. P. 20-21.

⁶ Это наша с тобой биография. Омский комсомол. Хроника. Документы. Воспоминания. Очерки. Омск, 1988. С. 13.

экономические, социальные, культурные и образовательные потребности молодого поколения.

Однако в условиях революции и всеобщей политизации остаться в стороне от партийной жизни молодежь не могла. Более того, руководство политических партий достаточно быстро осознало, какую силу несет в себе организованное юношеское движение, охватившее все социальные категории: студентов, учащихся, рабочих, крестьян, интеллигенцию. В 1917 г. в России существовало 70 политических партий, 36 из них имели свои молодежные организации⁷.

Безусловно, самым ярким проявлением политической активности молодежи стало появление уникального для мировой истории Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ). Однако было бы ошибкой считать, что юношеское движение было представлено только комсомолом. В исследуемый период существовали и другие организации, стоящие на различных культурных, образовательных и даже идеологических основах. Следует признать, что их век был недолгим. Достаточно быстро, используя партийно-административный ресурс, Коммунистический союз превратился в монополиста в молодежной среде, исключив надолго иные легальные формы юношеских объединений. Вместе с тем, нельзя отрицать влияние этих групп на общее развитие молодежного движения в 1920-е гг. С одной стороны, это подтверждается их численностью. По данному показателю комсомол превосходил некоммунистические объединения в крупных городах, однако в сельской местности его доминирование было не столь очевидным, а в некоторых регионах объединение молодых людей осуществлялось вообще без комсомольского участия. С другой – тем, что в условиях конкуренции Коммунистический союз был вынужден вырабатывать собственную тактику и методы, использовать различные инструменты борьбы, проявлять мобильность и гибкость, словом – совершенствоваться, завоевывая доверие подрастающего поколения.

Среди всех некоммунистических организаций наиболее активными были молодежные объединения политических конкурентов большевиков: меньшевиков, эсеров и анархистов.

Основные цели, задачи, а также организационные положения анархистских юношеских объединений были сформулированы в программных документах, опубликованных в официальном органе Федерации анархистов журнале «Вольная жизнь» – «Декларации Всероссийской Федерации Анархистской молодежи» и «Наказе по организационному вопросу местным группам анархистской молодежи», в связи с организуемым весной 1919 г. в Москве I Всероссийским съездом анархистской молодежи. В соответствии с Декларацией целью организаций

---

⁷ Исторический опыт ВЛКСМ: В 3 ч. Ч. 1. М., 1988. С. 68.

называлось духовное объединение молодых людей без различия течений от индивидуалистов до коммунистов включительно. В Наказе от 9 февраля 1919 г. в качестве основной цели заявлялось создание широкого анархического движения в стране и самообразование входящих в организацию членов⁸.

В молодежных анархистских объединениях не было четких возрастных ограничений. В Наказе прямо указывалось, что в группы может входить любое лицо, считающее себя молодым, независимо от своего возраста, знакомое с анархическим учением и разделяющее его основные положения. Сочувствующие анархизму могли объединяться в специальные группы и после ознакомления с анархическим учением, по рекомендации членов групп, быть приняты в состав анархистских организаций. В них могла входить как рабочая, так и крестьянская, интеллигентская и учащаяся молодежь, невзирая на социальное положение и сферу труда. «Только совместная работа молодого коллектива, объединенного одной общей целью», по убеждению анархистов, «приведет к скорейшему свержению рабского строя»⁹.

Федерация выступала за скорейший созыв Интернационала молодежи, видя в нем наиболее серьезное оружие против всякого угнетения. А также отмечала, что «ввиду многочисленных разногласий в тактике анархизма Федерация не принимает активного участия в политической жизни, не поддерживает сношения со всеми анархическими объединениями, стремясь к уничтожению всякой организованной формы насилия над человеческой личностью»¹⁰.

Общее руководство осуществлялось через устройство съездов и конференций, непосредственную связь с провинциальными группами, издательскую деятельность и т.д. Официальным печатным органом анархистов стал журнал «Жизнь и творчество русской молодежи», издававшийся в Москве в 1918 – 1919 гг. Стремясь превратиться в действительно массовую организацию, Федерация сохраняла за местными ячейками определенную самостоятельность организационной работы. Особо подчеркивалось, что «приток новых сил распределяется Федерацией между группами и союзами, согласно желанию как последних, так и вновь вступающих членов»¹¹. Тем самым решалась проблема конфликтных ситуаций, имевших место в комсомольских организациях в связи с так называемым «назначенством», когда перераспределение кадров между ячейками осуществлялось без учета личных и групповых интересов указанием сверху.

---

⁸ Анархисты. Документы и материалы. 1883 – 1935 гг. В 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 243-244. URL: http://avtonom.org/files/anarhists_1917-1935_tom2.pdf

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Также как и комсомол, анархисты одной из своих задач видели защиту профессиональных интересов молодежи, для чего предполагалось организовать представительство на фабриках, учреждениях, в учебных заведениях, причем деятельность эту допускалось осуществлять совместно с другими не анархическими организациями. Для успешной работы по саморазвитию и самообразованию группы разбивались на секции: литературную, театральную-музыкальную, эсперантскую, спортивную, художественную, научную, секцию по изучению искусств, философии и т.д. Средства групп, помимо пожертвований, составляли добровольные посильные взносы; в организацию могли быть допущены лица, которые по своему материальному положению не могли внести и небольшого взноса.

Предполагалось, что связывающим звеном между членами групп станет письменный договор, в котором ясно указывались цели объединения и характер деятельности последнего. Внутренняя жизнь коллектива отличалась достаточной свободой. При голосовании по тем или иным вопросам члены групп имели право выносить резолюцию большинства и меньшинства. В программных документах подчеркивалась абсолютная автономность личности, каждый член организаций сохранял полное и беспрекословное право выхода в случае своего желания из их состава.

Активная деятельность анархистов проводилась среди студенчества и учащихся. «Учащаяся молодежь! Берите школы в ваши руки! Творите вашу самобытность, проявите вашу волю к творчеству. Будьте самими собою. Самоуправьтесь! В вашей груди пламя всепожирания, в вашем дыхании – бунт всеразрушения, в уме – дух всеотрицания», – звучало в манифесте курской Федерации анархистских групп¹². В Омском сельскохозяйственном институте на рабфаке была предпринята попытка создания кружка имени П.А. Кропоткина. В своем письме к А.А. Карелину – секретарю Всероссийской федерации анархистов, организатор студенческого кружка А. Моисеев отметил глубокий переворот в умах как беспартийного, так и партийного студенчества рабочего факультета, живой интерес к идее анархизма, несмотря на «огульное и необоснованное пренебрежение к этому учению как утопии со стороны местной комячейки»¹³. Любопытно, что в письме содержится идея совместной работы коммунистической ячейки и анархистского кружка. К сожалению, судьба этой инициативы нам неизвестна, можно только предположить, что если кружок и функционировал, то совсем недолго.

---

¹² Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 196. URL: http://avtonom.org/files/anarhist_1917-1935_tom2.pdf

¹³ Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 950. Оп. 1. Д. 4. Л. 25-25 об.

На июльском пленуме ЦК РКСМ в 1919 г. руководство Коммунистического союза выразило обеспокоенность ростом популярности анархистских молодежных организаций. Л. Шацкин по отношению к Всероссийской Федерации Анархистской молодежи и их местным группам заявил, что тактика может быть только одна – «арест, разгон, суд над виновниками»¹⁴. В то же самое время он предупреждал о дифференцированном подходе к городским и сельским организациям. Репрессивным методам на селе следовало, по его мнению, предпочесть разрушение изнутри, путем проведения бесед, чтения литературы, знакомства молодежи с коммунизмом¹⁵. Процесс ликвидации некоммунистических объединений набирал обороты.

Серьезной альтернативой комсомолу стали юношеские организации меньшевиков, часть которых в конце 1920 г. оформилась в Российский социал-демократический союз рабочей молодежи (РСДСРМ). Отделы РСДСРМ существовали во многих крупных городах России, объединения молодых людей создавались на фабриках, заводах, учебных заведениях, при профсоюзах. Наиболее успешной была их деятельность в Москве. Между союзом молодых меньшевиков и комсомолом было общего ровно столько, сколько между большевистской и меньшевистской партиями. Политическое просвещение в РСДСРМ, также как и в РКСМ, стояло на первом месте, причем в агитационных материалах молодые меньшевики вели открытую полемику с комсомольцами, стараясь доказать, что большевистская диктатура не имеет ничего общего с рабочим классом и властью трудящихся. В качестве средств борьбы использовались листовки, воззвания, стенные газеты. «Демократизация государственного строя. Свобода стачек, собраний, слова, печати, неприкосновенность личности. Превращение профессиональных союзов в организации, независимые от власти и от РКП, свободно избранные всеми рабочими и выражающие лишь волю самих рабочих. Полную свободу и независимость юношеских организаций. Никаких исключительных прав комсомолу», – провозглашалось в одной из листовок социал-демократического союза молодежи¹⁶. Комсомол обвинялся в увлечении военной подготовкой, в отсутствии истинного молодежного самоуправления.

РСДСРМ выдвигал лозунг мировой революции, настойчиво говорил об общих интересах пролетариев всего мира, выступал за международное объединение всех организаций рабочей молодежи, стоящих на позиции классовой борьбы,

---

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 2. Д. 1. Л. 12-13.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ Там же. Ф. 275. Оп. 1. Д. 288. Л. 100.

использовал девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹⁷. Большим влиянием меньшевики пользовались среди студенчества, учащихся, квалифицированных рабочих и служащих. Меньшевистские юношеские организации выступали в защиту прав молодых рабочих, отстаивая соблюдение предусмотренного законом 4-х и 6-ти часового рабочего дня для несовершеннолетних. В своей агитации меньшевики использовали журнал «Социалистический вестник», издававшийся заграничной делегацией Российской социал-демократической рабочей партии сначала в Берлине, а затем в Париже, а также местные легальные и полулегальные издания: «Юный пролетарий», «Бюллетень союза молодежи» и др.

В начале 1923 г. была принята программа РСДСРМ «Наши задачи». В качестве главных ориентиров назывались: борьба за демократизацию государственного строя, укрепление независимости от советской власти и компартии, отмена «исключительных прав комсомола», равноправие союзов в молодежном движении, строгое соблюдение и дальнейшее развитие законодательства по охране труда подростков, отмена льгот комсомольцам при поступлении в учебные заведения¹⁸. Таким образом, в программе четко прослеживалась оппозиционность комсомолу. Союз позиционировал себя как организация, претендующая на защиту интересов всего молодого поколения, а не только той части, которая Коммунистическим союзом признавалась пролетарско-бедняцкой. Однако в силу объективных обстоятельств выполнить это было невозможно. По своей численности меньшевистские объединения не были значительными. В то же время, в этом было их определенное преимущество. Полулегальное и нелегальное положение способствовало консолидации юношества, действительно разделявшего главные принципы, взгляды и задачи организации. Молодые меньшевики входили в состав объединений осознанно, в отличие от комсомола, который стремился превратиться в массовую организацию и в первое время состоял из юношей и девушек, не имевших представлений о коммунистической идеологии, целях и задачах Коммунистического союза. Именно в этом заключалась одна из причин, почему в 1920 – 1921 гг. РКСМ пережил кризис роста: во многих регионах количество ячеек и их членов сократилось почти в два раза¹⁹. По справедливому замечанию А.А. Слезина, сила РСДСРМ была в том, что он был оппозиционной организацией и в отличие от комсомола не нес ответственность за существующее положение. Один и тот же

---

¹⁷ Слезин А.А. Указ. соч. (Глава «Комсомол и молодежные альтернативы ему»). URL: <http://www.tstu.ru/education/elib/pdf/2002/slezin.pdf>

¹⁸ Криворученко В.К., Цветлюк Л.С. Молодежь. Комсомол. Общество: От Октябрьской революции до Отечественной войны. М., 2012. С. 87.

¹⁹ См. подр.: Рыбаков Р.В. К проблеме популярности коммунистических идей в среде крестьянской молодежи Сибири // Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX – начала XXI вв. Якутск, 2012. С. 94-99.

призыв к ликвидации неграмотности по-разному воспринимался из уст комсомольцев и членов РСДСРМ²⁰.

В отличие от комсомола у меньшевистских групп не было четкой организационной структуры, это проявилось, в частности, и в названиях организаций, которые не имели унифицированного наименования. В ряде территорий страны они носили название «Революционный союз молодежи» – ревсомол. В Томске образовали «Студенческое социалистическое общество». Однако идея создания всероссийской организации им не была чужда. В ноябре 1925 г. бюро ЦК РСДРП утвердило Временное Центральное Организационное Бюро (ВЦОБ) РСДСРМ, которое было призвано организовать взаимодействие между существовавшими меньшевистскими молодежными организациями по всей стране. Штаб-квартирой ВЦОБ стал город Киев²¹. Но осуществить этого не удалось. Как уже было отмечено, с самого начала меньшевистские организации оказались под давлением репрессивного аппарата власти. Органы ВЧК–ГПУ бдительно следили за действием меньшевиков, проводили аресты, ликвидировали организации. 1925 г. был фактически последним годом существования меньшевистских молодежных объединений.

В 1917 – начале 1920-х гг. во многих регионах страны крестьянская и студенческая молодежь находилась под влиянием эсеровской пропаганды. В сельской местности взгляды социалистов-революционеров были традиционно популярны, поэтому эсеровские союзы здесь представляли серьезную альтернативу комсомолу. Борьба с союзами крестьянской молодежи превратилась в начале 1920-х годов в первоочередную задачу комсомола. Для этого использовались разные средства агитации и пропаганды: печать, митинги, демонстрации, сопровождавшиеся пением революционных песен, воззваниями, лозунгами. Однако были формы и открытого физического противостояния. И те, и другие срывали организуемые оппонентами кампании, устраивали драки²², что способствовало нарастанию социальной напряженности и не могло приветствоваться властью.

В начале мая 1920 г. Сиббюро ЦК РКСМ, руководствуясь указаниями Центра, направило в губернии циркуляр, в котором описывалась тактика по отношению к социалистическим союзам молодежи. В качестве главного способа борьбы назывался внутренний раскол, для этого предлагалось посылать лучших докладчиков союза и партии. Особо подчеркивалось, что важно не столько привлечение в РКСМ

---

²⁰ Слезин А.А. Указ. соч. (Глава «Комсомол и молодежные альтернативы ему»). URL: <http://www.tstu.ru/education/elib/pdf/2002/slezin.pdf>

²¹ Криворученко В.К., Цветлюк Л.С. Указ. соч. С. 86.

²² Родионов А.Л. Из истории Омской комсомольской организации (1919 – 1923 гг.). Омск, 1961. С. 15-24.

лучших членов социалистических союзов, сколько лишение их возможности вести работу среди молодежи и привлечение последней в коммунистический союз. В документе указывалось: «Если организация имеет определенно контрреволюционный характер, вызывающий необходимость ее немедленного роспуска, то нужно вопрос о роспуске обсудить с губернским бюро партии, и в зависимости от тактики РКП определить тактику РКСМ к каждой данной организации. Вообще относительно социалистических союзов молодежи имейте в виду наше предложение и сговаривайтесь с партией»²³.

Данная тактика приносила свои плоды. Например, в городе Балаганске Зиминского уезда Иркутской губернии в 1920 г. организовалась ячейка под названием «Социалистический союз молодежи». Не имея четкой политической направленности, Союз состоял в основном из учащихся. Однако местная ячейка РКП(б) в 1921 г. существование подобной организации признала вредным, и Союз был переименован в РКСМ, а из его состава были удалены все учащиеся²⁴. В качестве методов борьбы применялась даже угроза физического воздействия на организаторов подобных союзов, которыми, как правило, являлась местная интеллигенция. Так, в Тарском уезде Омской губернии председатель сельсовета за оказываемое влияние на молодежь арестовал местного учителя, пригрозив физической расправой, посадил в амбар на целую ночь²⁵.

В отличие от большевиков и меньшевиков партия социалистов-революционеров считала, что массовые объединения юношества должны быть политически нейтральными, организационно самостоятельными, автономными от партии. А участие молодежи в политической деятельности видела в форме создаваемых при партиях молодежных секциях. В этой связи партия социалистов-революционеров не видела смысла в существовании общероссийского союза, имеющего политическую программу²⁶. Однако было бы ошибкой считать, что политические вопросы играли второстепенную роль в юношеских организациях эсеровского типа. В условиях политической трансформации российской государственности остаться вне партийной борьбы было невозможно. Поэтому идеи создания именно политического союза молодежи некоторыми лидерами партии эсеров все-таки рассматривались²⁷.

---

²³ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее – ГАНИИО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 249. Л. 2-3.

²⁴ Там же. Д. 278. Л. 104.

²⁵ ГИАОО. Ф. 443. Оп. 2. Д. 39. Л. 18.

²⁶ Криворученко В.К., Цветлюк Л.С. Указ. соч. С. 64, 89.

²⁷ Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922 – 1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 267.

Во многих городах имелись союзы учащихся и студентов эсеровской направленности. Обеспокоенная распространением среди студенчества некоммунистических взглядов, еще в 1919 г. власть при участии комсомола провела акции ликвидации союзов учащейся, а в 1923 г. студенческой молодежи, резонно полагая, что только таким образом она сможет уберечь ее от влияния оппозиционных партий. Тем не менее, эсеровские объединения и кружки продолжали появляться. В начале 1922 г. возникла и до конца года существовала группа эсеровских сторонников в Томском университете, которая была связана с аналогичной группой Томского технологического института и с Томской организацией партии социалистов-революционеров. Сторонники эсеров обоих вузов вели антикоммунистическую пропаганду и агитацию, устраивали нелегальные собрания, саботировали мероприятия советской власти в вузах. Весной 1922 г. иркутские эсеры организовали кружок молодежи, издававший свой журнал²⁸.

В основе работы социалистических союзов лежало развитие образования, культурное просвещение, нравственное воспитание. Союзы эсеровской молодежи пропагандировали независимость сельского хозяйства, свободного от государственного принуждения, выступали за независимость школы и развитие учащегося самоуправления, свободу печати и кооперации. Некоторая общность взглядов меньшевистской и эсеровской молодежи приводила иногда к их объединению в единые организации. Так было, например, в Омске, где образовался союз учащейся и рабочей молодежи. Лишь вмешательство местного отдела большевистской партии, выразившееся во внедрении в союз своих сторонников, позволило его расколоть. В результате из союза вышли почти все учащиеся²⁹.

В некоторых регионах предпринимались попытки объединения социалистических союзов. В 1920 г. было создано Временное Всесибирское бюро секций социал-революционной молодежи, которое в обращении «К молодежи Дальнего Востока» призвало к объединению. В сентябре того же года было оформлено Дальневосточное бюро Всесибирского объединения молодых эсеров. Однако проведенная значительная работа по созыву первого юношеского съезда эсеров Сибири не увенчалась успехом. В результате преследования со стороны властей его работа так и не началась³⁰.

В июне 1922 г. открылся судебный процесс над партией эсеров, сопровождавшийся широкомасштабной агитационной кампанией. К 1923 г. по всей стране были фактически разгромлены эсеровские организации, вместе с ними

---

²⁸ Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск, 2008. С. 479.

²⁹ Это наша с тобой биография. С. 13.

³⁰ Криворученко В.К., Цветлюк Л.С. Указ. соч. С. 90.

исчезли и молодежные объединения. В то же время следует отметить, что эпизодически предпринимались попытки их воссоздания, как это было, например, в селе Яма Бийского уезда Алтайской губернии. В 1924 г. здесь образовался социалистический союз под руководством заведующего местной школой Королинского и делопроизводителя Серебренникова³¹. Тот факт, что в состав этого союза вошло большинство молодых людей из местной комсомольской организации, в результате чего последняя распалась, позволяет сделать вывод об активной антикоммунистической агитации. Однако существование подобных организаций было непродолжительным, арест руководителей, обвиняемых в антисоветской деятельности, приводил к их ликвидации.

В своем отчете о политической ситуации в регионе за первое полугодие 1925 г. прокурор Омской губернии отмечал: «Касаясь вопроса о существовании политических партий в губернии, приходится сказать, что таковых не имеется. Имеются лишь отдельные лица, ранее принадлежавшие к партии эсеров, меньшевиков, кадетов и анархистов, но количество их с каждым месяцем становится незначительным, и активная деятельность их абсолютно ни в чем не проявляется. Наличие этих партийцев можно считать археологической редкостью»³². Представляется, что подобное мнение отражало положение дел не только в конкретном регионе, но и по всей России. В итоге планомерного наступления партии большевиков на своих политических конкурентов анархистские, меньшевистские и эсеровские молодежные организации, лишившись поддержки, также постепенно исчезали.

В борьбе с некоммунистическими организациями комсомол использовал не только партийно-административный аппарат власти, но и разные формы устной и письменной агитации и пропаганды. В первое время основным способом завоевания молодежи были митинги, собрания, выступления на собраниях активистов, которые знакомили с целями, задачами союза, доказывали, что только комсомол способен удовлетворить запросы подрастающего поколения. Однако успех подобных кампаний напрямую зависел от подготовленности агитаторов, а их количество в начале 1920-х гг. было ограниченным. Гораздо более эффективным способом противостояния была печать. Если не было возможности наладить выпуск собственного периодического издания, то страничка молодежи открывалась в уже существующем. Например, в главном издании Сибири газете «Советская Сибирь» с 1919 г. стала регулярно помещаться «Страничка молодежи», в газете «Сельская правда» помещалась «Страничка юного пахаря», в журнале «Красный путь» – «Страничка рабоче-крестьянской молодежи». В газетах публиковались воззвания ЦК

---

³¹ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАО). Ф. П-188. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

³² ГИАОО. Ф. 443. Оп. 2. Д. 39. Л. 50.

РКСМ, а также обращения местных лидеров с критикой некоммунистических организаций, фактически лишенных возможности на нее ответить.

Несмотря на заявления некоторых лидеров РКСМ, подобных тому, что «Союз молодежи – это не союз коммунистов, сюда принимается вся трудовая молодежь»³³, он ассоциировался именно с коммунистической партией. Отношение же к коммунистам во многих регионах страны, особенно среди сельского населения, было неоднозначным, а часто просто негативным. Архивные источники убедительно доказывают нарастание крестьянского недовольства проводимой политикой большевиков в деревне. Вот лишь некоторые выдержки из писем крестьян сибирских губерний: «у красных только солдатам живется хорошо, но не крестьянам. Теперь несправедливость взяла верх... Если это еще долго будет продолжаться, то придется нам ходить голым и босым, притом еще голодать»³⁴; «вы спрашиваете, сколько у вас в деревне коммунистов, у нас не то что в деревне, а даже во всей волости ни одного нет, да и вы не вздумайте записываться, а то скорее вам голову пооторвут»³⁵. Поэтому молодежь даже в условиях коммунистической монополии не всегда готова была вступать в комсомол.

В то же время социальная активность молодежи была значительно шире политической и партийной деятельности. Рост национального самосознания, тяга к знаниям, культуре способствовали объединению в культурно-просветительские кружки, союзы, открытию клубов, изб-читален, которые к тому же не ассоциировались с коммунистической властью. Общественные молодежные организации существовали повсеместно: в городах, в сельской местности, в рабочих поселках, на предприятиях и в учебных заведениях. Выяснить точное число подобных организаций из-за фрагментарности сведений, к сожалению, не представляется возможным, однако с определенной уверенностью можно утверждать, что в начале 1920-х гг. они играли важную роль в процессе социализации молодого поколения.

Примером подобных объединений являлись пролетарско-студенческие клубы. Например, «Клуб имени К.А. Тимирязева», функционировавший в Омске с мая 1920 г. Его численность к августу составила более 200 человек. При клубе существовали драматическая, музыкальная, социально-политическая, литературно-научная, художественная и спортивная секции, а также астрономическая подсекция и секция производства. При музыкальной секции был открыт класс пианино под руководством студента В.Я. Шебалина (позже известного советского композитора и педагога), а также планировалась работа класса голоса и скрипки, издание

---

³³ Советская Сибирь (Омск). 1919. 26 декабря.

³⁴ ГАНУ. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 15. Л. 4 об.

³⁵ Там же. Л. 5.

собственного журнала. В августе 1920 г. на очередном собрании было принято решение об объединении с клубом «Землероб» при Сибирском сельскохозяйственном институте и начале совместной деятельности в учреждениях вуза: селекционной станции, опытном поле-питомнике, организованном коллективном хозяйстве и др.³⁶

Предпринимались попытки создания студенческих клубов в других городах. Однако в 1923 г. ЦК РКСМ разослал по губерниям циркуляр о работе среди учащихся и студенчестве, в котором указывалось, что никаких объединений студенчества кроме профсекций в вузах быть не должно³⁷. На заседании Сиббюро ЦК РКП(б) 16 января 1923 г. по вопросу «О союзах пролетарского студенчества» было вынесено аналогичное решение: «Признать нецелесообразным образование союзов пролетарского студенчества», что стало основанием для их роспуска в Новониколаевске, Омске, Томске, Барнауле и Иркутске³⁸. Некоторые из студенческих организаций перешли на нелегальные формы работы. Так, в отчете Иркутской губернской комсомольской организации в начале 1924 г. упоминается о существовании на медицинском и педагогическом факультетах Иркутского государственного университета конспиративных групп студенчества, тесно связанных с правой профессурой, ведущих антисоветскую пропаганду³⁹.

Центром культурно-просветительской работы среди молодежи были учреждения, создаваемые по инициативе отделов Народного образования (Наробраза). В начале 1920-х годов открывались музыкальные, художественные и театральные драматические студии, кружки и клубы. Однако подобные инициативы не нашли понимания у членов коммунистических ячеек. На планируемое открытие музыкально-театрального клуба в Новониколаевске местная городская комсомольская организация заявила: «каждая организация, а в особенности РКСМ должна стремиться к созданию своего клуба, который должен быть центром всей политической жизни»⁴⁰.

Так же, как и в отношении с юношескими объединениями политических конкурентов, и здесь комсомол вместо сотрудничества и взаимодействия пытался «вытеснить» культпросветы, брал на себя их функции, конфисковывал музыкальные инструменты и театральные атрибуты. В Павлодарском отделе Наробраза в 1920 г. работал клуб, объединявший преимущественно учащихся города. В соответствии с выработанной программой, организация ставила цели всестороннего развития и

---

³⁶ Советская Сибирь (Омск). 1920. 12 августа.

³⁷ ГАНУ. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 118. Л. 8.

³⁸ Там же. Л. 26.

³⁹ ГАНИИО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 278. Л. 16 об.

⁴⁰ ГАНУ. Ф. П-187. Л. 1. Д. 16. Л. 9.

объединения всей молодежи, включая и членов комсомола. 6 декабря 1920 г. на объединенном заседании представителей РКП, отдела Наробраза и РКСМ было принято решение о передаче клуба в распоряжение РКСМ, сопровождавшееся заявлением: «Создавать какие-то союзы учащейся молодежи, не достигающих никакой цели, совершенно бесполезно. Есть один РКСМ, в котором молодежь вся без раздела на учащуюся и не учащуюся получает как политическое, так и общее воспитание»⁴¹. В Черлакской станице Омской губернии Рабоче-крестьянский клуб, несмотря на протесты отдела Наробраза, был переименован в Рабоче-крестьянский клуб имени Карла Маркса с передачей всего имущества в пользу Коммунистического союза молодежи. Аналогичные действия произошли в отношении культпросвета местного отдела Всероссийского производственного союза рабочих водного транспорта⁴².

Опасаясь влияния на молодежь различных политических антикоммунистических группировок, комсомол пытался превратить просветительские организации в коммунистические, ликвидируя или разлагая их изнутри. Однако были явления и обратного свойства. Так, 6 августа 1920 г. Нагибинский коммунистический союз молодежи направил в Тюкалинский уездный комитет заявление от 25 человек с просьбой исключить их из союза ввиду нежелания посещать собрания союза и вступления в местный культурно-просветительный кружок⁴³.

В 1920-е гг. важным фактором общественно-политической жизни страны оставались объединения молодежи на религиозной основе. Отношения Советской власти и неортодоксальных конфессий, действовавших на территории России, развивались сложно и противоречиво. Начавшийся процесс отделения церкви от государства позволил протестантским деноминациям, таким как баптисты, евангелисты, менониты, надеяться на восстановление «религиозной справедливости». Русская православная церковь лишалась статуса господствующей, многочисленные конфессии уравнивались в правах, что создавало принципиально иные условия для их деятельности. Более того, среди большевистского руководства возник миф о «сектантах – коммунистах» как о верных сторонниках советской власти, который получил в начале 1920-х годов большое распространение⁴⁴. Все свидетельствовало о том, что для евангельской церкви настали «золотые времена». Однако на протяжении 1920-х гг. взгляды правящей элиты на евангельскую церковь

---

⁴¹ ГАНО. Ф. П-187. Л. 1. Д. 16. Л. 28 об. - 29.

⁴² ГИАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 45. Л. 19-48.

⁴³ Там же. Д. 30. Л. 5-6.

⁴⁴ Савин А.И. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) – ВКП(б) и евангельские церкви в 1922 – 1929 гг. // Государство и личность в истории России. Новосибирск, 2004. С. 83-85.

менялись. Несмотря на провозглашенную в «Декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г свободу вероисповедания, большевики продолжали планомерное наступление на церковь, в том числе и на искоренение сектантства. Среди всех сект самыми многочисленными и организованными были баптисты и евангелисты, демонстрировавшие к тому же в первой половине 1920-х гг. тенденции к объединению в единый союз.

Организация работы протестантских общин с молодежью находилась на высоком уровне и составляла реальную конкуренцию коммунистическим союзам. В 1926 г. Никольск-Уссурийский уездный комитет отмечал в протоколах пленума: «При общинах баптистов существуют специальные кружки молодежи, которые ставят перед собой задачу содействия умственному развитию молодых людей путем научных вечеров, научных экскурсий и др., содействие физическому развитию и охранению здоровья молодежи путем гимнастики и полезных игр (футбол, волейбол и т.д.)»⁴⁵.

В целях вовлечения молодежи в секты применялись самые разнообразные приемы и методы. Но все они сводились к тому, чтобы увлечь юношей и девушек интересной работой и воспитать в них религиозное мировоззрение. В молитвенных домах и клубах ставились спектакли на религиозные темы, проводились праздники хоров, устраивались выступления оркестров, литературно-музыкальные концерты, игры. В конце мероприятий община устраивала ужин или чаепитие, дарила подарки. На собраниях были случаи установки радиоприемников. Для девушек организовывались кружки рукоделия. Руководители союза рекомендовали создавать при общинах библиотеки с набором не только богословской литературы, но и книг по естественным и гуманитарным наукам. Исполненные решимости противостоять наступающей атеистической идеологии, молодые люди проявляли изрядную изобретательность. Юношеские объединения делились на группы с разнообразной специализацией: увещательные, больничные, пригласительные, литературные, хозяйственные. Верующие шли в пивные, отыскивали падших женщин, уговаривая их оставить порочный образ жизни, кормили голодных бродяг, распространяли в изобилии христианскую литературу. В то же время существовал серьезный запрет на посещение светских театров, клубов, изб-читален. При приеме в члены юношеских кружков молодыми людьми давались торжественные обещания в письменной форме, в которых они клялись не пить водку, не курить табак.

Духовное воспитание осуществлялось при помощи печати. Для этого издавались журналы «Молодой виноградник», «Друг молодежи», а также страничка молодежи в журнале «Баптист». Местные общины часто распространяли листовки,

---

⁴⁵ Федирко О.П. Религиозное просвещение общин ЕХБ на Дальнем Востоке в 20-е годы XX в. URL: <http://www.rusoir.ru/2011.php?action=view&id=657>

небольшие брошюры и другие издания. Иногда их издание было реакцией на действия антирелигиозников. В 1924 г. в Тигиле (Камчатка) в противовес комсомольской газете, в которой помещался антирелигиозный материал, верующими выпускалась нелегальная газета, которая расклеивалась по столбам и всячески старалась скомпрометировать комсомольцев⁴⁶.

Протестантскими конфессиями большая роль отводилась образованию молодежи. С этой целью предпринимались попытки создать многоуровневую сеть религиозных учебных заведений, охватывавших как начальный, так и профессиональный уровень подготовки. По сведениям О.П. Федирко, только в общинах Дальнего Востока в июле 1922 г. функционировало 38 воскресных школ с 1 770 учениками⁴⁷.

Во взаимоотношениях власти и евангельских христиан ключевую роль играл вопрос о службе в армии. 4 января 1919 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР издал декрет, освобождавший от службы в Красной Армии лиц, считавших невозможным ее осуществление по религиозным соображениям. Данной льготой поспешили воспользоваться представители протестантских деноминаций, что делало их организации еще более популярными среди молодежи.

Всплеск молодежной духовно-просветительской работы приносил свои плоды. Наблюдался довольно заметный рост юношеских религиозных групп, кружков и объединений по всей стране. Так, в декабре 1920 г. в Омске прошел Сибирский съезд кружков христианской молодежи евангелистов-баптистов, собравший 60 делегатов от 30 районов. В мае 1921 г. в Твери состоялся Всероссийский съезд протестантской молодежи, на который приехали делегаты из Крыма, Сибири, Поволжья с Кавказа, европейской части России. Однако его работа была сорвана сотрудниками ВЧК, увидевшими в съезде контрреволюционную акцию. Часть участников подверглась аресту и принудительным работам на срок до трех месяцев⁴⁸.

Представители российского баптизма выступали за организацию Всемирного союза баптистской молодежи. Инициатива увенчалась успехом в 1923 г. в Стокгольме во время Всемирного конгресса баптистов было объявлено об организации Всемирного баптистского союза.

Что касается численной характеристики юношеских религиозных организаций, то, выступая на VIII съезде ВЛКСМ, Н.И. Бухарин заявил по этом поводу: «Мы полагаем, что комсомол – единственная организация молодежи в нашей стране. Существует, однако, целый ряд сектантских организаций, которые объединяют в

---

⁴⁶ Федирко О.П. Указ. соч. URL: <http://www.rusoir.ru/2011.php?action=view&id=657>

⁴⁷ Там же

⁴⁸ Попов В. Бапсомол шагает впереди. URL: <http://www.imolod.ru/storage/5/element5478>

своих рядах примерно столько же, сколько комсомол»⁴⁹. Данные о количестве религиозных организаций прослеживаются в статистике местных отделов ВЧК–ГПУ и комсомола. В соответствии с данными Сиббюро ЦК РКСМ в январе 1923 г. по Сибири насчитывалось 311 общин баптистов и 53 кружка молодежи, с общим количеством членов 1 153 чел.⁵⁰, распространенных преимущественно в сельской местности. По замечанию Сиббюро ЦК РКСМ, это число составляло около половины членов комсомольского союза в губернии⁵¹. В Мелитопольском районе Запорожской области Украины к середине 1920-х годов баптистский союз охватил 90% всей молодежи. В Самарской губернии 50% молодежи оказалось в рядах баптистов⁵².

Бюро ЦК РКСМ еще в 1922 г. рассылало в местные комитеты и органы власти специальные директивы для принятия мер по ограничению деятельности религиозных организаций. ЦК РКСМ настаивал на обязательной регистрации христианских кружков в органах ОГПУ, на недопущении укрупнения объединений верующих, на запрете молодежи до 18 лет вступать в религиозные общины, на существенном повышении арендной платы за помещения, где верующие проводят свои собрания, на запрещении денежных сборов и проведения платных духовных концертов. Отказ баптистов от службы в Красной Армии по религиозным убеждениям также был весомым доводом в пользу проведения репрессий против них. Однако принимаемые меры, как было установлено специально организованной Антирелигиозной комиссией, не принесли желаемых результатов. Численность сект и молодежных кружков продолжала увеличиваться, а переход на нелегальную деятельность только усложнял процесс контроля. Все это заставило изменить тактику власти по упразднению сект. Одним из направлений борьбы с сектантством стала операция по внедрению в кружки баптистов членов РКСМ, в задачу которых входил сбор информации о кружках и их «взрыв изнутри»⁵³. Тем не менее, даже такие формы борьбы не привели к исчезновению религиозных молодежных объединений, продолжавших свою деятельность на протяжении 1920-х гг.

Таким образом, молодежное движение в 1917 – первой половине 1920-х гг. было представлено широким спектром некоммунистических политических и общественных объединений. Серьезной альтернативой Коммунистическому союзу стали организации противников большевиков: меньшевиков, эсеров и анархистов. Степень их политической активности была различной. Если социал-демократический союз рабочей молодежи политическое просвещение и борьбу с большевизмом

---

⁴⁹ Бухарин Н.И. Путь к социализму. Новосибирск, 1990. С. 302.

⁵⁰ ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 372. Л. 135.

⁵¹ Там же. Д. 306. Л. 4-6.

⁵² Попов В. Указ. соч. URL: <http://www.imolod.ru/storage/5/element5478>

⁵³ Советская власть и евангельские церкви Сибири в 1920 – 1941 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 2004, С. 24.

ставил в качестве приоритетной задачи, то объединения молодых эсеров и анархистов таковой считали духовное, культурное, образовательное развитие юношества.

Однако в условиях социалистической трансформации российского государства полностью отказаться от политической борьбы было невозможно. Комсомол, стремившийся стать единственной организацией, имеющей законное право представлять и организовывать молодежь, не мог принять потенциальных конкурентов. В течение первой половины 1920-х гг. им был подготовлен целый комплекс мероприятий, направленных на упразднение альтернативных объединений. Главным инструментом в этой борьбе стал партийно-административный ресурс. Лишенные материальной, идеологической основы и собственно законного права на существование к середине 1920-х гг. молодежные организации меньшевиков, эсеров и анархистов фактически прекратили свою деятельность.

Молодежь консолидировалась в различные объединения, существовавшие в рамках культурно-просветительских кружков и клубов, в системе религиозного мировоззрения. Деятельность организаций в целом отвечала интересам юношей и девушек, объединяемых независимо от их классовой принадлежности, и была направлена на активное участие подрастающего поколения в жизни общества на удовлетворение культурных, образовательных запросов. Однако установившийся идеологический режим диктовал свои условия. Политическая конъюнктура сделала невозможным легальное участие и этих объединений в социализации молодого человека, многие из них прекратили свое самостоятельное существование, вынуждены были влиться в состав РКСМ или были распущены.

Достаточно противоречиво развивались религиозные организации. Несмотря на введение ряда запретов и ограничений количество молодежи в них оставалось высоким, а в некоторых регионах они по численности были равны или даже превосходили комсомольские ячейки. Причины этого заключались в хорошо поставленной организационной работе, в наличии материальных условий, восприимчивости религиозного мировоззрения и некотором антагонизме коммунистической идеологии. Несмотря на все попытки ликвидации и разложения сектантских организаций, они продолжали привлекать молодежь и существовали на протяжении 1920-х гг.

Быкова Светлана Ивановна

канд. ист. наук

Уральский федеральный университет

**«ВОТ ЕСЛИ БЫ ВЫ, ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ, СЕЙЧАС УПАЛИ И РАЗБИЛИСЬ...»:
ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ К СТАЛИНУ**

До настоящего времени в сознании россиян сохранился миф об исключительно позитивной роли И.В. Сталина в истории государства; миф, который сформировался в 1930-е гг., когда все значительные события и достижения увязывались с именем Сталина: «сталинские пятилетки», «сталинская конституция», «сталинские орлы»... Преклонение перед «гениальностью и мудростью» этого политического деятеля и лидера коммунистической партии являлось основой содержания писем, приветствий, телеграмм, рапортов. Многие люди считали, что эпоха, в которой они жили, может называться «сталинской», ибо «благодаря воле, непреклонности и заботе Великого Сталина» советский народ достиг благополучия, а государство стало процветающим. В постперестроечные годы была создана, по определению М. Вайскопфа, библиотека «сентиментального неосталинизма», авторы которой настойчиво реанимируют идеологемы 1930-х гг.¹ На наличие ностальгически-патриотических настроений в отношении эпохи Сталина не только у значительной части населения, но и среди профессиональных историков, обращают внимание также Дж. Кип и А. Литвин².

С другой стороны, в обществе и среди исследователей распространена и диаметрально противоположная точка зрения: Сталин являлся инициатором всех трагедий советской истории – уничтожения крестьянства, массовых политических репрессий, катастрофического отступления Красной Армии в 1941 г., насильственной депортации народов... Но и здесь присутствует магия имени

---

¹ Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 1996. С. 161.

² Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. М., 2009. С. 5, 6, 10.

Сталина, используются идеологические клише «сталинская модернизация», «сталинский террор»... Такой подход, по мнению Роберты Маннинг, позволяет возложить всю ответственность за негативный опыт прошлого на одного человека: «Законы, учреждения, население в целом и отдельные политические лидеры, как местного, так и центрального уровней, обычно отбрасываются как пассивные инструменты или жертвы в руках всемогущего Сталина». Это удобное и всеохватывающее объяснение, в результате которого остаются неизученными многие важные аспекты социальной жизни и управления в 1930-е гг., Р. Маннинг назвала «научным культом Сталина»³.

В последние годы появились интересные исследования, авторы которых акцентируют внимание на различных аспектах истории сталинизма. Одним из актуальных направлений является изучение механизмов формирования мифа о «великом вожде». К. Богданов, анализируя официальный фольклор, показал, как создавались легенды о «неусыпной власти», о простоте и мудрости Сталина, его ораторском таланте⁴. С. Московичи, который сделал акцент на психологических аспектах проблемы, удалось раскрыть феномен «режиссирования» Сталиным «ауры всемогущества [своей] личности и непогрешимости действий»⁵. В. Глебкин изучил ритуалы, благодаря которым формировался культ личности⁶. Новый ракурс взаимоотношений Сталина, советских художников и народа представлен в монографии Яна Плампера, рассмотревшего процесс производства визуальных репрезентаций И.В. Сталина – портретов, фотографий, рисунков в газетах⁷.

Однако, авторы всех этих работ анализируют различные ракурсы существовавшего «официального курса». Тогда как историки, предметом исследования которых являются темы государственного террора и репрессий, подметили наличие в советском обществе данного периода не только просталинских, но и антисталинских настроений. Хотя ситуация при этом нередко упрощается. В частности, Д. Рейфилд утверждает, что с 1932 г. «хула» в адрес правителей «слышалась только в частушках рабынь-колхозниц или зэков»⁸. Й. Баберовски объясняет это тем, что подобное «творчество» было крайне опасно: «Рабочие, исполнявшие оскорбительные для памяти Кирова частушки и желавшие смерти Сталину, отправлялись в вагонах в Сибирь. Шутливые высказывания о

---

³ Маннинг Р. Бельский район, 1937 год. Смоленск, 1998. С. 6.

⁴ Богданов К. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009. С. 58-63, 114-115, 184-185, 212-213.

⁵ Московичи С. Век толп. М., 1998. С. 401-443.

⁶ Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 111-117.

⁷ Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.

⁸ Рейфилд Д. Сталин и его подручные. М., 2008. С. 255.

политических вождях, как и конфликт со стахановцами, могли стать причиной ареста»⁹.

Авторы «повествования в документах» под руководством А.К. Соколова использовали метод цитирования писем советских людей, отражающих отношение современников к политическим деятелям и мероприятиям власти, начиная с момента «социалистического наступления» в 1929 г. В результате было выявлено наличие повторяющихся сюжетов в содержании документов, что свидетельствует о совпадении взглядов проживавших в разных регионах страны на происходившие события (на систему снабжения, на коллективизацию, на обсуждение Конституции и др.)¹⁰. Американская исследовательница Ш. Фицпатрик обратила внимание на циркулировавшие в обществе слухи, отметила их «крамольный характер» как свидетельство критического отношения к вождю и его курсу¹¹.

Особый ракурс рассмотрения проблемы представлен в исследовании А. Ватлина и М. Мельниченко, которые сосредоточили внимание на отношениях партийных и советских лидеров между собой, выразившихся через карикатуры, нарисованные на заседаниях Политбюро, пленумах ЦК и партийных съездах. Иногда рисование превращалось в коллективную игру – «первый набросок или шарж обрастал все новыми деталями и комментариями», становился дополнительным аргументом в политических спорах. Кроме того, «каждый из рисунков является искренней и спонтанной реакцией автора на то или иное событие... здесь гораздо меньше фальши и подострастия, активно утверждавшихся в поведении советской политической элиты». Авторы отмечают и наличие синего сталинского карандаша – вождь сам принимал участие в рисовании «веселых картинок». Однако из 181 опубликованных шаржей лишь на шести – изображение Сталина. Можно предположить, что авторы рисунков понимали серьезность последствий, если их творение не понравится вождю¹².

Тему анекдотов о Сталине тщательно изучили А. Архипова и М. Мельниченко. Собрав достаточно большой архив анекдотов, они сгруппировали их по проблемам: «Сталин и Ленин»; «Сталин на вершине власти»; «Народ ненавидит Сталина»; «Сталин сказал "Жить стало лучше", но не сказал кому»; «Сталин и террор». Ценным в данном исследовании является то, что авторы показали, как варьировались тексты анекдотов в разные годы. Кроме того, им удалось выявить отличие сюжетного фонда

---

⁹; Баберовски Й. Красный террор: История сталинизма. М., 2007. С. 175.

¹⁰ Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998.

¹¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 321-330; Ее же. Повседневный сталинизм. Социальная история в 30-е годы: город. М., 2008. С. 219-226.

¹² Ватлин А.Ю., Малашенко Л.Н. История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей. М., 2007. С. 3, 17-18, 88-90.

анекдотов, родившихся в образованной среде и партийных кругах (в том числе, в окружении Сталина), от свода анекдотов, зафиксированных в дневниках, письмах, доносах, сводках НКВД. Этот «другой фольклор» создавался рабочими и крестьянами, пытавшимися «обрабатывать» огромное количество политической информации и жизненные трудности с помощью традиционных фольклорных форм. Именно так, по мнению авторов, «все слои населения конструируют свой собственный антиобраз правителя»¹³.

Однако исследование образа вождя в представлениях простых советских людей все еще далеко от завершения. В частности, практически не изучалось именно негативное отношение к личности и политике И.В. Сталина, распространенное в «низах» советского общества, что и определило тему настоящей статьи.

Хорошо известно, что советские газеты, официальные документы, пропагандистские материалы создавали образ Сталина как ученика Ленина, мудрого руководителя и заботливого правителя. Однако многие современники осуждали жестокость вождя, его безразличие к судьбам людей, бессмысленность мероприятий, проводимых под его руководством. Об этих чертах, характерных для Сталина, писали в открытых заявлениях и анонимных посланиях, рассказывали анекдоты. Тем не менее, даже в первой половине 1930-х гг. идея о преемственности власти трактовалась людьми далеко не однозначно. Некоторые, например, как авторы частушки, имевшей множество вариантов, принципиально не изменявших ее содержание, оценивали деятельность обоих руководителей только отрицательно:

Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
«Крошки хлеба не давай,
Картошки не показывай!»¹⁴

Более распространенным было мнение, что Сталин предал идеалы Октябрьской революции, провел ревизию марксизма и ленинизма. Подобные оценки содержатся в анонимных письмах и листовках, изъятых ОГПУ и НКВД на уральских заводах¹⁵. Беспартийные рабочие Алапаевского завода, обращаясь в 1930 г. в ЦК ВКП(б), писали: «Ленин хотел через 50 лет построить социализм, а вы хотите в пять лет. Жив

---

¹³ Архипова А., Мельниченко М. Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М., 2011. С. 27-28.

¹⁴ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 153. Л. 109.

¹⁵ Центр документаций общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОО СО). Ф. 4. Оп. 8. Д. 103. Л. 83, 86; Оп. 9. Д. 217. Л. 35-36; Ф. 6. Оп. 1. Д. 1893а. Л. 128, 129; Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 7. Д. 61. Л. 9-10, 95.

бы был Ленин, так неужели у нас бы опять повторился 20-й год. Он бы все обдумал и до этого нас не довел, а вы лезете к социализму напролом...»¹⁶ Священник Киселев, житель Перми, комментируя газетные статьи о раскрытой в Москве антипартийной группировке М. Рютина, говорил: «Оппозиция правильно проектирует восстановить крестьянство и распустить колхозы. Ленин не позволил бы разорить крестьян, как разорил бывший семинарист Сталин»¹⁷.

Рабочие Лысьвенского завода, обращаясь к Сталину в 1933 г., писали о неразрешимых проблемах, с которыми они сталкиваются: «...Дальше терпеть мы не можем, нужна Ваша защита или указание. Мы голодаем и во всем терпим нужду, нашего заработка хватает только дней на 10 при такой дороговизне на все... Дальше так жить невозможно, голодать целыми годами. Вот уже прошло 16 лет после революции, а положение наше не улучшается, с каждым годом все хуже и хуже. Сахару вот уже около года не видим». Рабочие указывали на несправедливость в оплате труда, осуждали наличие закрытых распределителей для чиновников, сообщали о бедствиях крестьян. Одной из самых важных проблем рабочие назвали информационную ложь: «Еще просим обратить внимание Вас, тов. Сталин, чтобы не замазывали нам глаза печать и радио»¹⁸. Во время обсуждения отмены продовольственных карточек, один из рабочих завода № 19 (г. Пермь), вопреки официальным заявлениям, назвал истинную причину данного мероприятия власти: «Я думаю, что у государства на 1935 год не хватит хлеба по рабочему снабжению. Надо из положения выходить, вот Молотов со Сталиным и выдумали отменить продовольственные карточки»¹⁹.

Весьма показателен случай, произошедший в детском санатории Свердловской области: парторг во время обхода квартир с целью проверки подготовки к 1 мая 1934 г. обнаружила в квартире преподавателя В.К. Зырянова рисунок с изображением Сталина, сидящего за столом в раздумье, правой рукой держит кружку, на столе стоит бутылка с вином и на тарелке лежит сухая, одни кости, селедка. На допросе Зырянов признал свое творение антисоветским. В обвинительном заключении указывалось, что портрет нарисован «с контрреволюционным смыслом». Кроме того, в докладной отмечалось, что дети высказывались «Сталин переделал Ленина»²⁰. За дискредитацию вождя в глазах учеников и учителей Зырянов был приговорен к пяти годам лишения свободы.

---

¹⁶ Урал. XX век. Екатеринбург, 1997. С. 285.

¹⁷ Политические репрессии в Прикамье, 1918 – 1990-е гг. Сборник документов и материалов. Пермь, 2004. С. 183.

¹⁸ Там же. С. 187-188.

¹⁹ Там же. С. 196.

²⁰ Государственный архив административных органов Свердловской области (далее – ГАОО СО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 9849. Л. 6, 10, 44.

Во второй половине 1930-х гг. произвол власти и трудности жизни воспринимались многими людьми как свидетельство забвения Сталиным заветов В.И. Ленина, который, по их мнению, искренне заботился о народе. Идеализируя первого руководителя советского государства, они критиковали мероприятия ЦК ВКП(б), отказывались признать Сталина вождем. По стране «ходил» и был зафиксирован во многих оперативных сводках анекдот: «Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин ходит в сапогах? Ленин вел дело с обходом трудностей и болота, а Сталин ходит в сапогах и ведет народ прямо – без всяких обходов»²¹. В докладной записке секретарю ЦК ВЛКСМ А. Косареву (1935 г.) отмечалось, что в школах Омской области ученики дискредитируют вождей: «Ленин любил ходить в ботинках, а Сталин предпочитает сапоги. Что бы это значило?» Правильным ответом у сообразительных школьников считалось: «Это означает, что Ленин вел нас по сухому, чистому пути, а Сталин все больше по болоту»²².

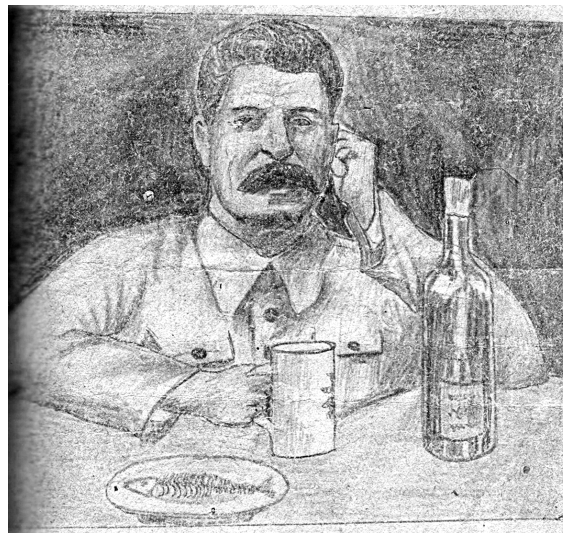

Рисунок В.К. Зырянова

Настроения многих крестьян выразила в своем письме К.Ф. Шостакова из колхоза «Урал»: «Я часто вспоминаю Ленина – какой он добрый был для нас, крестьян. В те годы были сыты все, не было голодных. Рано помер Ленин. Теперь нам, бедным вдовам, хуже того порядка, что был до революции»²³. В 1935 г. были арестованы молодые колхозники артели «Новый путь» (Пермский округ) за частушки, которые они исполняли публично:

Когда был царь, Николашка,
То давали мяса по ляжке,
Стал Ленин, стали давать помене,
А когда стал Сталин,
То совсем давать перестали²⁴.

Молодой колхозник Якушев из Чердынского района в письме к Сталину (17 ноября 1936 г.) откровенно признавался: «Колхозники ругают Советскую власть,

²¹ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 53.

²² Общество и власть. С. 310-311.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 81.

²⁴ Политические репрессии в Прикамье. С. 125.

а также и Вас... Я не знал, что есть такие мнения, но когда стал работать вместе с колхозниками, узнал. Я думаю, что Вы, дорогой вождь нашей партии, устройте положение колхозников»²⁵.

В представлениях многих советских людей существовал миф об отсутствии у Сталина информации о реальном положении дел в разных городах и селениях, нашедший отражение в письмах и других документах. Так, студент горно-металлургического техникума М. Коряков (г. Нижний Тагил) обратился в ЦК ВКП(б) в 1934 г. с искренним желанием рассказать правду: «Т[ов]. Сталин, я решил написать это письмо, чтобы Вы ясными глазами увидели суть дела. Я буду говорить только о Свердловской области...» Автор письма рассказал о голодающих крестьянах, которых он увидел, когда был в пионерском лагере Тагильского района, об овсяном с мякиной хлебе: «После того, как Вы съедите этот хлеб, в горле у Вас начинает колоть, как шипами, и в зубах остается мякина». Студент-комсомолец, обращаясь к Сталину в надежде вызвать его сочувствие и понимание, перечислил проблемы рабочих: «Вы не стояли зимой в очередях днями с 4 часов для того, чтобы купить килограмма 3 хлеба по 2 рублю (почти всю зарплату дня)... В почете – даже у партработников – взятка... Всюду, где требовалось похлопотать нужны были двадцатки, пятидесятки, сотни». М. Коряков уверенно утверждает: «Вы не слышали, что говорят рабочие пролетарии, у которых руки не сгибаются для того, чтобы взять карандаш! Вы не знаете, как живет рабочий (простой рабочий) Тагила... Т[ов]. Сталин! В газетах почти ничего не пишется о нуждах рабочего»²⁶. За это письмо, названное «ложным», М. Коряков был исключен из комсомола и отчислен из техникума.

Высказывали уральцы и жители других регионов страны претензии по поводу незаинтересованности Сталина в получении сведений о жизни народа. В частности, рабочий Костров в своем письме обвинил советского лидера в том, что он не выезжает из Кремля: «У нас в РСФСР есть такие укромные места, куда ты отроду не бывал...»²⁷ Интересная интерпретация мифа об информационном барьере представлена в легенде «Христос у Сталина», несколько экземпляров которой были изъяты при обыске в квартире П.М. Башкирцева, жителя г. Новая Ляля Свердловской области. Автор этой легенды устами Христа, преодолевшего множество препятствий и попавшего на прием к Сталину, рассказал о случаях произвола при раскулачивании, о злоупотреблениях в период коллективизации, о бесчеловечности активистов и чиновников, обрекающих на голод и смерть беззащитных людей (вдов, сирот, инвалидов). Христос, заметив, что «много еще можно таких фактов привести»,

---

²⁵ Политические репрессии в Прикамье. С. 127-128.

²⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 98. Л. 8-10.

²⁷ Урал. XX век. С. 287.

убеждал вождя: «Не надо, товарищ Сталин, огораживать себя кремлевскими стенами и отделяться от живой массы... Надо знать и видеть, как страдает народ, и прийти на помощь»²⁸.

Однако большинство современников не имели никаких иллюзий и давали отрицательную характеристику реальности, используя такие названия, как «сталинская эпоха», «сталинский социализм», «сталинская власть» исключительно с негативным оттенком. Еще во второй половине 1920-х гг. сторонники Л.Д.Троцкого на Урале сравнивали «сталинскую демократию» с самодержавием. А. Белобородов, выступая 16 ноября 1927 г. на собрании в Верхнем Уфалее, говорил: «"Сталинскую демократию" в настоящее время можно свести к следующему, что он воображает себя "князем" Советской Республики. Призывает к себе Шверника и, давая Уральскую область, говорит: "...Правь ею, слушайся меня, а если не будешь выполнять директиву, я выгоню тебя"... И так сверху донизу составляется актив, который получает от Сталина "булку, помазанную сталинским маслом". Все ослушники, которые осмеливаются не выполнять директивы Сталина, полетят из партии, если дальше будут продолжать, то и с производства»²⁹.

Автор одной из листовок обратил внимание на все «успехи», связанные с деятельностью Сталина: «Пора трезво взглянуть самим на созданную жизнь. На жизнь, которую называют сталинской эпохой. Довольно легкомысленно и механически... верить. Теперь уже не только взрослые, но и дети, и молодежь, и старые люди испытали и испытывают, ощущают эту проклятую, мучительную, подлую, полную обмана, подкупа, взяточничества, семейственности сталинскую жизнь»³⁰. Авторы других воззваний и листовок называли такие черты «социализма по-сталински», как закабаление и бесправие народа, очереди за самыми необходимыми продуктами, сохраняющиеся в течение десятилетий советской власти, произвольные аресты, несправедливость судов, привилегии управленцев.

И.В. Сталин и Е.М. Ярославский
Рис. неизвестного автора. 1927 г.

На рисунке надпись автора:

Волею зажимной всепартийный городской Сталин... и его ищейка «Ярославка»

²⁸ ГАО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17285. Л. 87-100.

²⁹ 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 242-243.

³⁰ ГАО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 38518. Л. 53, 84.

Автор анонимной открытки, призывая от имени трудящихся Свердловска и всей Свердловской области граждан страны «выступить против Сталина и его заговорщической банды», осуждает не только «чрезвычайный гнет, обнищание и одичание» народа, но и многочисленную «сталинскую агентуру (работники на местах)», которые «слепо повторяют лживые фразы сталинской банды», «игнорируют жизнь трудового народа». Автор утверждает: «Сталинская банда, как огня, боится трудящихся. Она... окружила себя чекистами – "сталинской охраной". Ни один из сталинской банды не может появиться без охраны к своему трудовому народу»³¹.

Удивительно глубокое понимание исторической трагедии страны представлено в листовке «Великий русский народ». Ее автор, молодой рабочий из г. Нижнего Тагила Г.В. Андрющенко, выразил свою боль такими словами: «Измученные – угнетенные – забитые рабы тирана – Нового Монарха... Вас обманули, вас вызывали на великое народное дело... Вас обманули, завязали вам глаза... Вами строят новые тюрьмы и вами их заполняют. У вас отобрали все права и средства. Вы стали темные, жалкие жертвы революции, которую сами сотворили»³².

Протесты-обличения не только попадали в архивы ведомств, но и на улицы – в виде листовок. В Москве осенью 1938 г. распространялись несколько таких посланий. В них содержались обвинения в искажении социализма руководителями Политбюро ЦК, в страданиях многих людей: «...Перед вами – реки крови и моря слез». Авторы утверждали, что в стране «власть не советская, а тех большевиков, которые подхалимствуют и раболепствуют перед Сталиным... негодяи без чести и без совести». Осуждая власть, которая «истребила и продолжает истреблять многих честных сторонников советской власти, социализма и коммунизма», авторы призывали: «Сталин и сталинцы должны быть уничтожены»³³.

Массовые репрессии, свидетелями и жертвами которых стали сотни тысяч людей, вызывали непонимание современников. Однако некоторые из них считали единственным виновником Сталина. В лагерном фольклоре и лексиконе обычных людей были распространены выражения «сталинский курорт/санаторий», «сталинская дача», означавшие тюрьму и исправительно-трудовой лагерь; под выражениями «быть у Хозяина», «в гостях у Хозяина» понимали лишение свободы, заключение³⁴. Варлам Шаламов, находясь в лагере, ощущал, как и другие, полную безысходность своего положения. Однако, считая главным виновником своей трагедии Сталина, многие видели надежду в его смерти: «Важно остаться в живых. Важно пережить Сталина. В этом была логика. И сотни тысяч "подписавших",

---

³¹ ГАОО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 38518. Л. 53, 84.

³² Там же. Д. 32329. Л. 118.

³³ Хлевнюк О.В. С. 245-246.

³⁴ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 146, 583, 641.

обреченных на бесчисленные страдания, душевные и физические, умиравших от голода, холода и побоев, в этой единственной надежде находили силу ждать и терпеть...»³⁵

Документы свидетельствуют, что известия о смерти известных людей удивляли и огорчали многих современников, но они лишь констатировали такие факты. Так, например, М.Е. Надеина, жительница г. Каменск-Уральского, сожалея о гибели В. Чкалова и вспомнив другие случаи, заметила: «Да, что же это такое: что ни лучший человек, тот и умирает»³⁶. В дневниковых записках В. Ефимова, сначала студента Уральского индустриального института, после получения диплома – инженера Среднеуральской ГРЭС не встречается имени Сталина, что свидетельствует либо о самоцензуре, либо о сдержанном отношении к этой личности, так как о других лидерах советского государства он высказывает свое мнение. Например, известие о смерти С. Орджоникидзе было воспринято автором дневника очень эмоционально: «...Печальная весть меня поразила. Из всех наркомов он был безусловно самый талантливый и хорошо знал людей... И вот его нет. Неужели ничего нельзя было предпринять для избежания такого конца? Это результат громадной работы. Жаль, бесконечно жаль Серго! Я сегодня очень расстроился и не могу ничего делать. Прощай, Серго!» Наблюдая за процессом троцкистско-зиновьевской группы, В. Ефимов сделал такой вывод: «Действительно, что-то ужасное. Однако тут много непонятого и нужно знать внутренние причины кремлевского механизма, чтобы оценить положение». Ему кажется удивительным обвинение, предъявленное Н. Бухарину: «...Он не мог идти на такое дело... Он представляется очень порядочным, честным...» Размышляя о причинах привлечения этого политического лидера к суду, В. Ефимов высказал предположение о возможном влиянии характеристики, данной В.И. Лениным. Это замечание свидетельствует о знакомстве автора дневника с ленинским «Письмом к съезду», являвшимся запрещенным в 1930-е гг.³⁷

Другие же утверждали, что все эти события связаны с личными интересами Сталина и его ближайших соратников – с их желанием ликвидировать политических противников и соперников. Именно так оценили убийство С.М. Кирова инженер Уральского завода тяжелого машиностроения В.И. Игнатов, машинист железнодорожного отдела Челябинского тракторного завода Л.А. Кожевников и другие. Мнение многих о том, что процесс «Объединенного центра» организован Сталиным для того, чтобы «убрать Г. Зиновьева», высказал электрик Тавдинского лесокombината П.И. Чирков. Желание Сталина избавиться от таких соперников как Н. Бухарин и А. Рыков, многие считали очевидной причиной для проведения нового

---

³⁵ Шаламов В. Вишера. Челябинск, 1990. С. 60.

³⁶ ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 74. Л. 217.

³⁷ ГАОО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20790. Т. 2. Конверт.

судебного процесса. В частности, медсестра О.И. Вольская (г. Нижняя Салда) заметила по этому поводу: «Два медведя в одной берлоге не живут»³⁸.

Более того, репрессии против известных политических деятелей актуализировали архаические представления о народных «заступниках». В агентурных донесениях и сводках НКВД на Урале отмечались разговоры о том, что Л. Троцкий, Н. Бухарин, М. Тухачевский и иные преследуемые Сталиным руководители боролись за интересы рабочего класса, хотели улучшить жизнь трудящихся³⁹. Такие представления были распространены и в других регионах Советского Союза. Студент Новочеркасского индустриального института высказывал среди партийцев свое мнение: «Зиновьев человек хороший, он действительно шел за массы». Житель Горьковской области С.И. Лапшин открыто заявил на собрании: «Люди, которых расстреливают в Москве, это – наши люди... за нас и погибли»⁴⁰. Сочувствуя жертвам Сталина, некоторые выражали надежду: «Все равно всех не пересадят – этих расстреляют, другие на их месте будут за правду стоять...»⁴¹

Эмоциональное осуждение антинародной политики Сталина с особой экспрессией выражалось в анекдотах, сочинение и пересказ которых, квалифицируемые как антисоветская пропаганда и дискредитация лидера партии, наказывались очень жестоко – вплоть до расстрела. Не имея возможности протестовать открыто, люди выражали в анекдотах свои надежды на смерть вождя. В частности, в одном из анекдотов рассказывалось о том, как «однажды Сталин купался, поднялась буря и он стал тонуть. В это время по берегу шли колхозники. Один бросился спасать тонущего человека. Благодарный Сталин заговорил о награде, но колхозник просил не делать этого и даже никому не говорить: "Если кто-то узнает об этом, меня убьют"»⁴².

Сюжет другого анекдота – беседа Сталина, прогуливавшегося по Кремлевской стене, со случайным прохожим на тему «Что можно считать несчастьем, а что – несчастным случаем». На этот вопрос вождя собеседник ответил: «Вот если бы Вы, Иосиф Виссарионович, теперь упали и разбились – это был бы несчастный случай; а если Вы упадете и не разобьетесь – это будет несчастье»⁴³. Поводом для открытых высказываний о желании смерти вождю являлись известия о смерти или гибели других политических деятелей. Особенно много таких свидетельств в документах

³⁸ ГАОО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 36399. Л. 9; Д. 22750. Л. 13; Д. 20880. Л. 45; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 61. Л. 9, 96, 102.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 61. Л. 99; ГАОО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20879. Л. 25.

⁴⁰ Общество и власть. С. 102; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2128. Л. 35.

⁴¹ ГАОО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 36399. Л. 8 об.

⁴² Там же. Д. 16991. Л. 18.

⁴³ Там же. Д. 20880. Л. 96.

спецслужб сохранилось в связи с убийством С.М. Кирова. Согласно данным спецсводки секретно-политического отдела Пермского сектора НКВД работница больницы завода им. Орджоникидзе С.Л. Куницына говорила: «Жаль, что убили не Сталина»⁴⁴.

Некоторые современники, отмечая противоречие между официальным и частным поведением людей, объясняли данный парадокс жестокостью власти Сталина. В частности, именно на этой характеристике политической системы акцентировал внимание житель Ленинграда в письме своему другу коммунисту (26 марта 1935 г.): «...Получается как-то удивительно странно: на поверхности – митинги, манифестации, [выражение] поддержки [политики правительства], а внутри своих квартир и в гостях у своих хороших знакомых – критика. Такова чеканка медали диктатуры Сталина – сиречь диктатуры пр[олетария]та»⁴⁵. Страх перед неограниченной властью Сталина и его жестокостью отражался даже в снах советских людей. Ирина Паперно, анализируя содержание снов в сталинское время, сделала вывод: «Общим для этих сновидцев является политизация страха и персонификация этого чувства в лице властителя»⁴⁶.

У многих людей вызывали раздражение постоянное упоминание имени Сталина, его портреты и бюсты, «украшавшие» фасады зданий, стены официальных учреждений, театров, детских садов, бараков. Степан Подлубный, сын раскулаченного крестьянина, оказавшийся в Москве и искренне желавший стать новым советским человеком, постоянно подвергался несправедливым гонениям. В 1937 г. он расстался со своими иллюзиями и в дневнике критиковал политику власти, называя Сталина «наш русский Нерон». Упрекал его в «незаслуженных похвалах и приписывании добрых деяний, а также обоготворении...»⁴⁷ В меморандуме начальника секретно-политического отдела Пермского ОГПУ на заведующего технической библиотекой завода № 9 (г. Пермь) И.П. Вороницына помимо сообщения о «контрреволюционных высказываниях» отмечалось «недовольство по поводу частого упоминания в газетах товарища Сталина и увязывание его имени с достижениями в области соц[иалистического] строительства»⁴⁸. Даже подростки, создавшие в Киеве «Союз мыслящей интеллигенции», обсуждали вопрос: «Почему так часто везде и всюду в докладах, в прессе вспоминают любимого вождя товарища

---

⁴⁴ Политические репрессии в Прикамье. С. 196.

⁴⁵ Там же. С. 200.

⁴⁶ Паперно И. Сны террора (сон как источник для истории сталинизма) // НЛО. 2012. № 4 (116). С. 227-267.

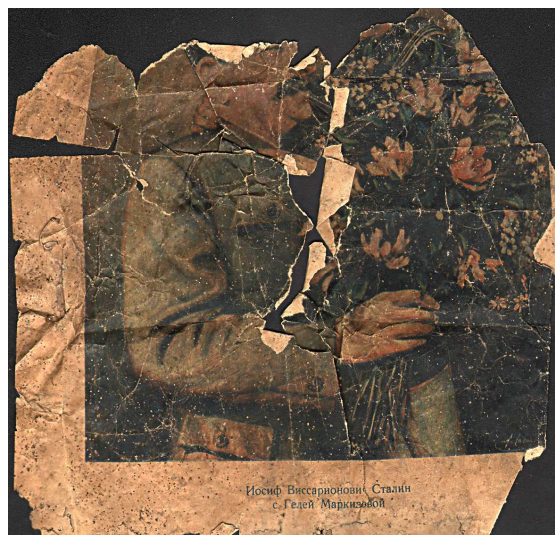
⁴⁷ Цит. по: Хелльбек Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. 2010. № 4 (72). С. 18.

⁴⁸ Политические репрессии в Прикамье. С. 190.

Сталина?»⁴⁹ Ян Плампер, ссылаясь на сотрудницу Третьяковской галереи, указывает, что на выставках сталинских портретов в 1930-е гг., как правило, не было книг отзывов – вместо них устанавливали ящики, в которые посетители могли опустить листки с отзывами. Такая система позволяла отфильтровывать «хулиганские»⁵⁰.

Аркадий Маньков, живший в Ленинграде, работавший сначала на заводе, затем в библиотеке, учившийся на историческом факультете университета, внимательно наблюдавший за происходившим вокруг и записывавший впечатления в своем дневнике, не упоминает имени Сталина. Однако запись 23 апреля 1933 г. позволяет понять его отношение к вождю: «На обводном у газетчика купил только что вышедший номер «Литературного Ленинграда» в надежде прочесть что-либо свежее, живое и жгучее... Развернул – острый ток отвращения прошел по мускулам, пальцы импульсивно разжались и газета упала на мостовую... Добрую половину первой страницы занимал портрет Сталина...»⁵¹

В 1930-е гг. именно портреты стали объектами агрессии людей, терпеливо слушавших обещания вождя и, как правило, смиренно выполнявших свои профессиональные обязанности. В судебном-следственных делах сохранились вещественные доказательства дискредитации вождей партии и государства – плакаты и фотографии с изображениями высших функционеров: некоторые из них были разорваны, в другие стреляли из рогаток или обрезов, третьи могли быть исцарапаны острыми предметами, на четвертых имелись оскорбительные «художественные дополнения». Сотрудникам НКВД приходилось работать с такими «портретными» делами, наглядно демонстрировавшими истинное отношение советских людей к Сталину и другим политическим лидерам⁵².

Иосиф Виссарионович Сталин с Гелей Маркизовой.

Разорванный плакат

⁴⁹ Риттершпорн Г.Т. Формы общественного обихода молодежи и установки советского режима в предвоенное десятилетие // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920 – 1930-е годы. СПб., 2000. С. 349.

⁵⁰ Плампер Я. Алхимия власти. С. 324.

⁵¹ Маньков А.Г. Дневники 30-х годов. СПб., 2001. С.41.

⁵² ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20097. Л. 1, 23 об, 89; Д. 43760. Л. 1, 17, 34, 35; Д. 48746. Л. 5, 61, 102 об, 105; Общество и власть. С. 307-308. Подробнее об этом см.: Быкова С.И. Советская иконография и

Особенно трудно было смириться с реальностью участникам гражданской войны, в 1918 – 1920 гг. защищавших идеалы революции с оружием в руках. Они открыто осуждали Сталина, а порой откровенно говорили о чувстве ненависти к нему, не боясь последствий. Например, А.Л. Назукин, считавший делом своей жизни защиту советской власти, в знак протеста бросил в огонь паспорт, орден Красного знамени и изорвал портреты Сталина, за что был приговорен к расстрелу⁵³. Архивные документы свидетельствуют, что такие случаи не были единичными. Разочарование и отчаяние, усиливавшиеся с каждым годом, определяли образ мыслей и действия этих людей. Многие задавали вопрос: «За что мы воевали?» Некоторые высказывали мнение о необходимости новой революции, мечтали «вернуть 1918-й год»⁵⁴.

Даже краткий экскурс в историю отношений власти и народа позволяет понять, что современники вполне объективно оценивали личность и характер политических действий И.В. Сталина, иногда крайне эмоционально реагируя на происходящее. Для выражения недовольства и осуждения сталинской политики советские люди использовали все доступные им средства: письма, анонимки, анекдоты, частушки и другие формы «дискредитации вождя». Следует отметить, что даже прошения, написанные вождю, нередко имели критический подтекст. Все это развенчивает миф о «всеобщей любви» народа к «товарищу Сталину» и «единогласной поддержке» его политики.

«портретные дела» в контексте визуальной политики, 1930-е годы // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 105-125.

⁵³ Государственный архив по делам политических репрессий Пермской области (далее – ГАДПРО ПО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 12945. Л. 46, 151, 183, 185. В настоящее время документы этого архива переданы в Государственный общественно-политический архив Пермской области.

⁵⁴ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 25238. Т. 3, 16, 17; ГАДПРО ПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26710; Ф. 1. Оп. 1. Д. 12945.

Уваров Сергей Николаевич

канд. ист. наук

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия

МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА*

Великая Отечественная война вызывала и продолжает вызывать пристальный интерес отечественных историков. Нельзя не отметить, что уже советская историческая школа добилась немалых результатов в изучении проблем военного периода, но ее ограничивали идеологическая заданность и недоступность многих источников, отложившихся в архивах. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. эти ограничения начали исчезать, что актуализировало продолжение исследований на новой основе.

К числу «недоисследованных» проблем относится миграция сельского населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Тогда сотни тысяч жителей, как правило сельских, отправились на фронт защищать Родину. Сама республика превратилась в один из центров производства вооружения. Только на заводах Ижевска в военный период было произведено более 11 млн. винтовок и карабинов, более 7 тыс. авиапушек, более 213 тыс. пулеметов, 131 тыс. противотанковых ружей и много другой военной продукции. Масштабы изменений иллюстрирует такой факт: до войны ижевские оружейники ежедневно производили чуть более 2 тыс. винтовок, а к концу войны могли за сутки вооружить одну стрелковую и одну авиационную дивизию¹. Естественно, это не могло произойти без привлечения дополнительной рабочей силы, в основном из сел и деревень. Помимо

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Сельское население Удмуртии в 1939 – 1989 гг.: демографические процессы и развитие», проект № 12-11-18005а(р).

¹ Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Ижевск, 1996. С. 6.

этого, территория Удмуртии явилась регионом, куда направлялся один из потоков эвакуированных. Все вместе это породило невиданные ранее масштабы территориального перемещения селян республики.

В изучении миграции сельского населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны можно выделить два основных этапа. На первом (с окончания войны и до второй половины 1980-х гг.) собственно вопрос о миграции специально практически не ставился. Сведения носят обычно отрывочный характер. При этом стороной обходились «проблемные моменты», как, например, вопрос об ушедших на фронт и вернувшихся с него, поскольку отсюда можно было сделать вывод о реальных потерях. В значительной степени по вине издательства «Удмуртия», требовавшего от ученых рукописи, которые были бы приспособлены к уровню массового читателя, работы носили скорее научно-популярный, а не исследовательский характер. В частности, по требованию издательства опускались ссылки, историография, библиография², что уже ставило под сомнение научную ценность изданий.

В начальных трудах по истории Удмуртии в период Великой Отечественной войны не содержались сведения даже о примерном сокращении численности сельских тружеников. Например, В.П. Белослудцев и И.Ф. Кутявин ограничились констатацией, что десятки тысяч колхозников ушли на фронт и промышленные предприятия, в результате чего произошло значительное сокращение рабочей силы в колхозах³.

Однако во второй половине 1950-х гг. появляются работы, которые уже более детально начинают освещать вопрос миграции сельского населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. В частности, эту проблему затронул Н.А. Мошкин. Согласно приведенным им данным всего за время войны на предприятия республики пришли из сельских районов 58 900 молодых рабочих⁴. Поскольку эта цифра впоследствии утвердилась в региональной историографии, стоит заметить, что Мошкин не указал источники, опираясь на которые ее получил. Поэтому принимать ее нужно с осторожностью. Тем более что указанная цифра вступает в противоречие с материалами, отражающими передвижение населения в городской местности. Разрабатывались они Статистическим управлением Удмуртской АССР по отрывным талонам адресных листков убытия и прибытия по всем городам и поселкам городского типа. И по подсчетам автора настоящей статьи баланс тех, кто в

---

² Очерки по историографии Удмуртской партийной организации. Ижевск, 1972. С. 16.

³ Белослудцев В.П., Кутявин И.Ф. Сельское хозяйство Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Записки Удмуртского НИИ. Вып. 13. Ижевск, 1950. С. 6.

⁴ Мошкин Н.А. Патриотизм трудящихся Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Ижевск, 1956. С. 10.

1941 – 1945 гг. прибыл из сельской местности Удмуртии в городские поселения республики (108,4 тыс.) и тех, кто выбыл в обратном направлении (59,4 тыс.), составил никак не больше 49 тыс. в пользу городов⁵. Не больше – потому что не все выбывавшие из городов учитывались. В отличие от них недоучет прибывших в городские поселения был практически исключен, поскольку без прописки не выдавались продовольственные карточки⁶. То есть сальдо может быть только меньшим, но не большим. Поэтому пока нельзя считать окончательно установленной численность мобилизованных в города из сельской местности республики.

В разделе «Сельское хозяйство» юбилейного сборника «Удмуртия за 40 лет Советской власти» сказано о более 30 тыс. колхозниках, пошедших в годы войны работать на заводы. Трудовая нагрузка на оставшихся тружеников деревни резко возросла, а количество трудоспособных колхозников уменьшилось на 44%. Автор раздела К.И. Шибанов привел цифры, показывающие сокращение по годам числа трудоспособных колхозников и рост выработки трудодней на каждого работника. Согласно этим данным с 1941 г. по 1944 г. включительно число принимавших участие в сельскохозяйственном труде сократилось с 383,7 тыс. чел. до 292,3 тыс. чел., а число трудоспособных за тот же период – с 225,1 тыс. чел. до 168,5 тыс. чел.⁷ Цифры дают наглядное представление о масштабах сокращения сельского населения, поскольку большая его часть в Удмуртии в годы войны состояла в колхозах. Однако сколько и куда убыло за счет миграции, К.И. Шибанов не рассмотрел.

Показателем состояния историографии являются обобщающие труды. В 1962 г. вышел второй том «Очерков истории Удмуртской АССР». Поскольку глава «Удмуртия в период Великой Отечественной войны» была написана Н.А. Мошкиным, то в ней повторены сведения о 60 тыс. молодых рабочих, которых дало село. Мобилизация селян на фронт почему-то была сведена исключительно к сведениям о мобилизованных председателях колхозов – в первый же год войны их них ушло в армию 83,3%⁸. А про эвакуацию населения в Удмуртию речь вообще не шла. Правда, в следующем обобщающем труде Н.А. Мошкин уже упомянул о 76 тыс. эвакуированных⁹.

В 1963 г. вышла фундаментальная монография Ю.В. Арутюняна «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны», в которой, в частности, была

---

⁵ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 5. Л. 15 об., 24 об., 29 об.; Д. 7. Л. 26 об., 27 об., 35; Д. 9. Л. 18 об., 19 об.; Д. 11. Л. 17 об., 18 об.; Д. 13. Л. 16 об., 17 об.

⁶ Там же. Д. 7. Л. 35.

⁷ Удмуртия за 40 лет Советской власти. Ижевск, 1957. С. 129-130.

⁸ Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 2. Ижевск, 1962. С. 231.

⁹ Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968. С. 353.

проанализирована численность и состав крестьянского населения по стране в целом и по регионам. По Удмуртии автор привел следующие данные: в 1940 г. наличное население колхозов Удмуртии составляло (на конец года) – 647,6 тыс. чел., в 1941 г. – 598,9 тыс., в 1942 г. – 539,3 тыс., в 1943 г. – 509,3 тыс., в 1944 г. – 478,3 тыс., в 1945 г. – 488,8 тыс. чел. Число трудоспособных колхозников составляло соответственно – 298,8 тыс., 226,5 тыс., 194,5 тыс., 183,3 тыс., 169,1 тыс., 180,2 тыс. чел.¹⁰ Однако, сколько колхозников Удмуртии и куда мигрировало за этот период, узнать из монографии мы также не сможем.

Трудовые ресурсы промышленности Удмуртии в годы войны были изучены А.И. Сухановым. Он указывал, что сводных отчетов о пополнении рабочих коллективов Удмуртии во время войны нет, но показал источники пополнения коллектива Ижевского машиностроительного завода – крупнейшего завода республики. Всего на завод за 1941 – 1945 гг. прибыло 48 614 чел, из них сельского населения – 12 976 чел. Очевидно, сельскими по происхождению также были многие из окончивших ремесленные училища и школы ФЗО (их прибыло на завод 6 939 чел.) и прочих (18 613 чел.)¹¹, но сколько – А.И. Суханов не конкретизировал.

Вслед за Н.А. Мошкиным он повторил, что на промышленные предприятия Удмуртии в годы войны из села пришло около 60 тыс. чел., однако уточнил, что деревня Удмуртии не могла покрыть всех потребностей промышленности в рабочей силе. Поэтому на предприятия и стройки республики направлялось население, мобилизованное за пределами Удмуртии. И если городское население шло на предприятия в абсолютном большинстве самотеком (за редким исключением, например, как в Сарапуле, где проводилась мобилизация), то сельское население привлекалось для работы на заводах исключительно путем мобилизации¹². Констатируя ситуацию, исследователь обошел, однако, стороной вопрос о причинах этой разницы. К тому же здесь явно напрашивался вопрос об использовании принудительного труда (исключительно путем мобилизации) сельских жителей, что, понятно, также не было подмечено.

Со второй половины 1980-х гг. можно говорить о новом этапе в деле изучения миграции сельского населения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Исследования этого этапа отличает уже проблемный подход в изложении материала. От описания событий историки начинают переходить к их анализу, чему в немалой степени способствовал открывающийся доступ к новым, ранее закрытым источникам.

---

¹⁰ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 390, 392.

¹¹ Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии (1917 – 1970). Ижевск, 1979. С. 94.

¹² Там же. С. 95.

Прием, размещение и трудовую деятельность эвакуированного населения в Удмуртии на основе архивных материалов подробнейшим образом проанализировал Н.А. Родионов. Он, в частности, выяснил, что общее количество эвакуированного населения на территории Удмуртской АССР на 1 июня 1942 г. составляло 63 554 чел., из них на селе – 30 802 чел. На 1 июля 1943 г. в республике размещалось 78 366 чел. эвакуированных (наивысшая цифра за весь период войны). После июля 1943 г. численность эвакуированных граждан в республике стала сокращаться, прием был прекращен, а через некоторое время началась реэвакуация¹³.

Стоит отметить, что Родионов использовал материалы Переселенческого отдела (с 1942 г. – отдел по хозяйственному устройству эвакуированных) при СНК УАССР, который причислял жителей поселков городского типа к сельскому населению, в то время как статистические органы относили их к горожанам¹⁴. Насколько расходятся показатели этих органов, показывает следующее сравнение. По данным Отдела по хозяйственному устройству эвакуированных, к 1 января 1944 г. на территории республики оставалось 54 612 чел. эвакуированных, из них 26 621 – в городах, 27 991 – по районам. По данным единовременных отчетов о возрастном и половом составе сельского населения, которые составлялись Статистическим управлением УАССР, по состоянию на 1 января 1944 г. в сельской местности республики проживало 18 015 человек, прибывших по эвакуации¹⁵. Таким образом, разница – очень существенная, но Родионов не учел это в своей статье.

Отдельно Н.А. Родионов исследовал проблему реэвакуации, которая началась в 1943 г.¹⁶ Он показал географию реэвакуации населения, но, к сожалению, очень фрагментарно. По состоянию на 31 декабря 1946 г. в республике оставалось 10 154 эвакуированных, в основном они размещались в городах – 8 442 чел. (83,15%) и в районах – 1 712 (16,85%)¹⁷. Завершилась реэвакуация практически в 1948 г.¹⁸

Первым, кто назвал количество мобилизованных на фронт жителей Удмуртии, был С.П. Зубарев. По его подсчетам, за годы войны Удмуртская АССР направила в ряды армии 23,4% от общего количества населения, зафиксированного на 1 января 1940 г., или более 263 тыс. чел. Из 480,1 тыс. удмуртов, живших накануне войны в

¹³ Родионов Н.А. Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941 – 1945 гг.) // В годы суровых испытаний: о ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии: Сб. статей. Устинов, 1986. С. 147.

¹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 118. Л. 43.

¹⁵ Там же. Л. 39; Оп. 17. Д. 4. Л. 10.

¹⁶ Родионов Н.А. Реэвакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943 – 1948 гг. // Новые исследования по истории Удмуртии. Ижевск, 1991. С. 186-205.

¹⁷ Там же. С. 195-196.

¹⁸ Там же. С. 200.

республике, было призвано в армию 107,6 тыс. чел. или 22,4%¹⁹. К сожалению, С.П. Зубарев не показывает источники этих данных, нет сведений у него и о том, сколько среди мобилизованных было селян.

Отдельно стоит выделить исследования Г.Е. Корнилова. На основе богатейших архивных материалов он проанализировал развитие уральской деревни в условиях Великой Отечественной войны. Удмуртская АССР как часть Урала тоже попала в поле зрения исследователя. Выявив изменение численности сельского населения Удмуртии по годам, он сумел установить, что доля селян в республике в общей массе населения с начала 1941 г. и к середине 1945 г. снизилась с 72,6% до 63,2%. На фоне остальных уральских регионов Удмуртия относилась к числу тех, где количество селян уменьшилось за годы войны в наибольшей степени – на 27%. Больше оно сократилось только в Челябинской и Курганской областях – на 32,2%²⁰. Тем самым Корнилов впервые опубликовал данные о численности всего сельского населения Удмуртской АССР в годы войны (а не только колхозников, как это сделал Ю.В. Арутюнян).

На происходившие в деревне процессы, по мнению Г.Е. Корнилова, повлияли такие факторы, как мобилизация в действующую армию, перераспределение сельского населения между отраслями промышленности, строительства и транспорта, резкое уменьшение рождаемости, огромная по размерам миграция, особенно эвакуация и реэвакуация населения. Рост сельского населения Удмуртии в первый период войны (с 907,9 тыс. до 965 тыс. чел. за 1941 г.) он объясняет эвакуацией большой массы людей из европейской части СССР и оргнабором на предприятия Урала населения Сибири, Средней Азии и Казахстана, а его уменьшение в 1943 – по середину 1945 гг. (с 947 тыс. до 663 тыс. чел.) – продолжающейся мобилизацией на фронт и активной реэвакуацией населения²¹. Но ответа на вопрос, в какой степени тот или иной фактор привел к изменениям в численности, автор не дает. Из монографии также неясно за счет чего в 1943 г. число селян Удмуртии сократилось сразу на 255 тыс. человек – с 947 тыс. до 692 тыс. (на начало 1944 г.). Тем более что на стр. 38-43 Корнилов анализирует трудовые ресурсы колхозов, и по приведенным им данным такое резкое сокращение не прослеживается²². К сожалению, в конце 1980-х гг. содержащиеся в архивах материалы по Удмуртии были все еще недоступны исследователям, поэтому

---

¹⁹ Зубарев С.П. В боях за Родину: о ратных подвигах сыновей и дочерей Удмуртии. Ижевск, 1990. С. 8.

²⁰ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 30-31.

²¹ Там же. С. 29-31.

²² Там же. С. 39.

Г.Е. Корнилов привел показатели механического движения только по Пермской, Свердловской и Челябинской областям.

В другой своей работе он специально проанализировал миграцию сельского населения Урала во время Великой Отечественной войны, в том числе и Удмуртии²³. Особенно тщательно им была рассмотрена эвакуация. Однако, не обладая полными данными по Удмуртии, автору пришлось приводить в основном относительные, а не абсолютные значения. Например, в статье говорится о том, что республика приняла сравнительно небольшую массу эвакуированного населения (2-5% от прибывших на Урал), которое распределялось равномерно в городах и селах²⁴.

С 1993 г. по 2000 г. было опубликовано 9 томов Республиканской Книги Памяти. Однако по поводу количества жителей Удмуртии, защищавших в годы войны Родину на фронте, Книга Памяти приводит противоречивые данные. В 1-м, 7-м и 8-м (дополнительном) томах, изданных в 1993 г., 1994 г. и 1996 г. соответственно, говорится о 364 тыс. чел., направленных в армию из Удмуртии в годы войны. В томах со 2-го по 6-й Книги Памяти, изданных в 1994 г., говорится о 263 тыс. чел. Деление на горожан и селян в Книге Памяти также нигде не приводится. Вдобавок не сходится приводимое в Книге Памяти соотношение потерь к общему количеству призванных в армию: в томах со 2-го по 7-й – это 49,3%, а в 1-м и 8-м томах – 58,7%. И это при том, что во всех этих томах фигурирует одна и та же цифра потерь – 144 582 чел.²⁵

К сожалению, ни в одном томе Книги Памяти сведения об ушедших на фронт не подкреплены ссылками, но цифра в 364 тыс. чел. выглядит совершенно неправдоподобной, учитывая, что по официальным данным переписи населения 1939 г. в республике проживало всего 417,3 тыс. мужчин-селян²⁶. По другим данным на момент переписи в сельской местности республики проживало в общей сложности 415,2 тыс. мужчин, из них около 263 тыс. чел. было в возрасте 8-50 лет²⁷. Поскольку призывалось в основном сельское население, в таком случае деревня Удмуртии осталась бы совершенно без мужчин трудоспособного возраста.

В 1995 г. был опубликован сборник документов, куда были включены фрагменты отчета Военного комиссариата Удмуртской АССР за 1941 – 1945 гг. Из них следует, что с 22 июня 1941 г. по 1 января 1946 г. Военным комиссариатом Удмуртской АССР в Красную Армию было призвано 235 044 чел. военнообязанных рядового и сержантского состава. При этом численность призванных приведена по

²³ Корнилов Г.Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 67-82.

²⁴ Там же. С. 69.

²⁵ Книга Памяти Удмуртской Республики. Т. 1-8. Ижевск, 1993–1996.

²⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 25.

²⁷ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 17. Д. 4. Л. 21.

годам и по категориям. Так, наибольшее количество призывников пришлось на 1942 г., 3 196 в общей массе военнообязанных – это женщины²⁸. Но опять же, сколько из общего числа призванных в армию являлось селянами – не сообщается.

Обращение к первоисточнику показывает, что опубликованные фрагменты отчета Военного комиссариата Удмуртской АССР – это черновые материалы об итоговой работе городских и районных военкоматов республики за годы Великой Отечественной войны. Поиски в республиканских архивах подтверждают, что это – единственный документ, из которого можно узнать о количестве мобилизованных. Правда, в опубликованных фрагментах не содержится информация еще о 5 086 офицерах, также мобилизованных в военное время²⁹.

Итак, анализ литературы позволяет утверждать, что на этапе с 1950-х и до середины 1980-х гг., хотя исследователям и были известны все формы миграции (мобилизация на фронт, на работу в промышленность, временные работы, направление на учебу в школы ФЗО и ремесленные училища, эвакуация, реэвакуация), в оборот было введено лишь незначительное количество фактов, касавшихся территориального перемещения селян. При этом не всегда указывались источники приводимых данных. Как результат, под миграцией понималось сокращение сельского населения (про отрицательный прирост не могло идти и речи), при этом данные о сокращении приводились лишь в отношении колхозников. К тому же под миграцией понималось исключительно организованное переселение населения, обусловленное необходимостью обеспечения победы в войне и проводимое, по очевидным причинам, под «руководством партии», организующая роль и политика которой не могли подвергаться сомнению. Понятно, что это резко ограничивало и сужало аналитическую составляющую работ. К тому же многие аспекты темы были закрыты для изучения.

С середины 1980-х гг. исследование проблемы миграции сельского населения в годы Великой Отечественной войны приобретает более предметный характер, появляются исследования, затрагивавшие различные аспекты миграции. Работы отличает уже проблемный подход в изложении материала. В оборот вводятся новые, ранее закрытые источники. На этой основе были скорректированы некоторые прежние данные (например, о численности эвакуированных). Было справедливо расширено понятие «сельское население», в его состав стали включать всех проживающих в сельской местности, а не только колхозников, как это было ранее.

---

²⁸ Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: сборник документов. Ижевск, 1995. С. 308. Про 235 тыс. чел. говорится и в обобщающем труде «История Удмуртии: XX век», но в его тексте допущена опечатка. Должно быть написано, что было призвано свыше 235 тыс. чел. с 22 июня 1941 г. и не по 1 января 1945 г., а по 1 января 1946 г. (История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005. С. 244).

²⁹ ЦГА УР. Ф. Р-843. Оп. 2. Д. 1. Л. 7, 14.

Однако считать тему отработанной было бы преждевременно. Все еще остаются не уточненными многие данные и факты, которые продолжают некритически тиражироваться в современных изданиях. При общей констатации численного сокращения сельского населения Удмуртии в годы войны так и не выявлены реальные цифры этого сокращения. Открытым остается вопрос о количестве и основных направлениях переселения сельских жителей Удмуртии в годы войны. Не выяснено, сколько из уехавших возвратилось обратно. Не поднимается вопрос о соотношении добровольной и принудительной (принудительные трудовые мобилизации) миграции, воздействии последней на настроения селян. Совершенно не исследована неорганизованная миграция сельского населения, вне пределов внимания остается приживаемость мигрантов на новом месте, не проводился их половозрастной срез. И это далеко не полный список проблем, которые требуют внимания современных исследователей.

Овчаренко Оксана Николаевна

*учитель истории и обществознания
Средняя общеобразовательная школа № 77 г. Омска*

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В МЕСТНЫХ КОМИТЕТАХ О НУЖДАХ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ:
ВЗГЛЯДЫ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА
(1902 – 1903 гг.)**

В начале XX века наметилась активизация либеральных общественных сил, использующих различные учреждения и организации для выражения своих взглядов. Либеральные настроения проникали и в общественную среду Сибири, где немногочисленная интеллигенция была представлена в основном государственными служащими. Наряду с чиновниками-администраторами, которые поддерживали существующий самодержавный строй и придерживались реакционно-консервативных убеждений, здесь, в Сибири, выделяется также группа специалистов-интеллигентов, занимавших противоположную общественную позицию и определявших себя сторонниками либеральных идей. Одним из центров их сосредоточения стали образованные в 1902 г. местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которым была предоставлена возможность гласного обсуждения «больных вопросов» современности, что в первую очередь и привлекло к ним исключительное внимание либеральной сибирской общественности. Именно здесь, на заседаниях этих комитетов и нашли свое выражение взгляды пролиберально настроенной части чиновничества в отношении проблем, касающихся развития крестьянского хозяйства региона.

Вопрос о крестьянских повинностях

Состояние крестьянского хозяйства Западной Сибири в местных комитетах

Сообщения и заметки

нередко оценивалось понятиями «упадок» и «разорение». Среди основных причин назывались тяжесть платежей и натуральных повинностей крестьян. На это особенно настойчиво указывали такие деятели как управляющий Томской казенной палатой И.Н. Хроновский и советник Акмолинского областного правления Степного края Т.И. Тихонов. В частности, они обращали внимание на привлечение крестьянского населения к ремонту дорог, когда крестьянину приходилось идти за сотни верст и производить ремонт того пути, которым он при том совершенно не пользуется¹. И.Н. Хроновский отмечал: «Если в настоящее время эти повинности продолжают оставаться тягостными и не уравнительными, то в ближайшем будущем они должны оказаться непосильными для населения»². По его мнению, часть обязанностей по отбыванию натуральных повинностей необходимо было перевести с крестьянского населения, которое и так терпело бедственное положение, на представителей других сословий и государственные учреждения, найти иные источники обложения для выполнения расходов по отбыванию дорожной и подводной повинности³. Конкретно он предлагал, чтобы в их выполнении участвовало почтово-телеграфное ведомство. Т.И. Тихонов также настаивал на том, что дорожные и подводные повинности необходимо равномерно распределить на все население уездов. Решить проблемы и устранить неудобства, с его точки зрения, могли исключительно земские учреждения, которые нужно ввести на территории Сибири⁴. Ряд представителей либерального крыла чиновничества, отмечая процесс развития товарно-денежных отношений, выступали за замену натуральных повинностей денежным сбором⁵.

В целом предложения по вопросам налоговой политики были близки к требованиям комитетов Европейской части России⁶. Сибиряки выдвигали программу снижения косвенных налогов на предметы первой необходимости и ослабления таможенного покровительства. Требовали понижения до возможного минимума железнодорожного тарифа на провоз как из России в Сибирь, так и обратно всех продуктов сельского хозяйства. Однако целостная программа налоговой политики ими не выдвигалась.

---

¹ Кауфман А. Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г. // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 19.

² Там же.

³ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (далее – Труды). Т. 56. СПб., 1903. С. 210.

⁴ Там же. Т. 54. СПб., 1903. С. 106; Т. 56. С. 211.

⁵ Там же. Т. 56. С. 175, 183-184, 223, 305; Т. 53. СПб., 1903. С. 307.

⁶ Симонова М.С. Земско-либеральная фронда (1902 – 1903 гг.) // Исторические записки. Т. 91. М., 1973. С. 150-216.

Транссибирская магистраль и товарное производство хлеба

С появлением Транссибирской магистрали для крестьянского населения открылись явные преимущества в виде новых рынков сбыта произведенной ими продукции. Существенно возросло количество торговых операций, стали развиваться хозяйства товарного типа. Помимо экономического воздействия магистраль содействовала и культурному подъему в регионе. Проявились при этом и определенные негативные последствия. Усилившийся вывоз продукции порождал упадок местных рынков сбыта. Стала сокращаться местная обрабатывающая промышленность. Возросший переселенческий поток вел к снижению благосостояния сельского населения региона.

Естественно, что вопросы воздействия Сибирской железной дороги на положение крестьянского хозяйства регулярно поднимались на заседаниях местных комитетов. Их либерально настроенные участники сходились во мнении, что железная дорога для отдаленной Сибири явилась фактором неожиданным. И не подготовленное сельское население оказалось слабо приспособленным к новым экономическим требованиям. Но в целом, оценка воздействия магистрали давалась скорее положительная. Отмечалось, что с развитием железнодорожных путей происходит «замена экстенсивных систем более интенсивными, замена натурального хозяйства денежным»⁷, что должно привести к экономическому развитию крестьянского хозяйства.

Главную проблему, оказывающую негативное влияние на экономическое состояние региона и непосредственно на крестьянское хозяйство, увидели не в самом железнодорожном развитии, а в связанном с ним введением так называемого Челябинского тарифного перелома – установление системы начисления дополнительных тарифов на сибирский хлеб, что привело к его удорожанию. Данный тариф был специально введен с целью ограничения поставок более дешевого сибирского хлеба в Европейскую часть России. В результате появился жесткий внутренний экономический барьер, который серьезно снижал доходность западносибирского зернового производства. Понятно, что это вызывало критические оценки. Либерально настроенные деятели даже сознательно занижали существующий потенциал хлебного производства региона, подчеркивая, что в Сибири не имеется больших запасов хлеба, которые могли бы повлиять на торговлю хлебом в Европейской части России⁸.

---

⁷ Труды. Т. 54. С. 98.

⁸ Либуркин В.Н. Деятельность местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и их влияние на развитие общественно-политической жизни Сибири начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 117.

Сообщения и заметки

Не решаясь, однако, напрямую потребовать отмены Челябинского тарифа, деятели либеральной направленности пытались найти выход, предлагая развивать Северный морской путь, хотя он и был значительно менее эффективен.

Система кредитования

На заседаниях местных комитетов отмечалось значение развития государственного кредита в деле укрепления крестьянского хозяйства, при наличии сельских банков и кредитных товариществ. Использование кредитов предполагалось на покупку машин, маслоделен, мельниц и для найма рабочей силы⁹. Непременный член по крестьянским делам И.В. Рождественский был убежден в необходимости крестьянского кредитования при максимальном его приближении к непосредственным потребителям. В этих целях он отмечал роль сельских волостных старост, которые должны были собирать заявления, «ручательства», отвечать за своевременный возврат¹⁰. М.И. Селихов и И.Н. Хроновский полагали, что местному населению нужны только кредитные или ссудо-сберегательные товарищества (сословные и бессловные)¹¹. При этом все они отмечали опасность бюрократизации кредитного дела.

Этим, однако, все и ограничивалось. Действенной программы по развитию системы кредитования предложено так и не было. Со всей очевидностью здесь проявилась ориентация на центральную власть, которая если сочтет нужным, кредитование введет...

Агротехническая помощь крестьянскому хозяйству

С вопросом кредитования был тесно связан вопрос агротехнической помощи крестьянскому хозяйству. Однако либеральное крыло здесь в большей степени интересовало не столько экономический момент, сколько вопрос социального расслоения крестьянства и возникавшие в связи с этим проблемы. Крестьянский начальник В.И. Чарыков в Тобольском губернском комитете подал записку, в которой писал: «Крестьяне разбиваются на два слоя, резко противоположных по своим интересам: сильных, захвативших в свои руки лучшие земли, и слабых, бросающих хозяйство и делающихся батраками; в обществе появляется разлад, сильно сказывающийся в обсуждении мирских дел и вредно отражающийся на хозяйственных отношениях крестьян»¹².

Выход, как раз, и видели в увеличении количества агрономов, ветеринаров,

---

⁹ Труды. Т. 56. С. 2, 8, 26, 39, 72, 103; Т. 53. С. 143, 284, 307.

¹⁰ Там же. Т. 53. С. 166-169.

¹¹ Там же. Т. 56. С. 7, 73.

¹² Там же. Т. 53. С. 208-209.

Сообщения и заметки

инструкторов молочного хозяйства, расширении в крае сети казенных складов по продаже сельскохозяйственных машин, семян, породистого скота, а также устройстве выставок, курсов, бесед¹³. Повышение агротехнического уровня должно было привести к увеличению производительности и товарности крестьянского хозяйства в целом, снизив тем самым социальные противоречия. Старший производитель поземельно-устроительной партии, председатель Ишимского совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности С.В. Соколов, признавая, что «процесс будет постоянно идти к обнищанию масс крестьянских хозяйств с укреплением в силах таких, которым на пользу всякие кризисы, другими словами, основывающим свои доходы не на эксплуатации природы, а на эксплуатации, главным образом, человека», отмечал, что положение средних и даже бедняцких хозяйств не является безвыходным, если бы удалось повысить интенсивность их земледелия и скотоводства¹⁴. Аналогичное мнение высказал и агроном И.К. Окулич, надеявшийся с помощью распространения дешевых сельскохозяйственных машин предотвратить «дифференциацию крестьянства». По мнению Окулича, ситуацию усугубляло то, что переселенческое управление сделало из складов с сельскохозяйственной техникой источник дохода, при полном игнорировании местных потребностей. Он предлагал открыть склады с инвентарем, приспособить машины под сибирские условия, снять пошлины на сельскохозяйственные машины, выдать ссуды на их покупки, открыть мастерские и пригласить специалистов, чтобы оказывали помощь¹⁵.

Таким образом, поддержку крестьянства в условиях упадка местного крестьянского хозяйства предполагали за счет улучшения технической базы и распространения агрономических знаний, которые должны были привести к росту доходности земледелия, товарной специализации сельского хозяйства и подъему местной промышленности. Однако, судя по всему, сами чиновники мало верили в эффективность агротехнической помощи для сибирского населения, так как она существовала и ранее, но на практике оказывалась для основной массы крестьян недоступной. В целом справедливо полагали, что в условиях существования жесткой административно-полицейской опеки над крестьянством результат достигнут не будет. Отсюда внимание неизбежно поворачивалось к проблемам правового положения крестьянского населения.

Правовое положение крестьянского сословия

Отношение к крестьянину как к не свободному и не правоспособному члену

---

¹³ Труды. Т. 56. С. 2, 3, 25, 26; Т. 54. С. 278-281.

¹⁴ Либуркин В.Н. Указ. соч. С. 122.

¹⁵ Труды. Т. 56. С. 100-106.

Сообщения и заметки

общества со стороны местных и центральных властей оказывало большое влияние на весь ход общественной жизни внутри крестьянского мира. Оно подавляло в крестьянстве инициативу и давало основание крестьянским органам рассматривать каждого члена этого мира как лицо неполноправное и зависящее от его решения. Будучи выведенным из системы юридических отношений крестьянство не чувствовало законности и прав на собственность. Тяжелая бюрократическая опека над личностью и имуществом крестьян, постоянная угроза быть подвергнутым наказанию без суда по усмотрению крестьянского начальника – все это особенно угнетало наиболее самостоятельную, энергичную и способную часть крестьянского сословия¹⁶. Наделенные правами безграничной опеки, крестьянские начальники являлись не только олицетворением личного бесправия сибирского крестьянства, но и отрицанием идеи крестьянского самоуправления.

Активную позицию, основанную на необходимости уравнивания крестьян в правах и отмене бюрократической опеки, занимала группа деятелей во главе с правительственным агрономом Н.Л. Скалозубовым. Они выступали за предоставление сельским обществам свободы в экономической и сельскохозяйственной деятельности, за устранение всякого влияния на них со стороны крестьянских начальников, которые вмешивались в деятельность волостных и сельских сходов, часто оказываясь мало сведущими в сельском хозяйстве и тенденциозными в своем вмешательстве¹⁷. Сам Скалозубов считал, что путем бюрократической опеки невозможно помочь крестьянам в повышении агрокультуры. Однако он обходил вопрос о чрезмерно широких полномочиях крестьянских начальников и недостаток надзора высших властей за ними, что и содействовало развитию произвола. Лишь председатель Тобольского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности прямо высказался, что вмешательство в хозяйственную жизнь крестьян «не оправдывается существующим положением института крестьянских начальников и является превышением их прав, которые легко могут быть урегулированы вмешательством губернской администрации, только почему же она до сих пор не проявила своего регулирующего вмешательства и не только не пресекла, но, несомненно, поощряла "не оправдываемую положением" их деятельность»¹⁸.

Впрочем, критика юридического бесправия крестьян обычно ограничивалась именно указаниями на злоупотребления волостных писарей, старост и крестьянских начальников, требованиями ограничения вмешательства крестьянских начальников

---

¹⁶ Кауфман А. Указ. соч. С. 19.

¹⁷ Труды. Т. 53. С. 50-55.

¹⁸ Кауфман А. Указ. соч. С. 24.

в частнохозяйственную деятельность крестьян¹⁹. Но и такие высказывания были в Сибири достаточно редкими. В отличие от Европейской части России, где указания на законность как необходимый принцип крестьянского суда и управления встречались у либеральной общественности повсеместно²⁰, в Сибири возобладало крайне узкое, скорее культурное понимание проблемы.

Бесправие крестьян усугублялось тем фактом, что на Сибирь не распространялось положение о суде присяжных. Однако в обсуждении и этого вопроса либеральное чиновничество ограничилось общими пожеланиями. Скажем, Т.И. Тихонов предлагал «изменить современную форму народного суда, придать ему самостоятельность и полноправность, подчинить надзору и руководству общего суда»²¹. Совершенно не затрагивались вопросы изъятия из ведения судопроизводства инородцев и создания мирового суда с выборными судьями.

Несмотря на то, что вопрос крестьянского правопорядка относился к категории наиболее актуальных, в Сибири он выявил крайнюю умеренность взглядов либерального чиновничества, ограничившегося самыми минимальными требованиями. К примеру, вопрос о бюрократической опеке не привел к логично напрашивающемуся требованию изменения законодательства и отмены должности крестьянского начальника. Основные высказывания касались личных прав крестьян, но не затрагивались вопросы поземельно-имущественных отношений. Относительно судебной системы отмечали лишь «желательность переустройства» судопроизводства.

Крестьянские переселения

Сибирь являлась традиционным центром, куда исторически направлялся поток крестьянского переселения. Однако состояние переселенческого дела в Сибири затрагивалось либеральными деятелями в местных комитетах поверхностно, преимущественно в связи с темой сокращения земель старожилов. Так в докладе неперемного члена по крестьянским делам Томского губернского правления А.В. Дурова «О влиянии переселений на сельскохозяйственную промышленность, ненормальное положение переселенческого дела в Томской губернии и предложения об улучшении его» выдвигалось два основных положения: во-первых, распорядительной частью переселенческого дела должны были заниматься губернские и местные крестьянские учреждения; во-вторых, обеспечение беспрепятственного расселения крестьян на таежных местах²². Последнее явно

---

¹⁹ Труды. Т. 54. С. 84.

²⁰ Риттих А.А. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904. С. 304.

²¹ Труды. Т. 56. С. 96.

²² Там же. С. 130.

Сообщения и заметки

отразило желание скорее «избавиться» от переселенцев, нежели помочь им благополучно устроиться на месте.

Тем не менее, на заседаниях местных комитетов давались критические оценки постановке переселенческого дела, отмечалась неудовлетворительность представляемых переселенцам земельных участков и системы оказания им помощи. Т.И. Тихонов, указывал, что центральные и областные власти с недоверием относятся к переселенцам, вследствие чего «появляется слишком большая расчетливость, сопровождаемая при этом неизменной опекой, чрезмерной, совершенно не нужной и вредной централизацией и регламентацией»²³. Все это выражалось в недостаточности и несвоевременности выдаваемых ссуд, в малочисленности лесных складов, в неподготовленности свободной плодородной земли²⁴. Позицию Тихонова поддержал служащий переселенческого управления Томской губернии И. Васильков, который указал на незаконные поборы, взимаемые с потенциальных мигрантов должностными лицами волостных правлений за выдачу увольнительных свидетельств, паспортов и за разрешение продавать недвижимость²⁵. Отмечалось, что вымогательство и мошенничество со стороны писарей и старост, собирающих с новоселов обманным путем деньги, наносили не только материальный, но и нравственный урон, так как они порождали в переселенцах предвзятое отношение как к учреждениям и лицам, заведующим переселенческим делом, так и к самим законам²⁶.

По мнению либерально настроенных участников местных комитетов, отмеченные злоупотребления становились возможными по причине неполного представления крестьян о существующем законодательстве по вопросу переселений. А потому выход видели не столько в перестройке самой системы, сколько в повышении «юридической культуры» крестьян-переселенцев.

Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует о нерешительности и умеренности взглядов деятелей, принадлежавших к группе либерального чиновничества региона Западной Сибири, их ограниченности рамками местных проблем, зачастую без выхода на истинные причины их порождающие. Не случайно, правильно подметив многие моменты, негативно отражавшиеся на развитии крестьянского хозяйства Западной Сибири, они так и не сумели предложить четкую и действенную программу их устранения, остановившись на уровне «частичных изменений».

---

²³ Труды. Т. 53. С. 22.

²⁴ Там же. С. 19-45.

²⁵ Родигина Н.Н. Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX века. Новосибирск, 1997. С. 118.

²⁶ Там же. С. 120.

Ланник Леонтий Владимирович

канд. ист. наук

Саратовская государственная юридическая академия

**2 МАРТА 1917 г. и 9 НОЯБРЯ 1918 г.:
ВОЕННЫЕ ЭЛИТЫ В ХОДЕ ДВУХ ОТРЕЧЕНИЙ**

Отречение монарха в стране, где единовластие имеет тысячелетнюю историю, обречено стать тяжелой травмой как для общества в целом, так и для самых различных его слоев и особенно для тех из них, которые считались (или считали себя) опорой трона. Помимо сословных групп, для которых монархизм являлся в том числе формой защиты своего статуса, специфической связью с монархией и монархом всегда обладает военная элита, которая испытывает воздействие особого кодекса чести и связана столь знаковым для любых вооруженных сил понятием как присяга. В случае, если отречение монарха, а то и ликвидация монархического государственного устройства вообще, происходит в обстановке крупной, а в данном случае и тотальной войны, позиция военных и их действия приобретают определяющее значение для последующей судьбы как династии, так и их самих.

При изучении литературы и источников по данному вопросу у обоих отречений обнаруживается до странности много общего, что трудно, а то и некорректно объяснять случайным совпадением. При всей сложности и параллельности процессов, приведших к крушению монархии в России и Германии, представляется, однако, что главным из факторов, их обусловивших, являлось то, что императоры Николай II и Вильгельм II должны были исходить из реалий военного времени. Именно военные тяготы в итоге сломили упорство обоих монархов, военные тяготы стали избранным ими обоснованием своего отказа от власти, а потому, в конечном итоге, для оценки ими ситуации перед принятием этого рокового решения критически важной была позиция военных, а не политиков.

Невзирая на эти, кажущиеся очевидными, обстоятельства, в историографии проблемы к настоящему моменту имеется известный перекося в сторону

Сообщения и заметки

политической составляющей. В марксистской историографии действия военных рассматривались преимущественно в связи с их участием в (контр)революционных процессах. В наличии иных побудительных мотивов им, как правило, отказывали¹. В то же время в эмигрантском исследовании Г.М. Каткова военным и их связям с думскими заговорщиками отведена была значительная роль, там она названа даже «революцией генерал-адъютантов»². Характерно, что специального исследования роли не только военной элиты, но даже и отдельных ее представителей в отречении монарха долгое время не велось (в то время как роли элиты политической – предпринималось)³ и здесь остаются существенные пробелы. Правда, существует специальное исследование И. Халл, посвященное окружению кайзера, в том числе и военному, но военное окружение Николая II по-прежнему ждет своего исследователя⁴, в особенности это касается отечественной историографии⁵.

Ситуация начинает меняться лишь в последнее десятилетие⁶, однако политической ангажированности избежать по-прежнему сложно. При этом критики милитаризма, особенно германского, – более чем достаточно⁷. Показательно, что генералитет Русской императорской армии, офицеры Генштаба, да и в целом русское офицерство в Великой войне не может пожаловаться на недостаток внимания исследователей, однако при этом его редко рассматривают как военную элиту⁸. Богатейшая литература есть и о германском офицерстве и генералитете⁹, однако и там рассматриваемый аспект далеко не приоритетен.

---

¹ См., напр.: Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России 1905 – 1917. М., 1990.

² Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 388.

³ См., напр.: Архипов И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917 г.: психология надежды и отчаяния. СПб., 2000.

⁴ Hull I.V. The Entourage of Kaiser Wilhelm II, 1888 – 1918. Cambridge, 2004. О пробелах в историографии Февральской революции по данному аспекту проблемы см.: Порошин А.А. Генерал Алексеев и отречение Николая II // Падение империи, революция и Гражданская война в России. М., 2010.

⁵ Несмотря на жесткую критику советскими историками работы М. Майзеля, в постсоветский период адекватной замены ей за счет новых немарксистских работ так пока и не появилось. См.: Mayzel M. Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff during the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979.

⁶ См., напр.: Шендриков Е.А. Генерал Лукомский во время Февральской революции // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. XXXI. Воронеж, 2003.

⁷ См., напр.: Berthold L., Neef H. Militarismus und Opportunismus gegen die Novemberrevolution. В., 1978.

⁸ См., напр.: Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии 1917 – 1920: социальный состав, мировоззрение 1917 – 1920 гг. Орел, 2005; Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917 – 1922 гг.: справочные материалы. М., 2009; Гребенкин А.И. Русский офицер в годы мировой войны и революции. Рязань, 2010; Порошин А.А. Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны. Саратов, 2011;

Сообщения и заметки

Напрашивается необходимость сравнения факторов поведения военных элит в ходе двух отречений, так как специальных работ по данному вопросу нет в обоих случаях¹⁰. Уместно проанализировать хорошо известные события в рамках той логики, которой должны были руководствоваться военные элиты двух стран, принимая участие в роковых для обеих монархий и императорских армий событиях. Ведь генералитет, сколь бы он ни был вовлечен во внутривластные интриги, сохранил особый взгляд на ситуацию, взгляд, диктуемый стратегической обстановкой на фронтах. А к самому отречению монарха относился с точки зрения профессиональной оценки перспективы иного развития событий, их возможного влияния на ход военных действий, что и обусловило выбор не в пользу императоров.

Саму детализацию событий, происходивших в те дни в Ставках, столицах и штабах можно оставить за пределами внимания, так как два этих дня и предшествующие им две недели проанализированы мемуаристами и историками обеих стран буквально по минутам. Были собраны свидетельства едва ли не всех участников и очевидцев, начиная от кайзера и заканчивая второ- и третьестепенными фигурами. Достигнутый уровень фактографии таков, что позволяет даже пускаться в детализированные спекуляции, которые по-своему интересны, но явно не научны и политически ангажированы¹¹.

Нисколько не умаляя отличий между двумя событиями всемирно-исторического масштаба, хотелось бы выделить последовательность общих моментов, как принципиальных, так и совершенно второстепенного, почти случайного характера, для того чтобы иметь возможность делать выводы о типичности или даже неизбежности подобного их исхода.

Основой для сравнений является факт сходства двух консервативных монархий, имевших, несмотря на массу различий, все же достаточно похожую структуру взаимоотношений императора с элитами, в том числе политической и военной. Как в России и после манифеста 17 октября 1905 г. продолжали называть

Черниловский А.А. Первая мировая война в сознании военной элиты России: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2005.

⁹ См. подр.: Ланник Л.В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и русский след в ее развитии. Саратов, 2012. С. 12-30.

¹⁰ Более широкой проблемой – сравнением военных элит России и европейских стран – занимался Е.Ю. Сергеев. Он отмечает существенное сходство, в том числе в ментальности, военных элит именно Российской и Германской империи в начале XX в., что дает основания для дальнейших параллелей между ними. См.: Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России 1900 – 1914. М., 2001.

¹¹ См., напр.: Мультатули П.В. Николай II. Отречение, которого не было. М., 2010. Критику данной работы см.: Бахурин Ю.В. Николай II: конец мифологии. URL: http://actualhistory.ru/antimultatuli-1_2

Сообщения и заметки

монарха самодержцем, так и манеру правления Вильгельма II порой называли полуабсолютизмом. Параллели можно было бы проводить и с третьей консервативной монархией – Австро-Венгрией, а то и, с еще большими натяжками, с четвертой – Османской империей, однако в истории крушения Дунайской монархии слишком явно превалирует национальный вопрос, даже по сравнению с Российской империей. Что касается субъективного фактора событий, чрезвычайно важного в подобных обстоятельствах, то последний монарх двуединого государства – Карл I (IV) – никак не мог сравниться с Николаем и Вильгельмом, которых до некоторой степени можно считать представителями одного поколения¹², бывших к моменту отречения уже людьми далеко не молодыми и процарствовавшими более двух, а то и три десятка лет, в отличие от молодого последнего Габсбурга на троне. Таким образом, остается два примера, на которых можно проследить характерные особенности краха консервативных монархий на исходе тотальной войны.

Особый фактор сходства представляет также и то обстоятельство, что Вильгельм II, ведя в ноябре 1918 г. в Ставке переговоры с генералитетом, не мог не задумываться о судьбе Николая II, к тому моменту еще раз продемонстрировавшего, что для монарха в этой схватке в итоге на кону оказывается жизнь его самого и его семьи. Однако, можно ли с уверенностью утверждать или отрицать факт учета кайзером и его военным окружением опыта Февральской революции и ее последствий в России в ноябрьские дни 1918 г.? Разумеется, предупреждение было более чем понятным, однако быстрый темп событий мог и не позволить провести аналогии. Смогли ли кайзер и его верные соратники осмысленно избежать тех ошибок, что допустил Николай II? Представляется, что нет. Несомненно, страшная гибель российского родственника и его семьи ускорила решение о бегстве Вильгельма в Нидерланды, но на судьбе собственно монархии в Германии она не сказалась.

Крушение по итогам Великой войны четырех империй, отличавшихся недостаточным, по меркам западных демократий, уровнем парламентаризма, а то и его заменой на плохо замаскированную военную диктатуру (в Османской империи), уже накануне Версальского мира заставило говорить о принципиальной неспособности стран с подобной политической системой выдержать напряжение тотальной войной, то есть выстоять в конфликте, где требуются все силы народа, а не только обученная кадровая армия и определенное количество военных материалов. Роковым для консервативных монархий оказалось то, что миллионы представителей низших слоев населения, зачастую не обладавших даже технической возможностью осознать смысл приносимых в ходе войны жертв, получили оружие, которое после

---

¹² Вильгельм II был 1859 г. рождения, Николай II – 1868 г. Карл I (IV) годился им обоим в сыновья, родившись в 1887 г.

Сообщения и заметки

нескольких лет бессмысленной для них бойни они готовы были повернуть внутрь страны, к чему и призывали их ультралевые социалисты. Разумеется, каждая из проблем, так и не разрешенных прежним режимом, по-разному проявилась в ходе революционной бури, в одной из стран приобретая большее, в другой – меньшее значение. Однако, безусловно, общим для всех консервативных монархий явлением стала легкость, с которой были свергнуты казавшиеся столь устойчивыми изнутри режимы, их крушение в несколько дней, даже несмотря на довольно серьезные политические уступки.

Было бы некорректно приписывать это лишь экономическим катастрофам, которые порой были и в стане победителей, или катастрофическим состоянием армии и усталостью от войны, ведь победившая впоследствии Франция весной 1917 г. также столкнулась с очень опасным солдатским мятежом, а Италию и вовсе постигла военная катастрофа при Капоретто осенью 1917 г. Крах консервативных монархий обусловлен прежде всего удивительно схожим состоянием и поведением военных элит в начале революций. Их раскол на тех, кто спасал страну за счет монархии, и тех, кто полагал, что не спасти монархию – значит погубить страну, лишил императоров последней надежды на подавление революции силой и привел к отречению во имя военных интересов.

Затруднительно объяснить очевидные параллели между действиями (бездействием) военных элит в ключевой и крайне непростой ситуации имеющимися в историографии моделями революционного движения. Для России и Германии военное положение в марте 1917 г. и ноябре 1918 г. соответственно было совершенно различным: хотя бы потому, что военная элита России была уверена в победе при условии быстрого обуздания революционного вихря, а менее двух лет спустя военная элита Германии боролась за то, чтобы поражение не превратит в катастрофу. То есть для верхушки армии и флота России социальный катаклизм не казался неизбежным, а вот для германских высших офицеров он был очевиден при любых раскладах, если только не удастся минимизировать последствий проигрыша войны. И все же ситуация в обоих случаях складывалась слишком похожая, чтобы, при всех оговорках, из нее можно было найти принципиально разные выходы: два отречения без контроля монарха и над столицей, и над Ставкой; две сложные и весьма сомнительные сделки между политической оппозицией, прорвавшейся к власти, и некоторой (готовой на это) частью генералитета; два краха монархии как формы правления, что не предусматривалось организаторами отречений; два раскола военных элит в связи с ролью отдельных их представителей в крушении старой армии и прежнего режима, две ситуации, когда слишком многое зависело от психологического состояния военных и качества связи между высшими штабами и столицей; наконец, две элитные, но скорее декоративные части – батальон

Георгиевских кавалеров и штурмовой батальон В. Рора – ставшие последней и до конца верной опорой трона, однако же, заведомо недостаточной. Даже «красой и гордостью революции» в обоих случаях оказались восставшие моряки сильнейшего из флотов каждой державы (соответственно Балтийского флота и Флота Открытого моря). Если не поддаваться конспирологическим версиям хорошо организованного и финансируемого извне заговора, одинаково распространенным как в России, так и в Германии, то остается лишь предположить, что все эти сходства являлись симптомами общего недуга обеих монархий, проявлявшихся с завидным постоянством на соответствующей стадии «заболевания». Дополнительной неумолимости этому процессу придали господствующие среди военных профессионалов любой страны достаточно жесткие механизмы принятия и мотивации решений.

Аргументация в пользу отречения, а точнее, сложения с себя высшей командной власти императорами основывалась на чисто военных соображениях. Вряд ли сам факт достаточно крупных волнений в столице или на базе флота смог бы убедить Вильгельма или Николая отречься, невзирая ни на какие масштабы, необходимые для подавления мятежей. Известные, пусть и довольно трескучие фразы кайзера, и вполне характерные действия царя в подобных ситуациях в 1905 г. являются тому доказательством. При этом угроза военной катастрофы и развала армии, ставшая оружием в руках оппонентов монархов, была, все-таки, всего лишь угрозой. Ни о каком крушении русской армии к концу февраля 1917 г., несмотря на тяжелейшие, но вполне естественные в ходе тотальной войны проблемы экономического и демографического характера, говорить не приходится. Также и при безнадежном стратегическом положении Германии к началу ноября 1918 г., до полного развала ее армии еще было далеко. Антанта, ее военные вожди рассчитывали на зимнюю и даже весеннюю 1919 г. кампанию. Германская военная элита не ощущала себя разгромленной (за редким исключением), что и стало основой для хорошо известной и роковой для последующей политической истории Германии легенды «об ударе ножом в спину»¹³. При всех преувеличениях с обеих сторон, факт остается фактом: к моменту вступления в силу Компьенского перемирия никакого вторжения на территорию самой Германии пока что не состоялось.

Несмотря на отчаянные поиски или, наоборот, попытки приписать все заслуги в организации роковых для монархии беспорядков в феврале 1917 г. и ноябре 1918 г. той или иной политической партии или партийному блоку, к взрыву возмущения оказались не готовы не только правительство и генералитет, но и оппозиционные

---

¹³ Некоторый итог богатой историографии вопроса см.: Barth B. Dolchstoßlegende und politische Desintegration. Das Trauma der deutschen Niederlage im Ersten Weltkrieg 1914 – 1933. Düsseldorf, 2003.

Сообщения и заметки

партии, в том числе радикальные. Это спровоцировало монархов и их окружение на отчаянные поиски организаторов случившегося, причем в первую очередь среди политиков, что ускорило эскалацию конфликта политического, проходившего до некоторой степени параллельно событиям на улицах. Военные в такой ситуации оказались перед непростой дилеммой, так как слепо выполнять распоряжения монарха оказалось поздно, а терять связи с политическими кругами, возникшими в ходе войны и ради общего дела¹⁴, было бессмысленно. Участвовать в очередном витке политических интриг большинство из генералов не имело ни желания, ни способностей, а предугадать, что речь идет о крушении монархии, а не об очередном раунде интриг в ходе парламентаризации государственного строя, было очень сложно вплоть до точки невозврата.

Прямым следствием сложных и не ясных военной верхушке политических маневров императоров стало то, что в критические для монархии часы правительства России и Германии оказались до странности недееспособны, а лидеры их, князь Голицын и Макс Баденский, совершенно безвольны, особенно российский премьер¹⁵. На ключевых для охраны спокойствия в столице военных постах также оказались не те люди. Генерал-лейтенант Хабалов вообще до этого проявил себя только как администратор, воевал в последний раз в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг., а потому и рассчитывать на жесткие действия не приходилось¹⁶. Весьма заслуженный боевой генерал, назначенный весной 1918 г. командующим войсками в Марке, т.е. в Бранденбурге, фон Линзинген был настолько стар и консервативен, что революцию попытался запросто запретить своим приказом!¹⁷ Оба командующих столичными военными округами находились на своем посту к моменту революции около полугода, а потому достаточного опыта действий в экстренных ситуациях не имели.

---

¹⁴ См. подр.: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907 – 1917). М., 2003; Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политики. М., 2000. Относительно влияния военных на внутреннюю политику в Германии см.: *Militär und Innenpolitik im Weltkrieg 1914 – 1918* / bearb. W. Deist. 2 Bde. Düsseldorf, 1970.

¹⁵ Князь Голицын готовность уйти в отставку продемонстрировал с явным облегчением, а Макс Баденский в кризисные часы первых дней ноября, устав от переговоров, принял снотворное и поэтому 36 часов в государственном управлении не мог участвовать чисто физически.

¹⁶ Хабалов при известиях о начале перехода солдат на сторону революционеров заявил, что они «просто плохо проинструктированы». Когда ему сообщили о знаковом для Февральской революции инциденте – убийстве пристава казаками, он раздраженно заметил: «Вот уж этому никогда не поверю». См.: Глобачев К.И. Правда о русской революции. М., 2009. С. 115, 121-122.

¹⁷ Его распоряжение с запретом революции вызвало ряд саркастических замечаний у Ф. Шейдемана, охарактеризовавшего приказ Линзингена так: «Он имеет такой же смысл, как если бы попытались запретить завтрашний дождь». См.: Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967. С. 89; Шейдеман Ф. Крушение Германской империи. М.; Пг., 1923. С. 248-250, 276.

Сообщения и заметки

Довольно резкие перемены к началу революций случились и в обеих Ставках. Генерал Алексеев, который фактически руководил действующей армией, всего неделю как вернулся из отпуска по болезни, когда в Могилеве узнали о беспорядках в Петрограде. В германской же Ставке в Спа всего за несколько дней произошло настоящее кадровое землетрясение – в отставку ушел всесильный Э. Людендорф, затаив обиду на Гинденбурга и злобу на кайзера. Известие об этом потрясло многих военачальников. После некоторых колебаний преемником Людендорфа стал В. Гренер, сыгравший роковую для Вильгельма II роль. Следствием недавнего прибытия в Ставку были некоторая неуверенность обоих фактических главнокомандующих. Незнание ими обстановки, запросы о состоянии войск и ситуации в армиях и на фронтах, совещания с командирами и представителями фронтового офицерства – вещь, немыслимая в военной иерархии. Все это дало высшим офицерам повод превратиться из исполнителей в участников событий.

Бросается в глаза потрясающая пассивность старой военной элиты, ее безвольное наблюдение за крушением основ их бытия. Явно выжидательную позицию занимали представители периферийных фронтов, причем, чем дальше было расстояние от столицы, тем большую паузу брали их командующие и начальники штабов. В ходе Ноябрьской революции в Германии события направляло следующее поколение военных – Гренер, Шуленбург. В ходе Февральской революции в России значительную активность проявил самый молодой из командующих фронтами и флотами – А.В. Колчак. Самые возрастные генералы (Н.И. Иванов – 66 лет и П. фон Гинденбург – 71 год) в лучшем случае молчат, хотя именно им безоговорочно верят и рассчитывают на их активные действия императоры. Специфическую роль играют и династические разногласия, а также личные конфликты. Своего часа на Кавказском фронте ждет Николай Николаевич, а потому не мешает развитию событий. Особую позицию занимает баварский кронпринц Рупрехт, командующий группой армий на Западном фронте, причем кайзер подозревает, что революция затеяна для того, чтобы передать императорскую корону от прусских Гогенцоллернов баварским Виттельсбахам. Николай из всего своего окружения может доверять лишь некоторой части свиты, занимавшей скорее технические, а не командные должности. Вильгельм может положиться лишь на безусловно преданный ему военный кабинет и флигель-адъютантов, но не на военное министерство и Генеральный штаб. На фоне многочисленных интриг, «заговора великих князей», сложных взаимоотношений между кайзером и кронпринцем, получается так, что в решающий момент внимание монархов поглощено совершенно иными конфликтами, главных врагов ищут совершенно не там, а оценка обстановки слишком далека от адекватности.

Технически большую роль в крахе монархии сыграли поездки императоров, из Могилева в Петроград и из Берлина в Спа соответственно. То, что Николай ехал из Ставки в столицу, но так и не добрался¹⁸, а Вильгельм – из столицы в Ставку, и, наоборот, доехал¹⁹, ничего не меняет. Целей своих эти миссии не достигли, оба императора остались и без власти, и без армии. Вильгельм II, приехав в Ставку, услышал только, что присяга ему войск «не более чем фикция»²⁰. Решения об этих переездах императоры принимали не с военной точки зрения, недооценивая опасности до последнего, поэтому они оказались столь беззащитны перед организованным противодействием генералов, которые понимали, что момент для быстрого наведения порядка в столицах упущен. Более того, именно военные в должной мере учитывали, что надежных войск в главном городе страны не может быть много, ибо гвардейские части давно уже брошены на фронт, где понесли в решающих боях недавних кампаний очень тяжелые потери: русская гвардия в боях на Стоходе в августе-сентябре 1916 г., а германская в весенне-летнем наступлении 1918 г. во Фландрии и Франции. Неудивительно, что генералитет, сконцентрировавшись на задачах Великой войны, полагал попытки силового подавления мятежей в столице без надежных войск, которые не нуждаются в переброске и развертывании, т.е. не придется терять драгоценное время и давать возможность взбунтовать войска еще и на фронте, авантюрой, которая будет стоить развала фронта, Гражданской войны и военной катастрофы. Для недопущения такого развития событий императором (а в германском случае еще и наследником престола) можно было пожертвовать, даже пойдя на сделку со своей монархической совестью.

Показательна сумбурность проектов отречения, хотя обсуждались они достаточно долго. Отречения в пользу разных членов императорской династии, вопрос об отречении наследника престола, раскол среди политической и военной элиты по вопросу о возможности сохранения монархии вообще – все эти вопросы сделали результат переговоров с монархами совсем иным, нежели рассчитывали все его участники. Характерно также и то, что монархи озабочены не спасением империи, а совершенно иными вопросами. Николай II был поглощен тревогой о больной семье и думал о том, что происходит в Царском Селе, а не в Петрограде.

---

¹⁸ Характерно, что роковое, вероятно, решение не пытаться силой пробиться в Петроград через Тосно на своем эшелоне Николай II обосновал так: «Поедем до ближайшего Юза». (Раупах Р.Р. фон. *Facies Hierocratica* (Лик умирающего). Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 г. СПб., 2007. С. 203). То есть основой для действий монарха, имевших важнейшее значение, являлось качество связи, а лучшими возможностями в военное время обладали, разумеется, высшие штабы.

¹⁹ Даже расстояния (порядка 700-750 км) – примерно одинаковые.

²⁰ Историческая фраза В. Гренера 9 ноября 1918 г., решившая исход дела. См.: Niemann A. *Kaiser und Revolution. Die entscheidenden Ereignisse im Großen Hauptquartier*. В., 1922. S. 135.

Сообщения и заметки

Вильгельм II в обстановке полного краха все еще грезит о неперенном личном руководстве выводом войск на Родину, пусть и только прусских, если империя ему изменила, так как в отказ Пруссии повиноваться ему он просто не может поверить.

Характерно, что крайне отрицательную роль в обоих случаях сыграли императрицы. Обе стремились приобрести решающее влияние на супругов именно там, где им было важно прислушаться к советам специалистов, а не слепо преданных им людей. Александра Федоровна фактически натравливала мужа на парламентариев, не давая ему пойти на уступки там, где это было действительно возможно. При этом, в критические часы Февральской революции она сама призвала остававшиеся в Царском Селе войска не отказывать сопротивления «во избежание напрасного кровопролития». Императрица Германии Августа Виктория, очень искренне переживавшая за супруга, своими эмоциями и подсказками лишила Вильгельма многих приверженцев, до последнего настаивая, чтобы ему не сообщали плохих новостей, что только усилило шок кайзера в ноябрьские дни²¹.

В России один из немногих военачальников, предлагавших свои услуги для подавления революции, хан Нахичеванский, неизвестным образом собирался навести порядок в Петрограде силами своего Гвардейского кавалерийского корпуса, стоявшего в Ровно(!). Некоторые боевые генералы и адъютанты кайзера советовали ему в ноябре 1918 г. отправиться на фронт и искать там геройской смерти в рядах ведущих отчаянные бои отступающих войск, и это накануне его 60-летия(!). Все это должно было, по их мысли, спасти престиж монархии.

При всей калейдоскопичности событий обращает на себя внимание стремление политиков непременно обеспечить хотя бы формальную преемственность, что было необходимо в первую очередь для того, чтобы дать возможность военным объяснить самим себе и войскам фактическое нарушение присяги. Не мог не понимать этого великий князь Михаил, командир кавалерийского корпуса и генерал-инспектор кавалерии. Макс Баденский, едва ли не проклятый Вильгельмом II за то, что объявил об его отречении, еще до того, как сам кайзер окончательно на него согласился, сделал все, чтобы обставить передачу власти Ф. Эберту, словно речь шла о формировании очередного кабинета министров в рамках парламентской монархии. Несомненную и вполне понятную преемственность демонстрируют самовольные действия органов новой власти, например, образующиеся в Германии явно по русскому образцу советы. В данном отношении можно говорить о том, что военные учли опыт Февральской революции и Приказа № 1, не дав солдатским советам в германских частях действовать полностью самостоятельно, хотя и не сумели вовсе не допустить их образования.

---

²¹ Глобачев К.И. Указ. соч. С. 127.

Сообщения и заметки

Неуправляемый, вопреки столь сложным политическим интригам, ход отречения привел к еще одному общему для обеих революций явлению: крушению политических карьер или совершенно иному исходу для многих главных фигур отречения. Совершенно иначе представляли себя свою дальнейшую роль в событиях М.В. Родзянко и «архитектор» парламентской монархии бывший статс-секретарь иностранного ведомства П. фон Хинтце. Не добились или не удержали высшей военной власти Николай Николаевич и кронпринц Рупрехт Баварский. Ничего не выиграли (мягко говоря) от отречения Михаил Александрович и кронпринц Вильгельм, так долго конфликтовавший с отцом. Не слишком долго наслаждался высоким постом П.Н. Милюков, а М. Эрцбергер и вовсе прожил после революции менее трех лет.

Положение, в котором оказались политические системы двух империй сразу после столь долго подготавливаемого отречения, было отчаянным: нет законного парламента, хотя так и не разошелся прежний его состав, не ясно военное будущее. Однако проблемы, несомненно, только усугубятся. Все держится на формальной и очень хрупкой договоренности между новым политическим и старым военным руководством: между М.В. Алексеевым и Временным правительством, при настороженном поведении Петросовета, добившегося в итоге и ареста царской семьи, и смещения Николая Николаевича, и между В. Гренером и Ф. Эбертом, при крайне осторожном и частичном одобрении этой сделки половиной Совета народных уполномоченных из состава НСДПГ и безусловной враждебности центрального солдатского совета в Берлине. Не было недостатка во взаимных подозрениях и между самими участниками сделки, в том числе обе стороны не знали, насколько серьезные силы стоят за партнером.

Наконец, даже последующие взаимоотношения между замешанными тем или иным образом в крушении монархии представителями военных элит страдали от одного и того же. Поиски виновных, предавших императора, попытки свалить друг на друга вину за шокировавшее поражение в Великой войне привели к расколу даже среди тех, кто впоследствии продолжал считать друг друга соратниками. Никак не изменило этой общей черты даже то обстоятельство, что удаление части военной элиты по требованию деятелей парламента в России произошло уже после отречения – так называемая «гучковская чистка», а в Германии – накануне него, когда по требованию социал-демократов, вошедших в правительство, были удалены ключевые фигуры в Ставке, а Людендорф ушел сам, не дожидаясь этого унижения²². Оба раскола имели самые серьезные последствия для последующего хода событий, вовсе не являясь удалением «балласта», заведомо некомпетентных специалистов, как это пытались представить впоследствии. Тяжелейшие отношения складывались в

---

²² См.: Bauer M. Der Große Krieg in Feld und Heimat. Erinnerungen und Betrachtungen. Tübingen, 1922.

Сообщения и заметки

1918 г. между М.В. Алексеевым, Л.Г. Корниловым и П.Н. Красновым, разные позиции относительно политического наследства Февраля занимали А.В. Колчак и А.И. Деникин. В Германии, раздавленной унижением Версаля, понадобилась целая кампания в прессе, особенно публикация писем Гинденбурга к кайзеру, чтобы оправдать старого паладина в глазах монархических кругов, в первую очередь среди офицерства, и наладить хотя бы формальные отношения между ними. Нужный градус монархизма никак не могли подобрать и создатели рейхсвера – Г. фон Сект и В. Гренер, первый из которых был уволен, несмотря на все свои заслуги в деле спасения Веймарской республики, как только пригласил поучаствовать в маневрах сына кайзера, а второй принял на себя грех отказа от присяги императору, что было нужно всем, да еще и стал «черной овцой», не допустившей военного путча и срыва подписания Версальского мира. Прусский военный министр и первый глава управления сухопутных войск рейхсвера В. Рейнхардт, слывший едва ли не республиканцем (как и Корнилов), лишился поста после монархического Капповского путча, закончившегося провалом так же, как и Корниловский мятеж, из-за акций гражданского неповиновения и без особого кровопролития.

Таким образом, параллелей, пусть и не абсолютного сходства, слишком много, чтобы делать вывод о принципиально разном ходе событий или же случайности многих из них. Если аналогии между политическими течениями или степенью социально-экономического коллапса всякий раз можно будет оспаривать различного рода статистикой и нюансами политических маневров, то четкие, зафиксированные в документах, увязанные с конкретной обстановкой на фронте и в армии мнения генералитета и генштабистов по вопросу о возможности привлечения фронтовых частей к подавлению мятежа по определению куда менее двусмысленны. Маловероятна и их политическая ангажированность, так как в данном случае речь идет о людях, мыслящих в основном категориями военного конфликта, не занятых слабо знакомыми им деталями будущего государственного устройства.

Более или менее общий набор условий и обстоятельств крушения консервативных монархий в ходе тотальной войны таков: совершенно стихийный бунт тыловых или засидевшихся в тылу (в портах) военных (морских) частей, не до конца раскрытые и ликвидированные заговоры в верхах, повышенная активность парламентской оппозиции, отсутствие императора в столице, оставившего ее на попечение безвольного правительства и недееспособного командующего войсками округа, при этом в Ставке император совсем не нужен, он скорее мешает фактическому командованию. На формальный и плохо замаскированный отказ военных повиноваться император реагирует безвольно, хотя и эмоционально, в итоге отречение становится едва ли не бегством от ответственности, хотя крах монархии вообще при этом не подразумевался. Это было следствием того, что как

Сообщения и заметки

сам монарх, так и наиболее близкая к нему часть военной элиты вообще плохо разбиралась в масштабах и причинах произошедшего, которое в значительной мере заслонялось для них семейными и/или династическими проблемами, что буквально повторяет судьбу Людовика XVI в июле 1789 г. На гражданскую войну или быстрый контрреволюционный мятеж среди военной элиты и окружения монархов так никто и не решился²³. Для самой же военной верхушки ее поведение в ходе отречения, чреватое роковыми последствиями, стало незаживающей раной, основой для непреодолимого раскола, причем едва ли не более важной, чем скорый и трагический для Российской и Германской империй исход Великой войны.

---

²³ См.: Абиныкин Р.М. Указ. соч. С. 16-17.

Мурашов Дмитрий Юрьевич

канд. ист. наук

Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова

ВНУТРЕННИЙ ЭМИГРАНТ

(Литературовед А.В. Храбровицкий и пензенское краеведение)

Для общественно-политической жизни Советского Союза 40–50-х гг. XX в. внутренняя эмиграция не была характерным явлением. Она охватывала узкий круг интеллигенции, недовольной существовавшим политическим режимом, но не способной к активной политической деятельности.

Известны общие характеристики внутренней эмиграции: несогласие с властью и господствующей идеологией, невозможность публично это несогласие выразить, а также невозможность настоящей эмиграции либо из-за запретов государства, либо из-за нежелания сделать это по каким-либо внутренним причинам¹.

На персональном уровне все приведенные характеристики применимы к Александру Вениаминовичу Храбровицкому (1912 – 1989) – крупнейшему отечественному специалисту по жизни и творчеству В.Г. Короленко, неутомимому популяризатору его литературно-художественного наследия, с 1939 по 1951 гг. проживавшему в Пензе. Хорошо знавший Александра Вениаминовича историк А.В. Ратнер отмечал, что внутреннее развитие

А.В. Храбровицкий. 1947 г.

---

¹ Иванова Е.Ф. Феномен внутренней эмиграции. URL: <http://www.tolerance.ru/vek-tol/1-0-ivanov.html>

Храбровицкого «представляло собой неуклонное восхождение от самообразования к самопознанию и самосовершенствованию, далее – к просветительству, стремлению делать добро и, наконец, к непримиримой борьбе со злом в любых его проявлениях»². Однажды на этом пути, как преграда, встало советское государство.

Атмосферу внутреннего мира Храбровицкого можно, пожалуй, выразить словами Булата Окуджавы (стихи написаны в 1982 г.) – еще одного внутреннего эмигранта советских лет:

Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант.
В Безбожном переулке хиреет мой талант.
Кругом чужие лица, враждебные места.
Хоть сауна напротив, да фауна не та...
Без паспорта и визы, лишь с розою в руке
Слоняюсь вдоль незримой границы на замке,
И в те, когда-то мною обжитые края,
Все всматриваюсь, всматриваюсь, всматриваюсь я.
Там те же тротуары, деревья и дворы,
Но речи несердечны и холодны пиры.
Там также полыхают густые краски зим,
Но ходят оккупанты в мой зоомагазин.

До приезда в Пензу А.В. Храбровицкий был типичным «сталинским дитя»³. Это его собственная характеристика, данная спустя годы. Работая в газетах, он искренне верил в коммунизм, с полным доверием воспринимал судебные процессы 1930-х гг. над «врагами народа», вдохновенно писал о строительстве московского метрополитена. Выбор им Пензы, как места жительства, был случаен. А.В. Храбровицкий считал, что в Москве он не сможет сделать карьеру и жениться, а в провинции будет «видным, заметным, уважаемым работником; там квартирный вопрос не представляет таких затруднений, там нет суеты и условия для самообразования не хуже»⁴. Само собой (при наличии квартиры) решится и вопрос с женитьбой.

В поисках работы Храбровицкий наряду с Пензой побывал в Рязани и Тамбове, но в Пензе в нем, как в квалифицированном журналисте, оказались более заинтересованы. После встречи с ответственным редактором пензенской областной газеты «Сталинское знамя» (сегодня – «Пензенская правда»), 25 июня 1939 г. Александр Храбровицкий был принят в штат редакции, став литературным

---

² Конспект времени: Труды и дни Александра Ратнера. М., 2007. С. 236.

³ Храбровицкий А.В. Очерк моей жизни. М., 2012. С. 130.

⁴ Там же. С. 93.

сотрудником советско-торгового отдела⁵. Одной из первых публикаций Храбровицкого (под псевдонимом А. Храбров) стал репортаж с открытия 30 июля 1939 г. мемориального музея М.Ю. Лермонтова в селе Лермонтово (ныне – государственный музей-заповедник «Тарханы»)⁶.

Редакция «Сталинского знамени» не была единственным местом работы Храбровицкого⁷. В 1940 – 1942 гг. он являлся сотрудником газеты пензенского отделения железной дороги имени Куйбышева «Большевицкий транспорт». После закрытия газеты в 1942 г. стал методистом пензенского областного отдела народного образования, где курировал музейное дело. Работа привлекла его возможностью заниматься историей, которую Храбровицкий любил с детства. Но из-за напряженных отношений с руководством, не желавшем поддерживать его инициативы, в 1943 г. он возвращается в главную областную газету и работает там до 1947 г. – сначала литературным секретарем, а затем литературным редактором издательства при газете. На фронте А.В. Храбровицкому быть не пришлось. Он был комиссован из-за близорукости.

В газете А.В. Храбровицкий являлся одним из самых высокооплачиваемых сотрудников. Он получал 1 тыс. руб. в месяц, не считая гонораров⁸. В 1945 г. за хорошую работу был награжден грамотой Пензенского обкома ВЛКСМ. Впрочем, не все было так гладко. В 1943 г., являясь дежурным по редакции, при чтке полос газеты от 18 октября Храбровицкий пропустил ряд опечаток, которые едва не были истолкованы в качестве грубой политической ошибки. Речь идет о неправильно набранном тексте сводки Советского информбюро, принятой радисткой редакции по радио. Вместо слов «на правом берегу реки Днепр» было напечатано «на паравом (так в тексте – *Д.М.*) берегу реки Донец». Тираж номера по указанию обкома ВКП(б) был конфискован, а допустившие опечатку, включая Храбровицкого, получили дисциплинарные взыскания и были обязаны оплатить убытки за уничтоженный тираж.

Краеведением А.В. Храбровицкий увлекся в 1942 г. Уход в прошлое был продиктован, по его словам, «столкновением с действительностью»⁹, замалчиванием написанных им критических статей о местных проблемах, фигуранты которых, как правило, пересаживались с одного должностного кресла на другое. Так директор пензенского краеведческого музея, расхищавший в 1942 г. его экспонаты и топивший печи книгами из музейной библиотеки, после статьи Храбровицкого был

---

⁵ Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р-554. Оп. 1. Д. 58. Л. 33 об.

⁶ Сталинское знамя (Пенза). 1939. 1 августа.

⁷ ГАПО. Ф. Р-554. Оп. 2. Д. 47. Л. 324-334.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 81. (Нумерация листов в деле отсутствует – *Д.М.*)

⁹ Храбровицкий А.В. Указ. соч. С. 49.

снят с должности, но тут же назначен лектором горкома партии, читавшим лекции на тему «Моральный облик советского человека». «До этого я думал, – писал Александр Вениаминович, – что у нас справедливость всегда торжествует, нужно только правильно и настойчиво бороться за нее; на примере своей борьбы, несомненно справедливой и общественно важной, я увидел, что это не так, все решает усмотрение одного лица – первого секретаря обкома партии, назначенного из Москвы, борьба с которым невозможна»¹⁰. Другой причиной, расшатавшей веру в справедливость советского строя, стало сравнение окружающей Храбровицкого действительности с примерами из прошлого. В «Очерке моей жизни» (1964 г.) А.В. Храбровицкий писал: «Когда я читал у Короленко статью "Слова министров – дела губернаторов", критикующую в тогдашней легальной печати полтавского губернатора и самого председателя Совета министров Столыпина, я не мог не сравнить это с жалкими попытками моей критики, при которой даже директор музея оказывался недостижимой мишенью (замечу кстати, что разоблачения XX и XXII съездов КПСС явились для меня лишь новыми доказательствами того, что впервые я начал понимать в 1948 г.)»¹¹.

О начале внутренней эмиграции Храбровицкого в Пензе говорил его друг А.В. Ратнер, указывавший, что «верный своему идеалу – "Спешите делать добро" (Ф.П. Гааз)», Храбровицкий «бросается в публицистику и своими разоблачениями вызывает ненависть сильных мира и их подручных. В дневнике появляются записи: "Все упирается в одно – отсутствие гласности, свободной и независимой критики", "Надо, наконец, понять, что живем при диктатуре", "Какое счастье быть беспартийным!.. Свободен, как птица!"»¹².

Результатом переноса внимания А.В. Храбровицкого на историю и краеведение является публикация им 110 заметок и двух книг по местной истории – «Замечательные места Пензенской области» и «Русские писатели в Пензенской области». Храбровицким была разыскана могила изобретателя «русского света» П.Н. Яблочкова, восстановлен памятник на могиле писателя и общественного деятеля В.А. Слепцова, организован выпуск серии брошюр «Замечательные люди Пензенского края» (Белинский, Радищев, Лермонтов, Лажечников, Салтыков-Щедрин, Савицкий). Свои исследования Храбровицкий строил на богатейшей источниковедческой и историографической базе.

По сути А.В. Храбровицкий стал основоположником литературного краеведения Пензенской области. Он назвал имена практически всех русских и советских писателей, связанных с Пензенским краем, составил совместно с

---

¹⁰ Храбровицкий А.В. Указ. соч. С. 48.

¹¹ Там же. С. 48-49.

¹² Конспект времени: Труды и дни Александра Ратнера. С. 238-239.

Личность в истории

А.П. Бариновым первую «Литературную карту Пензенской области». Все последующие исследователи шли уже по его стопам.

Задолго до Г.В. Мясникова, второго секретаря Пензенского обкома КПСС, поднявшего краеведение на уровень региональной политики, Александр Храбровицкий понял, что пензенская земля богата именами, фактами, событиями и это необходимо использовать в воспитании любви к Родине, родной земле. Одна из статей, опубликованная им в «Сталинском знамени», так и называлась «О любви к родному краю»¹³. В ней Храбровицкий предложил программу воспитания любви к Родине через любовь к родным местам. Центром краеведческой работы, ее базой по Храбровицкому призван был стать музей, а уроки истории, литературы, географии в школах должны «быть насыщены местным материалом». Литература о крае, его замечательных людях прописывалась в библиотеках, избах-читальнях, домах культуры. Шире и качественнее должен был стать круг публикаций по краеведению. «Надо понять большое значение и глубокий смысл любви к родному краю, воспитывать и укреплять это замечательное патриотическое чувство», – завершал статью Храбровицкий.

Знакомство с прошлым привело Храбровицкого к довольно радикальным (по советским меркам) мыслям в отношении настоящего, но их он доверял только дневнику и самым близким людям. «Фактически культурная история России, развитие ее философии, литературы, искусства закончились в 1918 году. Все последующее – топтание на месте или регресс. Мы живем на содержании у XIX века... И в эти годы укладывается вся моя жизнь. Что же делать? Понимать невозможность творческой и серьезной умственной работы в этих условиях, сконцентрироваться на том, чтобы, по выражению П.Т. Морозова (пензенский дворянин, краевед – Д.М.), "приводить в известность полезные дела других", совершенные в то время, когда можно было работать, и не утратившие своего значения и интереса... Моя сознательная жизнь – это история освобождения от лжи, в которой я рос и воспитывался. Так же как...Чехов всю жизнь выдавливал из себя раба»¹⁴.

Уезжать из Пензы А.В. Храбровицкий не планировал. Для него, «не имевшего родины», «Пенза стала родиной»¹⁵. Здесь он обзавелся семьей, здесь родились его дети. «Никуда не стремись из Пензы, ибо незачем, – писал Храбровицкий в своем дневнике 1 января 1943 г. – Везде есть трудности и неприятности. Здесь не такой большой и интересный центр, зато целина и люди нужнее»¹⁶.

---

¹³ Сталинское знамя (Пенза). 1943. 23 октября.

¹⁴ Храбровицкий А.В. Указ. соч. С. 119, 125.

¹⁵ Конспект времени: Труды и дни Александра Ратнера. С. 239.

¹⁶ Храбровицкий А.В. Указ. соч. С. 99.

Все, однако, радикально изменилось в 1948 г. в дни всесоюзных мероприятий, приуроченных к столетней годовщине смерти В.Г. Белинского. В Пензе областной библиотекой имени М.Ю. Лермонтова была выпущена брошюра «В.Г. Белинский. Материалы в помощь пропагандисту, агитатору и культпросветработнику». Брошюра вышла по решению областной комиссии по проведению мероприятий, связанных со столетием со дня смерти Белинского. Ее председателем был секретарь пензенского обкома ВКП(б) К.У. Черненко, будущий генеральный секретарь ЦК КПСС. Он лично просмотрел материал и дал ему положительную оценку. Непосредственными составителями брошюры были заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации обкома А.Г. Цветков и заведующая библиографическим отделом библиотеки имени Лермонтова Г.С. Карменян.

А.В. Храбровицкий в газете «Сталинское знамя» от 27 марта 1948 г. подверг брошюру резкой критике. Он указал на «некоторые (далеко не все) ошибки и недостатки сборника»¹⁷. До сих пор непонятно, как статья оказалась пропущенной цензурой, ведь обком партии был главным начальством для пензенской газеты. Основной удар Храбровицкий обрушил на неверно составленную хронологическую канву жизни Белинского, включая неправильно названную дату его рождения. В конце статьи стояла фраза, адресованная, вероятно, власти имущим: «Областному издательству, готовящему новые издания по Белинскому, надо более ответственно подходить к их редактированию». Скандал получился грандиозный. Чтобы его замять в «Литературной газете» 19 мая 1948 г. была опубликована специально подготовленная статья З.С. Паперного «Оба хуже», в которой были показаны недостатки каждой из сторон.

Региональная власть от случившегося дистанцировалась. Это видно из объяснительной записки А.Г. Цветкова, датированной 2 декабря 1949 г. Цветков писал: «Вопрос об этой брошюре мусолится уже почти два года. Никто его не разбирал. Я бы просил товарища Лебедева (первого секретаря Пензенского обкома ВКП(б) – Д.М.) хоть поздно, но разобраться в этом деле». Цветков признал, что в брошюре были ошибки – неправильно показывающие даты (смерти, выпуска литературных произведений) и другие, но «политических ошибок, искажающих образ В.Г. Белинского, принижающих роль русской культуры не было»¹⁸.

Воздействовать на А.В. Храбровицкого местной власти было сложно. Аргументы, приводимые им в отношении Белинского, были точны, к тому же сам Храбровицкий к этому времени уже не работал в «Сталинском знамени» – печатном органе Пензенского обкома, горкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся. С января 1948 г. он являлся членом Литературного фонда СССР и

---

¹⁷ Сталинское знамя (Пенза). 1948. 27 марта.

¹⁸ ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1999. Л. 147 об., 149.

Личность в истории

трудился самостоятельно. Впрочем, мелких придирок, препятствовавших занятию Храбровицким историко-литературной деятельностью, хватало: его лишали возможности пользоваться областным архивом, обвиняли в порче книг в библиотеках и т.п.

В 1949 г. А.В. Храбровицкий вновь поссорился с пензенской властью. Теперь из-за места рождения А.Н. Радищева. В связи с двухсотлетним юбилеем писателя Пензенский обком партии хотел получить мнение Храбровицкого, как авторитетного специалиста, что Радищев родился в Верхнем Аблязове. Это позволяло привлечь в область дополнительные денежные средства, выделяемые на юбилей из союзного бюджета. Однако Храбровицкий говорил, что точных сведений о рождении А.Н. Радищева в Верхнем Аблязове не найдено. Строптивного исследователя вызывали в обком, где требовали, чтобы он согласился с мнением местного партийного руководства. Но Храбровицкий был непреклонен. И даже в подготовленной «Памятке о Радищеве», предназначенной экскурсоводам области, ушел от прямого ответа: «Первый русский писатель-революционер Александр Николаевич Радищев родился в 1749 году, 31 августа по новому стилю. Отец его был богатый помещик. Место рождения Радищева точно неизвестно. По одним данным он родился в Москве, по другим – в селе Верхнем Аблязове (ныне Кузнецкого района Пензенской области), где было поместье его отца»¹⁹.

Юбилейные торжества прошли в Верхнем Аблязове 25 сентября 1949 г. На пригласительном билете стояло: «Митинг, открытие обелиска на месте дома, где родился Радищев...»²⁰ Мнение исследователя власть уже не интересовало. Храбровицкий был списан со счетов. Началось его планомерное выдавливание из Пензенской области.

Как это было, Александр Храбровицкий сам рассказал в своих воспоминаниях: «Такая травля возможна только в провинции, где все в единственном числе и все подчиняется обкому»²¹. Отзвук гонений на Храбровицкого сохранился в его личном деле. В нем есть запросы, датированные сентябрем-октябрем 1949 г., из редакции «Сталинского знамени» в редакции московских газет, где он работал, с просьбой «срочно сообщить производственную и общеполитическую характеристику, а также все имеющиеся компрометирующие сведения на гражданина Храбровицкого Александра Вениаминовича»²². Позднее Храбровицкий писал: «Субъективно я не сделал ошибок, но объективной ошибкой было в тот момент добиваться истины вопреки сильным интересам власти; это можно было сделать и после юбилея, не

---

¹⁹ ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 2202. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 84 об.

²¹ Храбровицкий А.В. Указ. соч. С. 127.

²² ГАПО. Ф. Р-554. Оп. 2. Д. 47. Л. 331-333.

кривя душой при этом нисколько. Но разве мог я так ясно понимать это тогда?»²³

В итоге в июне 1951 г. А.В. Храбровицкий уехал из Пензы в Москву. Город надолго оставил тяжелый осадок в его душе. «...Меня не любили и не любят в Пензе, – с горечью писал он в своем дневнике через шесть лет после отъезда. – Да, заслужить общую любовь нельзя никакими достоинствами. Надо делать то, что считаешь должным, и не ждать признания, которого не будет хотя бы по этой причине»²⁴. Последние слова – кредо Храбровицкого, уже сформировавшегося внутреннего эмигранта, считавшего славу пустым звуком и работавшего только «для внутреннего удовлетворения и для сознания общественной пользы»²⁵.

Следует отметить, что Храбровицкий вполне освоил эзопов язык советской эпохи. Подготовленная им к печати «История моего современника» В.Г. Короленко (1965 г.), судьбой и творчеством которого он увлекся еще в Пензе, при внимательном чтении содержала много аллюзий на советский строй, хотя речь и шла о царской России. Для А.В. Храбровицкого Короленко был «образцовым писателем и общественным деятелем, очень нужным и для настоящего, и для будущего, человеком»²⁶. С ним, писал Храбровицкий, «я полностью сливаюсь духовно»²⁷. Вполне возможно, что именно публицистика В.Г. Короленко (особенно его запрещенные в СССР «Письма к Луначарскому») стала тем литературным мостом, по которому А.В. Храбровицкий перешел в 60–70-е годы XX в. из рядов внутренних эмигрантов уже в диссиденты. Во всяком случае, таковым А.В. Храбровицкий числится в изданном в Нидерландах в 1982 г. на английском языке «Биографическом словаре диссидентов в Советском Союзе, 1956 – 1975»²⁸. Показательно, что Храбровицкий был одним из тех, кто помогал А.И. Солженицыну собирать материалы для «Архипелага ГУЛАГ».

Александр Вениаминович Храбровицкий прожил семьдесят семь лет, большую часть – в Москве. Здесь он получил известность как литературовед и диссидент. Пензенский период – малая часть его биографии. Однако именно Пенза волей обстоятельств оказалась для А.В. Храбровицкого мировоззренческим Рубиконом, превратившим его из обычного советского человека, довольного политическим режимом, во внутреннего эмигранта, а затем и диссидента, вставшего на путь борьбы с ним. Орудием в этой борьбе было слово, в том числе сказанное Храбровицким и на ниве пензенского краеведения.

---

²³ Храбровицкий А.В. Указ. соч. С. 117.

²⁴ Там же. С. 107.

²⁵ Там же. С. 123.

²⁶ Там же. С. 63.

²⁷ Там же.

²⁸ Конспект времени: Труды и дни Александра Ратнера. С. 243.

Калягин Андрей Владимирович

канд. ист. наук

Самарский государственный университет

**ПРОВОКАЦИЯ В ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(постановка проблемы)**

В феврале-марте 1920 г. на территориях Казанской, Уфимской, Самарской губерний полыхал крестьянский мятеж, известный как «вилочное восстание» или восстание «Черного орла». В советской энциклопедии по Гражданской войне читаем: «К середине февраля мятеж охватил $\frac{3}{4}$ волостей Мензелинского, 10 волостей Уфимского, 27 – Белебеевского, 15 – Бирского уездов Уфимской губернии, 15 волостей Чистопольского уезда Казанской губернии и 16 волостей Бугульминского уезда Самарской губернии»¹. По масштабам «вилочное восстание» приравнивают в современной литературе к «антоновщине»². Внимание, однако, привлекают не его масштабы, не действия повстанцев, не выдвигаемые ими противоречивые лозунги...

На проходившем в марте 1920 г. заседании президиума Самарского губернского комитета РКП(б) в связи с ситуацией в Бугульминском уезде отмечалось: «Причиной восстаний, имевших место в Бугульминском уезде, есть некоторые основания думать, *были действия провокационных продовольственных отрядов* (курсив мой – А.К.), которые чинили различные насилия и издевательства над крестьянами»³. Более четко об этом сказано в донесении военно-революционного штаба Самарской губернии непосредственно председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому и начальнику войск ВОХР К.М. Валобуеву: «При опросе жителей выясняется почва

---

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 93.

² Алешкин П.Ф. Крестьянский протест в Поволжье: «вилочное восстание» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7. Ч. 3. С. 17. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/3.html>

³ Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. Л. 42.

Постановка проблемы

восстания. Например, продармейцы в числе 40 человек отбирали хлеб и сваливали его в кучу на снег на глазах, что вызвало сильное возмущение, но однако выясняется, что под флагом продармейцев работает кучка, имея руководителями двух старых помещиков, фамилия которых пока неизвестна. Обнаружен большой шпионаж пришлого элемента, численность повстанцев около 5 тыс. и к ним присоединяются деревни на путях к Бугульме»⁴.

В современной литературе присутствует скептическое отношение к подобным донесениям. В них усматривают стремление местных представителей власти найти организаторов среди «мифических белогвардейцев» и переложить на них всю вину, тогда как никакой организующей и руководящей роли «белогвардейского элемента» в реальности не наблюдалось. «В действительности реальное влияние антибольшевистских сил на крестьянское движение в регионе в 1919 – 1920 гг. было незначительным... Отчеты местных органов и доклады различных уполномоченных по изучению причин "вилочного восстания" убедительно подтверждают стихийный характер крестьянского протеста, обусловленного тяготами наложенных на крестьян повинностей»⁵.

О безобразиях, творимых продотрядами и местными советскими властями, что вызывало справедливое негодование крестьянства, сказано на сегодняшний день достаточно. Но разве это исключает возможность провокации, возможность сознательных противоправных действий антисоветских элементов «под флагом продармейцев»?

До сих пор не проведены серьезные исследования с целью выяснения, что собой представляли (в действительности, а не по формальным признакам) местные органы власти (и красные, и белые, и иные) в плане социального происхождения, политического прошлого, идейного мировоззрения лиц, в них входящих. При этом хорошо известно, что в годы Гражданской войны противоборствующие стороны активно внедряли в ряды противника, и в первую очередь в его военные и властные структуры, свою агентуру. Орган Сибирского ревкома газета «Советская Сибирь» писала: «К нам приходят люди совершенно чуждые всему складу наших мыслей, настроений, приемов работы. Пробираются просто напросто люди, желающие принести вред коммунистической партии. Ведь выяснилось же после сдачи Перми Колчаку, что в чрезвычайной комиссии работали его агенты»⁶.

---

⁴ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. М., 2000. С. 235.

⁵ Алешкин П.Ф. Указ. соч. С. 19. См. также: Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянские восстания в России в 1918 – 1922 гг. От махновщины до антоновщины. М., 2012. С. 116-119.

⁶ Советская Сибирь (Омск). 1920. 27 мая.

Постановка проблемы

И подобное не являлось случайным эпизодом или «досужим вымыслом». Это была именно масштабная практика, что подтверждают и непосредственные участники белого движения. Так в «Записках белогвардейца» упомянут нелегальный кружок в Пензе, который «...имел хорошие связи с окружающими губерниями, организовал в свое время ячейки, помещая их в различные продовольственные отряды и части милиции, имел связь с крепкими крестьянами»⁷. А гвардейский поручик Н.Ф. Сигида, опираясь на собственный опыт работы в белой разведке и контрразведке, характеризовал ситуацию на Юге России: «Наши разведчики имели доступ всюду. Тайная организация полковника Орлова и разведка, оставленная на местах Добровольческой армией, снабдила своими членами все советские учреждения в достаточной мере»⁸. Использовали даже ростовскую федерацию анархистов, которая «...на три четверти своего состава, если не больше, состояла из офицерства, чуждого всякой партийности, а тем более федерации анархистов. Но это давало возможность не только жить, но еще и иметь оружие, бомбы, устраивать демонстрации против большевиков и вообще чувствовать себя непринужденно»⁹.

Правда, Н.Ф. Сигида напрямую ни словом не обмолвился о провокационных действиях, но уже сам факт использования федерации анархистов, чтобы «устраивать демонстрации против большевиков», попадает под их критерии и заставляет задуматься. Тем не менее, в исследованиях по истории белого движения проблема остается вне пределов внимания¹⁰. А.В. Венков выразил даже недоумение тем фактом, что «...пронизавшие все советские структуры белые шпионы не предотвратили (да, видимо, и не стремились) массовых репрессий и зверств, павших на "классового врага" и просто мирных жителей»¹¹.

А зачем, собственно говоря, было предотвращать? Расправы формировали необходимые антибольшевистские настроения. Генерал П.И. Залесский писал: «Все "сопротивления", в какой бы форме они ни проявлялись, созданы действиями самих же большевиков, их грубым и диким насилием над всеми, в ком можно было

---

⁷ Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923. С. 67.

⁸ «Наши агенты от милиционера до наркома». Воспоминания белого контрразведчика Николая Сигиды // Родина. 1990. № 10. С. 65.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ Включая работы, специально посвященные разведывательным и контрразведывательным органам белых. См., напр.: Бортневский В.Г. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время Гражданской войны // Отечественная история. 1995. № 5; Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918 – 1922. М., 2008; Цветков В.Ж. Разведка и контрразведка белогвардейских правительств. 1918 – 1922 годы // Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века – 1922 год. М.; Великий Новгород, 1999.

¹¹ Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 127.

Постановка проблемы

заподозрить несогласие с их взглядами и критику их действий...»¹² Но требуется еще, пожалуй, выяснить, не играла ли белая агентура сознательную роль в организации этого «грубого и дикого насилия над всеми».

Вот картинка из воспоминаний участника Гражданской войны И.П. Толмачева: «В кругу под шутовские выкрики и хлопанье ладоней плясал священник местной церкви. Измученный, загнанный старик, облаченный в парадную ризу, еле передвигал ноги. Со всех сторон неслись понукающие крики: – Больше жизни, батя! – Шпарь всюю! Жги! Жги!» Инициаторы издевательства были задержаны. «На допросе они все выложили начистоту. На эту "операцию" их надоумил атаман станицы Гундоровской Маркин. Перед ними поставили задачу: настроить население станицы против Красной гвардии»¹³.

В эмигрантской печати и данный эпизод и в целом мемуары И.П. Толмачева подвергались остракизму как «ложные фантазии»: «Надоумили на это красногвардейцев, пишет Толмачев, казаки – станичный атаман Маркин, с целью настроить население станицы против красногвардейцев. Т.е. казаки отдали своего священника на издевательство, а остановили это и защитили его красные бойцы. Этой исторической ложью и фантазией пропитана вся книга от начала до конца...»¹⁴ Но признания в использовании приемов и методов провокации встречаются у самих деятелей белого движения, причем достаточно известных и авторитетных. Тот же В.В. Шульгин в рассказе о созданной им подпольной организации «Азбука» скромно, уклоняясь от деталей, но упомянул, что ее работа не ограничивалась сбором и передачей информации руководству Добровольческой армии. Ряд членов «Азбуки», внедренных в советские структуры, «ступили на провокационный путь»¹⁵.

Сообщения о применении провокационных методов можно обнаружить и на страницах белогвардейских газет. Хотя подобные действия оправдывались, как правило, соответствующей политикой советской стороны. Вот что писала, к примеру, выходившая в Омске «Наша газета»: «В тылу противника большевики, как у нас в Сибири, поднимают восстания, делают провокационные выступления, распространяют разные темные слухи, посылают агитаторов, пользуясь для этого каторжным и другим преступным народом. В настоящее время и наше командование

---

¹² Залесский П.И. Главные причины неудач белого движения на Юге России // Белый архив. Т. II-III. Париж, 1928. С. 152.

¹³ Толмачев И.П. В степях донских. М., 1959. (Гл. 2). URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/tolmachev_ip/

¹⁴ Ковалев Е. О книге Толмачева и о статье г. Падалкина // Родимый край (Париж). 1962. № 39. С. 18.

¹⁵ Шульгин В.В. «Азбука» // Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 502-503.

Постановка проблемы

принуждено следовать в известной степени этим правилам»¹⁶.

Самым простым и наиболее, пожалуй, частым приемом было распространение дезинформации и слухов. Практиковалось даже издание «большевистских газет». В Ростове-на-Дону, например, печатались фальшивые «Известия», публикации в которых призваны были разжигать ненависть к большевикам¹⁷. Впрочем, как нам уже известно, «газетной войной» дело не ограничивалось. Арсенал средств был более многообразным.

Активно в ряды противника внедряла свою агентуру и советская сторона. По признанию общественного деятеля и участника добровольческого движения на Дону Л.В. Половцова, большевистские агенты проникали и действовали в Добровольческой армии уже во время Ледяного похода¹⁸. А колчаковец И.К. Волегов описывал ситуацию в Сибири: «Под видом военнопленных из германского плена, пробирающихся в Сибирь и Приморье, они (большевики – А.К.) стали снабжать поддельными документами своих агентов, чтобы засылать к нам в тыл для разведки. Таких людей у нас в тылу было много. Эти агенты не довольствовались малым, а старались проникнуть в штабы нашей Белой армии и занимать руководящие посты»¹⁹. По данным белой контрразведки, каждая партия военнопленных, переходившая фронт, насчитывала от 5 до 10% большевистских пропагандистов²⁰.

Действовала советская агентура в плане разложения белых войск весьма эффективно. Примеров тому существует немало. Ограничимся свидетельством подполковника Ф.Ф. Мейбома о развале 13-й Сибирской дивизии: «...Свежая 13-я Сибирская дивизия, на которую возлагалась такая большая надежда, в течение 7-8 дней кончила свое существование... Чем можно объяснить эту ужасную трагедию? Плохой командный состав? Нет, этого не было. В дивизии велась колоссальная подпольная агитация»²¹. Но исчерпывалось ли дело исключительно агитацией?

Как и в случае с белым движением, найти в современной литературе сведения о применении советской стороной провокационных методов затруднительно. Даже в «Энциклопедии секретных служб России» в разделе, специально посвященном формам и методам деятельности ВЧК, все ограничивается туманным намеком: «В

---

¹⁶ Наша газета (Омск). 1919. 17 сентября.

¹⁷ См.: Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2005. С. 246.

¹⁸ Рыцари Тернового Венца. Воспоминания члена Госуд. думы Л.В. Половцова о 1-м Кубанском (Ледяном) походе ген. М.В. Алексева, Л.Г. Корнилова и А.И. Деникина. Прага, Б.г. С. 141-142.

¹⁹ Волегов И.К. Воспоминания о Ледяном походе. (Гл. XV). URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/volegov_ik/index.html

²⁰ Кирмель Н.С. Контрразведка Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке. 1918 – 1920 гг. // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 92.

²¹ Мейбом Ф. Тернистый путь // Первопоходник (Лос-Анджелес). 1975. № 27-28. С. 19.

Постановка проблемы

первые месяцы своего существования руководство ВЧК пыталось обойтись без секретных сотрудников и негласных средств и использовать только "идейное содействие советских элементов". По этому поводу комиссия даже приняла 18 марта 1918 г. постановление "О недопустимости пользования провокацией в работе ВЧК". Однако в ходе конкретной работы комиссия очень скоро столкнулась с необходимостью создания собственной агентуры»²².

В то же время белая пресса публиковала заметки о деятельности «большевистских шпионов»: «Низкая клевета, самая бесстыдная ложь, подкупы и провокации – все пускается в ход продавшимися германским империалистам врагами русского народа... Являясь в офицерской форме, они непозволительно грубо, не останавливаясь перед избиением, обращаются с солдатами, стараясь восстановить их против офицеров. Одетые в солдатские шинели, большевистские шпионы отнимают лошадей у приезжающих крестьян, точь в точь так же, как это делается ими в кровавом царстве большевизма – в советской России»²³. Газета «Свободная Сибирь» информировала об антиколчаковских волнениях в Ачинском уезде: «Дело началось с того, что организовавшаяся сначала в небольшом количестве банда, под руководством уголовного преступника Перевалова, на масляной неделе побывала в районе Шарыпова, Усть-Парной, Косого Ложка, Линева, Парной, Корелино, Минусинского уезда и Подкамня, причем грабила жителей и порола высказывавших недовольство или чем-либо ей не угодивших. Грабители были в военной форме, с погонями, действия их носили провокационный характер и явно были направлены к тому, чтобы вызвать в населении озлобление против правительства»²⁴.

Абсолютно доверять подобным сообщениям, конечно, не приходится, но доля истины в них присутствует. Красные использовали провокационные приемы и методы не только для дискредитации самого белого движения и его конкретных представителей, но и для выявления противников советской власти. Вот запись из дневника генерала М.А. Фостикова: «Жители станицы Беломечетской долго не верили, что мы действительно казаки, так как за несколько дней до нас в станицу прибыл отряд конных в погонах, ловили комиссаров, расспрашивали об угнетенных большевиками казаках, их отношении к советской власти и повстанцам. Отрядом командовал человек, наряженный в черкеску с генеральскими погонями, в белой папаше и на серой лошади, который объявил населению, что он – генерал Фостиков, восставший против большевиков. Этот отряд позже устроил террор в станице, а все сознавшие в сочувствии ко мне и восстанию были расстреляны. Одежда и даже

---

²² Энциклопедия секретных служб России / Авт.-сост. А.И. Колпакиди. М., 2003. С. 203-204.

²³ Наша газета (Омск). 1919. 10 сентября.

²⁴ Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 13 апреля (31 марта).

Постановка проблемы

самозванец были похожи на меня и мое обмундирование; как потом я узнал, он оделся так, как я был снят на карточке, которую большевики нашли у моей сестры в Баталпашинской»²⁵. А генерал А.В. Туркул сообщает о ненависти, которую питали дроздовцы к Червонной дивизии: «Мы не за то ее ненавидели, что она ходила по нашим тылам, что разметала недавно наш Второй полк, а за то, как червонные обманывали мирное население: чтобы обнаружить противников советчины, червонные, каторжная сволочь, надо сказать, надевали наши погоны». Далее генерал привел следующий факт: «Только на днях конный отряд в золотых погонах занял местечко под Ворожбой. Жители встретили их гостеприимно. Вечером на площади отряд устроил поверку с пением "Отче наш"... Это были Червонные. Третий батальон Манштейна атаковал местечко. Едва завязался бой, Червонные спорили погоны и начали расправу с мирными людьми; в два-три часа они расстреляли больше двухсот человек»²⁶.

Все, что описано выше, было присуще не только белым и красным, но всему спектру участников Гражданской войны, любому ее лагерю. Очевидец из рабочих вспоминал, например, эпизод из периода власти Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания в Самаре. К нему явился некий молодой человек, который повел разговор о необходимости создания у них в мастерских подпольной организации, о том, что рабочим следует вооружиться и выступить при начале наступления советских войск. При этом он утверждал, что специально послан для этого в Самару. Предъявил даже соответствующие мандаты, где подтверждалось, что он направлен с целью организации борьбы против контрреволюции, и высказывалась просьба оказывать ему доверие. «На другой день тот же молодой человек снова явился, арестовал меня и препроводил в контрразведку»²⁷. Случай отнюдь не единичный.

В заключение отметим, что провокация могла применяться не только против «внешних противников», но и внутри каждого из лагерей, как следствие неоднородности составляющих их сил, как следствие существующих между этими силами разногласий и противостояния по тактическим и стратегическим вопросам проводимой политики. И наиболее известным тому примером может послужить убийство 6 июля 1918 г. левыми эсерами немецкого посла графа фон Мирбаха в Москве²⁸.

---

²⁵ Дневник генерала М.А. Фостикова // Дневники казачьих офицеров. М., 2004. С. 108.

²⁶ Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Белград, 1937. С. 131.

²⁷ Поезд смерти. 3-е изд. М.; Куйбышев, 1935. С. 82-83.

²⁸ См., напр.: Хавкин Б.Л. Убийство графа Мирбаха. Кому была выгодна гибель германского посла в Москве // Независимое военное обозрение. 2005. 1 июля. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2005-07-01/7_mirbach.html

Постановка проблемы

Очевидно, что изучение проблемы провокации имеет далеко не второстепенное значение. Развитие исследований в данном направлении может привести не только к конкретизации, но, возможно, и пересмотру «устоявшихся точек зрения» как в оценках частных эпизодов, так и глобальных вопросов истории Гражданской войны. И какие бы осложнения не имелись на данном пути, поставленная проблема заслуживает самого пристального внимания и ожидает своих беспристрастных и скрупулезных исследователей.

Саберов Рушан Анвярович

аспирант

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

ФИННО-УГОРСКОЕ ЖРЕЧЕСТВО XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Коренные изменения, начавшиеся в стране на исходе XX столетия, заставили представителей социума обратиться к поиску возможности сохранения и передачи культурного наследия, одним из проявлений которого является автохтонная религиозность.

Языческие верования финно-угорской группы этносов (марийцы, мордва удмурты), исконно проживающих на территории Среднего Поволжья, существовали на протяжении многих столетий, в том числе в XX в., и продолжают свое развитие в настоящее время. Некоторые ученые ведут даже речь о происходящем у них «языческом ренессансе», выдвигая религиозную формулу «архаика+модерн»¹. Учитывая, что Российская Федерация представляет собой поликонфессиональное многонациональное государство, динамика процессов финно-угорского язычества требует самого тщательного изучения. Одной из важнейших здесь является проблема организации и видоизменения жреческого института, интерес к которому на протяжении XX столетия проявляли многие отечественные исследователи – А.И. Емельянов, М.Е. Евсеев, В.М. Васильев, П.Н. Луппов, Н. Маторин, И.В. Зыков, Н.Ф. Мокшин, А.Ф. Ярыгин, В.Е. Владыкин².

---

¹ Владыкин В.Е. О себе и других, о народах и Человеках, и... Ижевск, 2003. С. 189.

² Емельянов А.И. Курс по этнографии вотяков. Вып. 3. Казань, 1921; Евсеев М.Е. Мордва Татреспублики. Казань, 1925; Васильев В.М. Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск, 1927; Луппов П.Н. Из наблюдений над бытом удмуртов Варзятчинского края, Вотского автономной области. Ижевск, 1927; Маторин Н. Религия у народов волжско-камского края. М., 1929; Зыков И.В. Религиозные течения среди марийцев. Нижний Новгород, 1932; Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968; Ярыгин А.Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976; Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.

Первые шаги в науке

Указанные авторы, изучавшие марийский и мордовский этносы, фиксируют основные жреческие категории: карт (жрец); озкс-атя, озкс-баба (моление + пожилой(-ая), старый(-ая) мужчина/женщина). Удмуртский «клер» подвергся более тщательному анализу. Здесь выделяется основной – торо (лицо выступающее председателем на молении), восясь (жрец) и вспомогательный жреческий «персонал» – парчась (помощник, отвечающий за умерщвление жертвенного животного) и др.³ Все исследователи сходятся во мнении об открытой выборности духовных лиц. При этом они обращают внимание на определенные тенденции и проблемы развития жреческого института. На основе ситуации 80–90-х годов XX в., высказывались даже мысли о происходящем распаде жреческой системы у финно-угорских этносов⁴. Вместе с тем культовая практика не прекращалась.

Современные исследователи финно-угорской культуры также не обходят сюжет, связанный со жреческим институтом. Его изучением занимаются, в частности, Н.С. Попов, Г.Е. Шкалина, Б. Кнорре, Р.Р. Садиков и др.⁵ Данная группа ученых ввела в оборот сведения, полученные в результате полевых исследований обрядовых практик финно-угорских народов в первом десятилетии XXI в.

Однако в изучении проблемы заметно наличие как «хронологических провалов» (в большей степени касающихся как раз XX столетия), так и отсутствие комплексного подхода в изучении жреческого института финно-угорских народов. Отсюда целью статьи является попытка выявить основные тенденции в организации и жизнедеятельности жреческого института этих народов в XX столетии, на протяжении советского и постсоветского этапов. Период этот является наиболее показательным в плане существования нередко даже противоположных тенденций (сохранение – утрата), трансформации и модернизации автохтонной жреческой традиции.

Следует отметить, что, несмотря на антирелигиозную политику, активно проводимую советской властью, языческие моления финно-угорских народов, не прекращались. Описывая общественное моление удмуртов в Сарапульском уезде, происходившее, по-видимому, в 1920/1921 г., исследователь А.И. Емельянов

---

³ См. подр.: Луппов П.Н. Указ. соч. С. 10; Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 104-106.

⁴ Ярыгин А.Ф. Указ. соч. С. 64.

⁵ Попов Н.С. К истории возрождения марийских традиционных молений в конце XX века // Этническая культура марийцев (традиции и современность). Йошкар-Ола, 2002; Шкалина Г.Е. Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола, 2003; Кнорре Б. Марийское язычество под натиском Нью-Эйджа. URL: <http://paganantifa.ucoz.ru/publ/1-1-0-31>; Садиков Р.Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа, 2008; Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007

Первые шаги в науке

отмечает выборность служителей культа, четко фиксирует сам процесс избрания жрецов, который происходил при помощи жребия («тамги») числом семь⁶. Важно отметить, что описания рассматриваемого процесса в разные годы (1906, 1921 гг.), полностью совпадают (порядок действий, структура института служителей культа, их функционал). Это свидетельствует об автохтонности традиции выбора «духовных лиц», проводящих общественное моление.

На удмуртском молении, проходившем в 1921 г. на «Петров день», общее количество священнослужителей, зафиксированных П.Н. Лупповым, равно четырем⁷. Из них первый – «главный поп (восяськысь)», а остальные три – «помощники (восясь-тыр, шедпостысь)»⁸. Главного жреца избирает ворожец – «туно», эту особенность отмечали и предшественники Луппова, например, И. Васильев⁹. Заслуживает внимания возраст жреца – 20 лет. Обычно обязанности служителя культа исполняли лица уже «в возрасте», пользующиеся особым уважением в обществе. Объяснение этого «возрастного казуса» кроется, вероятно, в процессе выбора жреца, важную роль в котором, как было отмечено ранее, играет «ворожец»¹⁰.

Помощники жреца также принимали активное участие в отправлении культа. Так, «тырь» и «шедпостысь», как и «восясь», освящают требы, в основном пиво, причем данная тенденция не отмечалась как характерная для предшествующих столетий¹¹.

Некоторые ученые писали об отсутствии жреческого института у финно-угров. Подобную позицию занимали, в частности, Н. Маторин и М.Е. Евсевьев. Последний прямо утверждал: «Жрецов, для совершения обрядов, у мордвы не было»¹². Вероятно, авторы имели в виду тот факт, что специальной, обособленной жреческой «должности» у представителей рассматриваемых этносов не существовало¹³.

Вместе с тем, Н. Маторин фиксирует сохранность института «духовных лиц» применительно к своему времени: «Еще и сейчас мы находим... у вотяков (удмуртов)

---

⁶ Емельянов А.И. Указ. соч. С. 106-107.

⁷ Луппов П.Н. Указ. соч. С. 10. Предшественник Луппова – Васильев указывает только на трех служителей культа. Однако в его описании фигурирует «заклатель» – «парчась», в данном же случае жертвоприношение было бескровным. (Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков. Казань, 1906. С. 30).

⁸ Луппов П.Н. Указ. соч. С. 10.

⁹ Васильев И. Указ. соч. С. 30. Точно определить функциональные обязанности «туно» представляется затруднительным в силу многообразия оценок роли данного духовного лица в отправляемом культе – ворожец (встречается чаще всего), шаман, знахарь, жрец.

¹⁰ Имеется в виду использование «туно» шаманских практик.

¹¹ Луппов П.Н. Указ. соч. С. 10.

¹² Евсевьев М.Е. Указ. соч. С. 188.

¹³ Маторин Н. Указ. соч. С. 56.

Первые шаги в науке

«туно», которые являются руководителями, как частных, так и общественных жертвоприношений»¹⁴. Примечательно, что исследователь в своей работе использует в качестве наглядно-иллюстративного материала схемы марийского и вотского молений лета 1927 г., указывая на них места расположения служителей культа во время отправления обряда. Данный факт может свидетельствовать о сохранении жреческой традиции вплоть до конца первой четверти XX столетия.

Моления не прекращались даже в условиях коллективизации и Великой Отечественной войны. Следовательно, жреческое «сословие» также не теряло своей значимости. Доказательством может служить статья автора, по всей видимости, пожелавшего остаться неизвестным, П.И. Удмурта в научно-методическом журнале «Антирелигиозник» в 1932 г. Указывая на «связь кулачества с традиционными верованиями удмуртов», автор статьи отмечает: «Кулачество совместно с представителями культа (жрецами) ведет среди населения антиколхозную агитацию под покровом религии»¹⁵. Особое внимание уделяется служителям культа в силу их авторитетности среди населения. Удмурт отмечает стремление жрецов сохранить «культовые обряды». Привлекают внимание примеры, приводимые автором статьи в качестве иллюстрации сохранности языческих пережитков. В частности, он сообщает о ряде молений, которые проводились летом 1931 г., причем число принимавших участие в отпращивании культа колеблется от одного поселения до нескольких деревень¹⁶. Автор не обошел стороной и деятельность совета старейшин «кенеш» (сход), который упоминается еще в работах XIX в.¹⁷ Данный религиозный институт он охарактеризовал как «контрреволюционную конспиративную организацию», являющуюся «агентурой кулачества»¹⁸.

Некоторые исследователи традиционных верований удмуртов отмечают, что целостное отпращивание культа сохранялось вплоть до 30-х годов XX в. Существенное «пагубное воздействие» на религиозную практику оказали коллективизация и последовавшая за ней Великая Отечественная война. Примером тому могут послужить опубликованные архивные материалы, посвященные борьбе с «религиозными пережитками» в республике Башкортостан. В одном из документов 1930-х годов, отражающих распоряжения, спускаемые сверху (заместитель председателя БашЦИК Х. Кильметьев) вниз (райисполком Калтасинского и Мишкинского района), указывается на урон, наносимый сельскому хозяйству в результате совершения вотяками и марийцами жертвоприношений, вследствие чего

---

¹⁴ Маторин Н. Указ. соч. С. 56-57.

¹⁵ Удмурт П.И. О религиозных пережитках среди удмуртов // Антирелигиозник. 1932. № 4. С. 43.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См., напр.: Первухин Н.Г. Эскиз II. Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. Вятка, 1888. С. 12.

¹⁸ Удмурт П.И. Указ. соч. С. 43.

Первые шаги в науке

рекомендуется «усилить разъяснительную работу о гибельности таких жертвоприношений в сельском хозяйстве»¹⁹. Характеризуя развитие марийского жреческого института, авторы отмечают, что в 20–30-е годы XX столетия и позднее служители культа подвергались гонениям²⁰.

Культовая практика, однако, сохранялась. В 1937 г. появилась обличительная статья, автор которой остался неизвестен, направленная против совершения жертвоприношения руководящим составом ряда колхозов: «В колхозе "Энгельс" 7-8-9 октября проводят религиозный праздник курыськон. Председатель колхоза Мухаяров и его заместитель Гизатов, он же член сельсовета, показывая пример колхозникам, также проводят религиозный праздник... Необходимо, чтобы РайЗО, рассмотрев их преступление, приняло необходимые меры»²¹.

Подобное наблюдалось и в годы Великой Отечественной войны. Представитель автохтонной религиозности мари А.И. Рукавишников сообщает о молениях, которые прошли в 1943 г. в разных «священных» местах Марийской АССР²². Респондент отмечает, что послабления действовали до прихода к власти Н.С. Хрущева, после чего наступил новый виток притеснений²³. Свидетельство опровергает встречающуюся в литературе точку зрения, что только в 1949 г. власти позволили провести марийское мировое моление в честь победы над Германией, собравшее десятки тысяч верующих и продолжавшееся дольше недели²⁴.

Приведенные факты подтверждают сохранность жреческого института в первой половине XX века, поскольку совершение общественных жертвоприношений без их участия не представлялось возможным.

Иная ситуация складывалась во второй половине рассматриваемого хронологического отрезка – в 1950-е – 1990-е годы. Исследователи, основываясь на полевых материалах, отмечают усиление здесь кризисных моментов в существовании финно-угорского жречества.

Р.Р. Садиков приводит сведения респондентов, которые сообщают, что традиция проведения общественных молений у удмуртов имела место как в 60-е,

---

¹⁹ Садиков Р.Р. Указ. соч. С. 208.

²⁰ См.: Филатов С. Языческое возрождение – поволжская религиозная альтернатива. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/filatov/?library=1469>; Щипков А.В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. Курс лекций. СПб., 1998.

²¹ Цит. по: Садиков Р.Р. Указ. соч. С. 208-209.

²² Полевые материалы автора (ПМА). Запись беседы с А.И. Рукавишниковым. 24 ноября 2012 г., пос. Куженер, республика Марий Эл.

²³ Там же.

²⁴ См.: Филатов С. Указ. соч.; Шнирельман В.А. Неоязычество и национализм (восточноевропейский ареал). URL: http://www.kolhida.ru/index.php3?path=_etnography/arts/&source=05; Щипков А.В. Указ. соч.

Первые шаги в науке

так и 70–80-е годы XX в.²⁵, другие же обрывают ее на середине 1960-х гг. По всей видимости, это связано с борьбой местных властей с «религиозными пережитками» у удмуртского народа. Особенностью культовых практик стала их скрытность, малочисленность участников жертвоприношений. Садиков отмечает, что «духовные лица» подвергались преследованию со стороны властей, вследствие чего «многие из них прекращали исполнять свои обязанности»²⁶. Процесс упадка наблюдался и в среде марийского жречества, что, по замечанию А.Ф. Ярыгина, проявилось в распаде института картов, в отсутствии его пополнения²⁷.

И, тем не менее, В.Е. Владыкину и Х.Х. Сарву еще в 1980 г. удалось зафиксировать удмуртское моление на Петров день (12 августа) в «луде» деревни Кузебаево Алнашского района Удмуртской АССР²⁸. Моление проводили четыре лица мужского пола, среди них «старший жрец бадзым восясь, следящий за чистотой ужиськись, тор (скорее всего староста общины, раньше определяемый по наследству, позже выбираемый) и посудомойщик тусьтыны-пуньы миськись»²⁹. К сожалению, нет возможности установить лицо, которое непосредственно «режет» жертву, так как исследователи ограничились замечанием: «Потом барану разрезают кожу...»³⁰ В работах предшествующих столетий отмечалось, что эту функцию чаще всего исполнял выборный парчась. Обрядовое облачение жрецов подчеркивает внутреннюю дифференциацию. Ключевым элементом является пояс. Старший жрец одевал традиционный красно-полосатый мужской пояс-путо, а остальные – белые пояса³¹.

В.Е. Владыкин и Х.Х. Сарв отмечают также, что кроме вышеописанного жертвоприношения каждые три года проводились родовые общинные моления в роще «будда». В частности, В.В. Владыкину удалось наблюдать подобную культовую практику в 1983 г. в деревне Кузебаево Алнашского района Удмуртской АССР. Как и в предыдущем описании, автор начинает повествование с перечисления служителей культа: «быдзим торо (большой торо) во время моления сидит на почетном месте, не вмешиваясь в действия, восясь, курискись (старший жрец), парчась (те, кто приносят жертву, точнее разделявают жертвенное животное, 2 человека), нянь-тормач (тот,

---

²⁵ Садиков Р.Р. Указ. соч. С. 209.

²⁶ Там же.

²⁷ Ярыгин А.Ф. Указ. соч. С. 64.

²⁸ Речь идет о совместной экспедиции государственного этнографического музея Эстонской ССР и краеведческого музея Удмуртской АССР проведенной в 1980 году. (См.: Владыкин В.Е. О себе и других, о народах и Человеках, и... С. 147-151).

²⁹ Там же. С. 147.

³⁰ Там же. С. 148.

³¹ Там же.

Первые шаги в науке

кто нарезает хлеб), юрттисьёс (2-3 помощника)»³². Всего в состав «рабочей группы» по отправлению культа входили семь человек. Точно такие результаты нам дают исследования, относящиеся как к дореволюционной эпохе, так и после (для первой четверти XX века)³³.

Тем не менее, некоторые ученые высказывали опасения, связанные с упадком религиозных традиций удмуртов, наблюдаемым в 80-е – начале 90-х годов XX в. В частности, Р.Р. Садиков связывает этот упадок со смертью организаторов культа – восясей, в связи с чем и прекращалась практика общественных молений³⁴. В качестве примера он описывает случай из жизни деревни Касиярово Бураевского района Башкирской АССР, где еще в начале XX в. проводилось примерно 5-6 молений, а к началу 1990-х гг. культовая практика сошла на нет³⁵. Отметим, что подобные тенденции были характерны и для других представителей финно-угорской группы, в частности, марийцев³⁶. Внимание здесь привлекает и еще один момент – вынужденная трансформация жреческой традиции удмуртов. В связи с уходом из жизни кереметь утися (хранителя керемети – священной рощи, места), моления, проводимые в керемети, стал проводить бадзым восясь Нуриев Темиргали³⁷. Подобное совмещение обязанностей в руках одного и того же духовного лица совершенно не характерно для религиозной удмуртской традиции³⁸.

Таким образом, в советский период, несмотря на борьбу с религиозными пережитками, традиционные верования у финно-угров в целом не утратили свою значимость, сохраняется и институт служителей культа, хотя он претерпевает вынужденную трансформацию.

В 1990-е годы наблюдаются некоторые изменения в функционировании института служителей культа рассматриваемых этносов. Несмотря на существование среди исследователей определенного хронологического диссонанса в определении начала деятельности общественно-политических, культурно-просветительских, религиозных организаций³⁹, точкой начала активного возрождения обрядовых

---

³² Владыкин В.Е. О себе и других, о народах и Человеках, и... С. 150.

³³ Васильев И. Указ. соч. С. 17; Емельянов А.И. Указ. соч. С. 106-107.

³⁴ Садиков Р.Р. Указ. соч. С. 209.

³⁵ Исследователь связывает это со смертью последнего знатока традиций бадзым восясь Нуриева Темиргали, дело которого не было продолжено. (Там же. С. 210).

³⁶ Кризис языческой религии марийцев, по мнению А.Ф. Ярыгина, проявился, в частности, в распаде института картов (жрецов), в отсутствии его пополнения. (Ярыгин А.Ф. Указ. соч. С. 64).

³⁷ Садиков Р.Р. Указ. соч. С. 210.

³⁸ См. подр.: Блинов Н. Языческий культ вотяков. Вятка, 1898.

³⁹ На данный факт указывает современный исследователь Р.В. Шиженский. См.: Шиженский Р.В. Проблема генезиса современного русского язычества в работах российских исследователей // *Indigenous religions. «Русь языческая»: этническая религиозность в России и Украине XX – XXI вв.* Нижний Новгород, 2010. С. 18-41.

Первые шаги в науке

практик мари ученые считают 1991-й год⁴⁰. Это подтверждает и один из духовных лидеров марийской традиционной веры А.И. Рукавишников⁴¹. Он сообщает, что в апреле 1991 г. впервые карты (служители культа) приняли участие во Всемарийском собрании, инициаторами которого стали Н.Ф. Рыбаков (в то время госсекретарь Республики Марий Эл), В.В. Иванов, А.И. Якимов, М.Е. Шиляев⁴². Собравшиеся постановили создать религиозную организацию «Ош марий – чимарий» (Белый мариец – чистый мариец)⁴³. Н.С. Попов указывает, что учредительная конференция религиозного центра состоялась 6 июня 1991 г. С этого момента он принял название «Высший административный Всемарийский духовно-религиозный языческий центр "Ошмарий-Чимарий"»⁴⁴. Существует некоторый хронологический «казус», связанный с идеей создания рассматриваемого центра, так как представитель в качестве ключевой даты зарождения указанного решения называет 2 марта, а не апрель 1991 г.⁴⁵

С 1998 г. и вплоть до сегодняшнего дня верховным духовным лидером мари является А.И. Таныгин⁴⁶. В отношении его предшественников исследователи отмечают, что в 1991 г. состоялись выборы Верховного (общемарийского) жреца (тунь онаенг), которым стал писатель А.М. Юзыкайн⁴⁷. Однако данный факт опровергает респондент А.И. Рукавишников: «Юзыкайн сказал, что он будет руководителем Ошмарий-Чимарий, но он не духовник, не карт»⁴⁸. Действительным же «Верховным картом» был С.А. Милютин⁴⁹. После него, с лета 1994 г., «пост» Верховного жреца занял А.И. Якимов⁵⁰.

Изменения происходят и в самоназвании духовных лиц. Наиболее распространенным обозначением служителей культа в научной литературе и периодической печати, как ранее, так и сейчас, является «карт». Но встречаются и иные названия духовных лидеров – «кугузя» (кугыза)⁵¹, а так же «мулла». Последнее в большей степени фиксируется у марийцев, проживающих на территории

---

⁴⁰ Щипков А.В. Указ. соч.; Шнирельман В.А. Указ. соч.

⁴¹ ПМА. Беседа с А.И. Рукавишниковым. 24 ноября 2012 г., пос. Куженер, республика Марий Эл.

⁴² Рукавишников А.И. О Марийской Традиционной Религии в Марий Эл. Б.м., 2011. С. 1.

⁴³ Там же. С. 2.

⁴⁴ Попов Н.С. Указ. соч. С. 95.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Рукавишников А.И. Указ. соч. С. 2.

⁴⁷ Щипков А.В. Указ. соч.; Шнирельман В.А. Указ. соч.

⁴⁸ ПМА. Беседа с А.И. Рукавишниковым. 24 ноября 2012 г., пос. Куженер, республика Марий Эл.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Шнирельман В.А. Указ. соч.

⁵¹ Кузнецов С.К. Остатки язычества у черемис // Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола, 2009. С. 174.

Первые шаги в науке

Республики Башкортостан⁵². Примечательно, что респондент А.И. Рукавишников признает распространенность дефиниции «карт», но уточняет, что в марийском языке служитель культа называется «онаенг»⁵³. Этнограф Н.С. Попов конкретизирует дату перехода к данному обозначению – июнь 1991 года⁵⁴. В 2004 г. марийские «муллы» подтвердили свое согласие на принятие данного наименования⁵⁵. Интересен тот факт, что Рукавишников указывает на возможность, даже в некоторой степени необходимость, наличия у карта навыков лекаря, травника, предсказателя погоды: «Раннее карты могли очень многое, обладали сильной энергетикой, могли предсказывать судьбу, ворожить, даже останавливать явления природы»⁵⁶. Хотя самими служителями культа наличие колдовских практик категорически отрицается, но признается возможность более раннего существования колдунов⁵⁷.

Несмотря на сохранение большинства традиционных элементов марийского жречества, наблюдаются и определенные изменения в их культовых традициях. В частности, происходит процесс постепенного вытеснения устной молитвенной традиции (кумалтыш мут, кумалтыш шомак)⁵⁸, служившей религиозной опорой для всех предшествующих поколений картов. Г.Е. Шкалина так оценивает марийские молитвы: «Поистине без преувеличения сегодня можно назвать Марийскими Ведами многочисленные тексты молитв и заговоров народа мари – кумалтышмут». И далее: «Они так же означают священное знание, передаваемое изустно каждому следующему поколению жрецов и дошедшее до нас как божественное откровение»⁵⁹. Подобное сравнение является попыткой автора удревить сакральную традицию мари и показать ее связь с древнеиндийской традицией. Обращение к ведизму характерно и для некоторых родноверческих славянских объединений. Однако корреляции такого рода скорее представляют собой некую конструкцию свободных трактовок основополагающих элементов автохтонного мировоззрения, не имеющую подтверждения в источниках.

Стремление к универсализации устной молитвенной традиции вылилось в создание свода сакральных текстов. В 1991 г. был издан сборник молитв на разные

---

⁵² См. подр.: Паасонен Х. Большой жертвенный праздник // Календарные праздники и обряды марийцев // Этнографическое наследие. Вып. 1. Йошкар-Ола, 2003. С. 139-150.

⁵³ ПМА. Беседа с А.И. Рукавишниковым. 24 ноября 2012 г., пос. Куженер, республика Марий Эл.

⁵⁴ Попов Н.С. Указ. соч. С. 95-96. Отметим, что в этом же году состоялась учредительная конференция религиозного центра «Ошмарий-Чимарий».

⁵⁵ ПМА. Беседа с А.И. Рукавишниковым. 24 ноября 2012 г., пос. Куженер, республика Марий Эл.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ «Кумалтыш мут, кумалтыш шомак (молитвенные слова, молитва) – устойчивое словесное оформление сакральных текстов и древняя самобытная художественная образность». (Тойдыбекова Л.С. Указ. соч. С. 134).

⁵⁹ Шкалина Г.Е. Указ. соч. С. 103.

Первые шаги в науке

случаи жизни, собранных и обработанных этнографом Н.С. Поповым⁶⁰, который, по мнению исследователя А. Щипкова, является первым богослужебным текстом мари́йского язычества⁶¹. Однако, как замечает один из современных адептов мари́йской традиционной религии В. Мамаева, для мари не характерно единство канонических текстов: «Наши молитвы нельзя читать как Библию, слова должны течь как бы из души человека»⁶². Эту особенность фиксировал еще в XIX в. С.К. Кузнецов: «Под словом "молитва" черемисин понимает только свободную импровизацию на известную тему, главным образом молитвенную импровизацию просительного характера»⁶³. Разделяя мнение исследователей Б. Кнорре и Е. Константиновой, отметим, что в процессе кодификации изначальной традиции имеют место тенденции иерархизации мари́йской веры⁶⁴.

Определенный интерес представляет изучение процессов языческого «ренессанса», протекающих внутри мордовского этноса (в большей степени эрзи). В 1990-е годы отмечались попытки возродить жреческую традицию мордвы. Как отмечает А. Щипков, в 1992 г. под руководством поэтессы Р.С. Кемайкиной было организовано первое после более чем столетнего перерыва языческое моление⁶⁵. Сама Р.С. Кемайкина конкретизирует этот факт: «Первый сельский озкс (моление) был проведен в июне 1992 года в селе Вирь Тавла (Подлесная Тавла) Кочкуровского района республики Мордовия. Потом ежегодно сельское моление стало проводиться в селе Кшуманця Б. Игнатовского района»⁶⁶. Примечателен факт избрания Р.С. Кемайкиной (Маризь Кемаль) первой жрицей эрзянского народа. Данный факт Раиса Степановна комментирует следующим образом: «В 90-е годы XX века в новейшей истории эрзянского народа мне довелось быть первой озавой, сделавшей попытку возродить древнее национальное вероучение и образы»⁶⁷. Отметим, что

---

⁶⁰ Попов Н.С. Мари́й Кумалтыш Мут («Мари́йские молитвы-заклинания»). Йошкар-Ола, 1991. Данный исследователь также обращается к проблеме изменения традиционных верований мари́йцев. (См.: Попов Н.С. Трансформация традиционных верований мари́йцев на современном этапе // IX конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 143).

⁶¹ Щипков А. Мари́йское язычество. URL: <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=5889>

⁶² Цит. по: Попов Ю. Мари́йская традиционная религия перерастает национальные рамки. URL: <http://www.finugor.ru/?q=taxonomy/term/10>

⁶³ Кузнецов С.К. Указ. соч. С. 175.

⁶⁴ Причины появления иерархического принципа координации общин мари́йской народной веры Б. Кнорре и Е. Константинова усматривают в христианском социально-политическом влиянии. (См.: Кнорре Б., Константинова Е. Мари́йская народная вера и борьба за национальные интересы в последнее 10-летие. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=>).

⁶⁵ Щипков А. Указ. соч.

⁶⁶ Личный архив автора. Письмо Р.С. Кемайкиной от 30 ноября 2012 г. С. 2.

⁶⁷ Там же. С. 1.

Первые шаги в науке

сегодня этот духовный лидер фактически отошел от дел. «Сейчас (вот уже 12 лет) я этим не занимаюсь», – признается Раиса Степановна⁶⁸. Это подтверждает и один из адептов эрзянского традиционализма Н.И. Аношкин⁶⁹.

Первый возрожденный «Эрзянь Раскень Озкс» (Всеэрзянское моление) был проведен в июле 1999 г. на Маре (кургане) села Чукалы Б. Игнатовского района⁷⁰. Обряд проводила Р.С. Кемайкина, а организатором – озксонь прявтом – выступил уроженец тех мест Г.Д. Мусалёв, продолжающий свою деятельность и сегодня⁷¹. Практика проведения «Раскень Озкс» наблюдается и в настоящее время, в частности, в 2013 г. организация моления была запланирована на вторую субботу июля⁷².

Таким образом, характеризуя развитие жреческого института финно-угорских этносов в XX столетии, можно отметить его определенную устойчивость. Несмотря на происшедшую в советские времена минимизацию и вынужденные модернизации он сумел, тем не менее, сохраниться, начав активно возрождаться, хотя и в несколько измененном виде, в постперестроечный период. Среди важнейших современных тенденций динамики его развития можно отметить процесс иерархических построений в системе финно-угорского «клира», фиксируемых как исследователями, так и адептами традиционной религии, и происходящую универсализацию устной молитвенной традиции.

---

⁶⁸ Личный архив автора. Письмо Р.С. Кемайкиной от 30 ноября 2012 г. С. 1.

⁶⁹ ПМА. Беседа с Н.И. Аношкиным. 23 июля 2011 г., с. Пикшень, Нижегородская область.

⁷⁰ Личный архив автора. Письмо Р.С. Кемайкиной от 30 ноября 2012 г. С. 2.

⁷¹ Там же.

⁷² Исполком Эрзянь Инекужо определил день проведения «Раскень Озкс – 2013». URL: <http://finugor.ru/node/24225>

Локтева Марина Николаевна

аспирант

Челябинский государственный педагогический университет

**ОБЛИК РЕГИОНАЛЬНОГО СТУДЕНЧЕСТВА КОНЦА XX ВЕКА
(по материалам Южного Урала)**

Значительные изменения в развитии России в постперестроечное время, как в области экономики, так и в области политики, обусловили существенные трансформации и в социальной среде, в том числе в такой социальной группе как студенчество. В силу своих возрастных и психологических особенностей оно быстро и чутко реагировало на все события, происходившие в стране, и в значительной степени являлось индикатором настроения общества.

Поэтому изучение студенчества конца XX века представляет интерес не только в социологическом плане (с целью изучения данной специфической социальной группы, отличающейся свойственными ей условиями жизни, труда и быта, социальным поведением, психологией и системой ценностных ориентаций), но и в плане историческом, целью которого является анализ социально-экономических и политических процессов в российском обществе 1990-х годов посредством реконструкции облика студенчества.

Характеристика студенчества рассматриваемого периода дана в ряде статей, преимущественно социологического, политического и культурологического характера¹. Исследователи акцентировали внимание прежде всего на проблемах социального самочувствия молодежи, ее образе жизни, политических взглядах. Объектом исследования выступало, как правило, студенчество крупных городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска и др. При этом Южно-Уральский регион остался менее исследован.

---

¹ Боровик В.С. Политическая активность современной молодежи. М., 1991. С. 90-132; Вишневский Ю.Р., Рубина Л.Я. Социальный облик студенчества 90-х гг. // Социс. 1997. № 10. С. 56-69; Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Там же. 2000. № 12. С. 50-55 и др.

Первые шаги в науке

Между тем, данный регион имеет большую значимость как крупный промышленный и культурный центр страны. Производственные структурные изменения 1990-х гг. отразились в нем достаточно остро, вызвав существенные сдвиги и в социальной сфере. Изменение промышленного ландшафта региона определило перестройку прочих систем, в том числе системы высших учебных заведений.

В статье делается попытка проанализировать изменения в облике регионального студенчества на примере Южного Урала и его областного центра – города Челябинска в постперестроечный период. Анализ изменений в структуре студенчества, его сущностных характеристик позволяет, в свою очередь, выявить как общие, так и специфические черты процессов, происходивших в российском обществе в 1990-е гг.

В этот период в Южно-Уральском регионе произошли глубокие изменения во всех сферах жизни общества, которые затронули и студенчество высших учебных заведений. Несмотря на спад производства в целом в стране и в регионе, наблюдался рост численности вузов: с 37 в 1991 г. до 46 в 2000 г. В основном это происходило за счет появления негосударственных высших учебных заведений и филиалов государственных вузов. Их рост привел к определенному увеличению численности студентов: с 57 000 чел. в 1990 г. до 70 200 чел. в 2000 г. Однако он был менее динамичным, чем по Уральскому региону в целом. Удельный вес студентов в процентном соотношении даже сократился: с 29,87% в 1991 г. до 25,81% – в 2000 г.² Тенденция к сокращению удельного веса студентов продолжается и в настоящее время, что в значительной степени связано с демографической и отчасти с экономической ситуацией в стране и регионе.

В рассматриваемый период произошел ряд качественных изменений в составе регионального студенчества. Наиболее устойчивыми остались ту же гендерные характеристики. Как и в советский период, в 1990-е гг. характерным было преобладание юношей в технических вузах, а девушек – в гуманитарных. В частности, в Южно-Уральском государственном университете (далее – ЮУрГУ; до 1997 г. – Челябинский политехнический институт им. Ленинского комсомола) количество юношей составляло 76%³; в гуманитарных вузах города Челябинска в основном обучались девушки. Так, в Челябинском государственном университете

---

² Статистика Российского образования. URL: <http://stat.edu.ru/>

³ Подсчитано автором по: Отдел хранения документов Южно-Уральского государственного университета (далее – Отдел хранения документов ЮУрГУ). Ф. Р-1392. Оп. 4. Д. 2866. Л. 3; Д. 2992. Л. 3.

Первые шаги в науке

(далее – ЧелГУ) – 63%⁴, в Челябинском государственном педагогическом университете (далее – ЧГПУ; до 1995 г. – Челябинский государственный педагогический институт) – 75%⁵, в Челябинской государственной академии культуры и искусства (далее ЧГАКИ; до 1999 г. – Челябинский государственный институт искусства и культуры) – 83%⁶.

Рост численности студентов Южного Урала в 1990-е годы происходил преимущественно за счет пополнения выходцами из районных центров и сельской местности⁷, что было характерно для страны в целом⁸. Причиной этому было сосредоточение экономического влияния в крупнейших городах области, в первую очередь в Челябинске, где для студенческой молодежи открывались перспективы дальнейшей жизни и карьеры⁹. Расширение контингента обучающихся за счет привлечения выпускников профессионально-технических училищ (ПТУ) и техникумов происходило значительно медленнее, чем в советскую эпоху, ввиду сокращения численности учащихся ПТУ, «рабочих факультетов» и бесплатных курсов для абитуриентов¹⁰. Проанализировав данные о базовом среднем образовании, мы видим, что большинство студентов вузов (83,5%) впервые получали профессиональное образование, 12,7% окончили техникумы, 3,8% – ПТУ¹¹.

---

⁴ Подсчитано автором по: Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 2866. Л. 3; Д. 2992. Л. 3; Д. 1590. Л. 1; Д. 1694. Л. 1; Д. 1802. Л. 6; Д. 1907. Л. 3; Д. 2021. Л. 4, 6; Д. 2134. Л. 3; Архив федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет» (далее – Архив ЧелГУ). Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 2374. Л. 1; Д. 2502. Л. 1; Д. 2630. Л. 1.

⁵ Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 2531. Л. 1; Д. 2610. Л. 1; Д. 2754. Л. 2; Д. 2680. Л. 4.

⁶ Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 2145. Л. 2; Д. 2402. Л. 2; Д. 2281. Л. 2; Архив Челябинской государственной академии культуры и искусства (далее – Архив ЧГАКИ). Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 2505. Л. 2; Д. 2644. Л. 2; Д. 3038. Л. 2; Д. 3124. Л. 2; Д. 3221. Л. 2; Д. 3414. Л. 2; Д. 3319. Л. 2.

⁷ Вишневский Ю.Р., Рубина Л.Я. Указ. соч. С. 57-61.

⁸ Голуб А.А. Быт студентов, проживающих в общежитиях // Современные проблемы повседневной жизни студенчества. Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII – XXI века). Сб. науч. статей. М., 2004. С. 261.

⁹ Дегтярев П.Я. Социально-экономическая география Челябинской области. Челябинск, 2010. С. 55.

¹⁰ Уфимцев Р.Г. Советская система образования // Общественное Движение «9 мая», 2009. URL: <http://9e-maya.ru/forum/index.php?topic=790.0>

¹¹ Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 2754. Л. 2; Д. 2531. Л. 3; Д. 2610. Л. 3; Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 1590. Л. 1; Д. 1694. Л. 1; Д. 1802. Л. 6; Д. 1907. Л. 3; Д. 2021. Л. 4-6; Д. 2021. Л. 3; Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 2145. Л. 1; Д. 2281. Л. 1; Д. 2402. Л. 1; Д. 2505. Л. 1; Д. 2644. Л. 1; Д. 3038. Л. 1; Архив ЧелГУ. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 2374. Л. 1; Д. 2502. Л. 1; Д. 2630. Л. 1; Д. 2767. Л. 1; Архив ЧГАКИ. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 3124. Л. 1; Д. 3221. Л. 1; Д. 3414. Л. 1; Д. 3319. Л. 1; Отдел хранения документов ЮУрГУ. Ф. Р-1392. Оп. 4. Д. 2866. Л. 3; Д. 2992. Л. 3.

Первые шаги в науке

Изучение облика студенчества 1990-х гг. города Челябинска предполагает анализ отношения студентов к учебной деятельности. Исследование степени удовлетворенности учебными процессами в вузе показало, что большинство студентов в целом были настроены позитивно, особенно это относилось к организации учебного процесса, отношению с преподавателями, бытовыми условиями в вузе. Неудовлетворенность наблюдалась преимущественно по вопросам обеспеченности учебно-методической литературой (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1.

Удовлетворенность студентов качеством обучения в вузе (в процентах)¹²

Характеристика удовлетворенности обучением в вузе	Да	Не очень	Нет
набором и содержанием учебных дисциплин	47	45	8
организацией учебного процесса	56	34	10
своими результатами в зимнюю сессию	34	36	30
отношениями в группе	69	23	8
отношениями с преподавателями	75	23	2
бытовыми условиями в вузе	73	20	7
качеством преподавания	74	24	2
обеспеченностью учебно-методической литературой	30	54	16
технической оснащенностью аудиторий	54	40	6
студенческой наукой	72	18	10

Актуальной была проблема повышения качества обучения в вузах. Поскольку одним из критериев успеваемости студентов являлось наличие у них стипендии, мы провели анализ по имеющимся данным о регулярных денежных пособиях за хорошую и отличную учебу. В начале десятилетия качество успеваемости было

---

¹² Составлено по: Козлов В.Н., Тараданов А.А., Мальцева Л.П., Мишина О.К., Форстман Г.В. Настоящее и будущее ЧелГУ: мнения студентов и преподавателей. Челябинск, 2003. С. 9; Исследование студенческой жизни по вопросам удовлетворенности различными сторонами жизни в вузе // Личный архив зав. социологической лабораторией ЧГПУ Прилуковой Е.Г.

Первые шаги в науке

довольно высоким: 90,7% студентов крупных вузов региона получали стипендию. Во второй половине 1990-х гг. наблюдалось его явное снижение – на 28%. Причем в технических вузах – на 44,6%, в гуманитарных – на 16,4% (см. Таблицу 2).

Таблица 2.

Студенты, получавшие стипендию в вузах Челябинской области в 1991 – 1997 гг. (в процентах)¹³

	1990 – 1992 гг.	1996 – 1997 гг.
Всего по области	90,7	62,7
Южно-уральский государственный университет	79,2	46,5
Челябинский государственный университет	97	53,5
Институт коммерции	93,5	28,5
Челябинский государственный педагогический университет	95,8	85,8
Челябинская академия культуры и искусства	94,0	77,1
Агроинженерный университет	100	55,3
Медицинская академия	97,8	92,1
Уральская академия физической культуры и искусства	91,5	57,6
Магнитогорский государственный педагогический институт	93,2	80,1
Музыкально-педагогический институт им. М.И. Глинки	95,2	80,1
Уральский институт ветеринарной медицины	99,5	90,2

Это было связано с добровольным массовым оттоком из науки, что объясняется низкими заработками, падением престижа научной деятельности и научной карьеры, возрастающим риском безработицы. К началу реформ средняя заработная плата в сфере научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы была на 15% выше средней заработной платы по народному хозяйству, а уже к концу 1992 г. она

¹³ Каримова Н.Б. Высшие учебные заведения // Молодой учитель. 1997. № 9. С. 3.

Первые шаги в науке

стала ниже средней на 30%. Происходило значительное сокращение бюджетного финансирования академической и отраслевой науки. Преподаватели технических вузов не могли качественно и эффективно обучать студентов в связи с отсутствием возможности проведения опытов, экспериментов, что является ключевым и приоритетным в негуманитарных отраслях науки. Если в 1990 г. расходы на науку составляли 5,5-6% ВВП, то уже в 1992 г. – 1,9%¹⁴. Также причиной снижения успеваемости студентов было падение престижа образования в связи с переоценкой ценностей, снижение уровня жизни и необходимость поиска работы как средства существования¹⁵. Все это явилось причиной снижения качества обучения в вузах в конце XX в.

Немаловажной характеристикой облика студентов являлась организация свободного времени. Характерно, что большинство студентов (примерно 90%) время, которое они тратили на подготовку к занятиям и на самообразование, к свободному не относили, они понимали под ним только время досуга. Так, студенты факультета иностранного языка ЧГПУ, уделяя подготовке к занятиям в среднем от 2 до 6 часов, отмечали, что времени для досуга, занятий любимым делом оставалось «очень мало», или «совсем не оставалось»¹⁶. Рассматривая вопрос внеаудиторной деятельности, мы можем отметить традиционность студентов 1990-х гг. в сравнении со студентами предшествующего десятилетия. Свободное время, включавшее в себя творчество и науку, вмещало Дни науки, круглые столы, конференции и конкурсы. Также студенты участвовали в Днях здоровья, проводившихся в летних оздоровительных лагерях «Чайка» (ЧГПИ) и «Парус» (ЧелГУ), спартакиадах между общежитиями и вузами, записывались в студенческие отряды и добровольные пожарные дружины. Досуг, который студенты понимали как время, не связанное с учебной деятельностью и вузом вообще, в большинстве заключался в походах на концерты, на дискотеки, стрельбу в тире и отдых с друзьями в кафетерии¹⁷.

Большая часть студентов вузов были иногородними и, конечно, подавали заявления на проживание в общежитии. Например, в общежитиях ЧелГУ в 1990-е гг. из приезжих койко-местом были обеспечены 72%¹⁸, в ЧГАКИ – 97,9%¹⁹, в ЮУрГУ –

---

¹⁴ Кутепова Н.И. Социальная политика в сфере НИОКР // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. Ч. 1. М., 2009. URL: http://miptic.ru/publications_inv/a_561413.html

¹⁵ Сумин П.И. Депутатские слушания в Законодательном собрании Челябинской области // Молодой учитель. 1998. № 9. С. 3.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 2607. Л. 56.

¹⁷ Там же. Д. 2830. Л. 15; Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 2290, Л. 5; Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 1576, Л. 11.

¹⁸ Подсчитано автором по: Там же. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 1590. Л. 1; Д. 1694. Л. 1; Д. 1802. Л. 3, 5; Д. 1907. Л. 6, 8; Д. 2021. Л. 4, 6; Д. 2134. Л. 1, 10; Д. 2250. Л. 2, 6; Архив ЧелГУ. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 2374. Л. 1; Д. 2502. Л. 2; Д. 2630. Л. 1; Д. 2767. Л. 1.

Первые шаги в науке

95%²⁰, в ЧГПУ – 99%²¹ студентов. Таким образом, администрация вузов сохраняла социальный пакет, давая возможность большинству иногородних студентов проживать в общежитии.

Новые экономические тенденции, связанные со становлением и развитием рыночного общества, коснулись и проживавших в общежитиях студентов, которые по-разному отнеслись к мерам по переводу общежитий на арендную форму обслуживания в 1992 г. Тогда был проведен опрос учащихся, проживающих в общежитиях. Практически половина студентов изменений не почувствовали (46,7%), 32% опрошенных полагали, что условия проживания изменились в лучшую сторону, а 21,3% отметили ухудшения²². В то же время, как и ранее, студенты высказались за то, что порядок и чистоту в общежитии должны поддерживать, в первую очередь, они сами, а органы студенческого самоуправления – оказывать в этом активную помощь. Студенты своими руками приводили в порядок не только комнаты, но и места общего пользования, внутренние дворики. На Урале была аналогичная ситуация.

Остающиеся еще от советских времен проблемы с организацией общественного питания в значительной степени сказывались на иногородних студентах. Те, кто жил далеко от дома, питался недорогими полуфабрикатами. В рационе питания этих студентов преобладали, как правило, лапша, картофель быстрого приготовления и другая готовая продукция. К сожалению, нередко были случаи отравления этой пищей. По воспоминаниям, «в магазинах на прилавках изредка можно было купить мясные консервы, специи. Дефицит товаров ощущался остро. Характерны были большие очереди за товарами. Ситуация несколько улучшилась с 1993 года: в регион стала поступать гуманитарную помощь из США, начали завозить куриные окорочка, так называемые "ножки Буша". Стали появляться колбасы, но цены на них были запредельные»²³.

Для студентов, живущих недалеко от города, были характерны выезды по выходным к родителям и доставка домашней пищи. Особенно в выгодном положении оказывались те, кто имели свое хозяйство. «Они привозили пирожки,

---

¹⁹ Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. Р-392. Оп.1. Д. 2145. Л. 1; Д. 2281. Л. 1; Д. 2402. Л. 1; Архив ЧГАКИ. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 2505. Л. 1; Д. 3038. Л. 1; Д. 2644. Л. 1; Д. 3124. Л. 1; Д. 3221. Л. 1; Д. 3414. Л. 1; Д. 3319. Л. 1.

²⁰ Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. Р-1392. Оп. 4. Д. 2630. Л. 3; Д. 2866. Л. 3; Отдел хранения документов ЮУрГУ. Ф. Р-1392. Оп. 4. Д. 2992. Л. 3; Д. 2866. Л. 3.

²¹ Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 2531. Л. 3; Д. 2610. Л. 3; Д. 2680. Л. 4; Д. 2754. Л. 3.

²² Бовкун В.В. Общежитие в условиях аренды // Социс. 1992. № 3. С. 99-100.

²³ Интервью с преподавателем физического факультета ЧГПУ А.И. Капраловым от 6 июня 2013 г. // Личный архив автора.

Первые шаги в науке

рис, варенье, молоко, масло, творог, мясо, овощи и фрукты, что в то время было малодоступным для студентов ввиду дороговизны товаров. Радует тот факт, что у студентов в общежитии было принято делиться пищей между собой, особенно у девушек. Среди юношей деление пищи или другого чего-нибудь ценного могло происходить принудительным путем²⁴.

В утреннее и дневное учебное время часто посещаемыми местами приема пищи студентов были столовые и буфеты. Их услугами пользовались (на примере ЧелГУ) ежедневно до 46,7% студентов, 2-3 раза в день – до 32,7%²⁵. По данным вузовских СМИ, в частности «Молодого учителя» (ЧГПУ) и «Челябинского университета» (ЧелГУ), в начале 1990-х гг. нередко наблюдались жалобы на качество пищи²⁶. Дефицит и дороговизна продуктов питания неизбежно сказались на ассортименте столовых и буфетов вузов. На витринах обычно были представлены «много пирожных, коржей, блинчиков с яблоками, булочек» и блинчиков с мясом²⁷. В ассортименте явно не хватало овощных и фруктовых блюд, молочной продукции. Профкомы студентов пытались активно включаться в решение этих проблем. Организовывались комиссии по проверке столовых и буфетов, проводились взвешивания порций, выявлялись и предавались огласке недостатки. Целью таких проверок было стимулирование студентов самим решать жизненные проблемы, не быть пассивными²⁸.

Руководство вузами, деканы и преподаватели не были равнодушными к жизненно важным проблемам студентов. На факультете начальных классов ЧГПУ (декан – Н.В. Овчинникова) каждый вторник на протяжении всех 1990-х гг. проводились «витаминные дни», в ходе которых студентам и преподавателям факультета бесплатно раздавалась пища. Призыв декана нашел живой отклик у родителей студентов, которые помогали яблоками, морковью, свеклой, капустой, помидорами и другими продуктами. Однажды родители привезли несколько мешков гречки, консервированное тушеное мясо, копченую колбасу. В столовой для данного факультета бесплатно готовили гречневую кашу, а во время экзаменов и зачетов для поддержания тонуса студентам давались витамины, сладкий чай. Удавалось даже устраивать праздники для студентов: осенью проводились Дни здоровья с участием

---

²⁴ Интервью с выпускником 1996 г. факультета физической культуры и безопасности жизнедеятельности ЧГПУ В.П. Францевым от 15 мая 2013 г. // Личный архив автора.

²⁵ Интервью с бывшим профоргом экономического факультета ЧелГУ, выпускником 2003 г. А.В. Сорокиным от 20 мая 2013 г. // Личный архив автора.

²⁶ ОГАЧО. Ф. Р-861. Оп. 1. Д. 1682. Л. 1; Д. 1576. Л. 16; Гаврилястый О.Ю. Студентам не хватает мяса! // Молодой учитель. 1991. № 9. С. 1.

²⁷ Борискина А.С. Что ест студент? // Молодой учитель. 1999. № 37. С. 4.

²⁸ Гаврилястый О.Ю. Указ. соч.

Первые шаги в науке

преподавателей и родителей. К столу подавалась десертная тыква (особый сорт, не требующий варки) и арбузы²⁹.

Особенностью студенчества периода 1990-х гг. являлось то, что процесс его включения в общественную жизнь шел не только через учебную деятельность и профессиональную подготовку, но и путем формирования независимых материально-бытовых условий, новых форм проявления собственной активности и путем выбора форм социального взаимодействия как с преподавателями, так и с работодателями. Процесс формирования молодежью независимого от родителей финансового, имущественного и жилищного статуса имел две «узловые точки»: 16-17 лет, когда начиналось более или менее массовое включение во взрослую экономическую жизнь, и 21-22 года, когда накапливался первый опыт реализации материально-бытовых намерений студенчества³⁰.

Основным источником доходов для студентов являлась помощь со стороны родителей и близких. Второй по значимости источник – стипендия, но размер ее таков, что в качестве основного источника средства существования могли назвать ее лишь 1/3 студентов. Весьма существенным источником являлась заработная плата, которую в изучаемый период имели 13% студентов. Менее всего (7-8%) студентов, имеющих стабильный заработок, обучались в педагогическом и архитектурном вузах, более всего (16-18%) – в медицинском университете. Стройотряды утрачивали значение в качестве источников средства существования. Их роль (2%) была сопоставима с прибылью от перепродажи товаров, теневого бизнеса и других «новых» видов получения доходов. Конкретные показатели источников дохода студентов Челябинска представлены в *Таблице 3*.

Чаще всего студенты устраивались на работу в основном по двум причинам. Первая – это стремление к обособленности, приобретению некоторой независимости от родителей, материальной самостоятельности, так как появлялась возможность контролировать свои расходы на досуг и развлечения. Вторая – это возможность получать трудовой опыт. Эта необходимость приобрела свою актуальность в связи с изменениями в высшей школе России, в частности, из-за прекращения существования системы практик на различных предприятиях. Работодатель стал отдавать предпочтение на рынке труда опытным работникам, что, естественно, препятствовало реализации выпускников вузов, не имеющих опыта работы. Студент, понимая, что в изменившихся экономических условиях он не сможет полностью реализовать полученные знания, стал использовать возможность

---

²⁹ Интервью с деканом факультета начальных классов ЧГПУ Н.В. Овчинниковой от 4 июня 2013 г. // Личный архив автора.

³⁰ Вишневский Ю.Р., Рубина Л.Я. Указ. соч. С. 58.

Первые шаги в науке

получить трудовую практику до окончания учебы³¹.

Таблица 3.

Источники дохода студентов Челябинска в 1990-е гг. (в процентах)³²

Источник дохода	Основной	Неосновной	Такого нет
Стипендия	28	67	5
Помощь родителей	72	22	6
Зарплата	13	7	80
Стройотряд	2	4	94
Разовые заработки	9	26	65
Перепродажа товаров	2	5	93
Прибыль от акций, вкладов	2	8	90
Незаконный бизнес	2	3	95
Материальная помощь	1	7	92
Пенсии, пособия	3	5	92
Что-то еще	8	92	0

После событий начала 1990-х гг. доля работающих студентов выросла в несколько раз. Как говорил известный юморист, «раньше студенты учились и подрабатывали, а теперь работают и подучиваются». Так, по данным Т.Э. Петровой, подрабатывали 77% студентов технических факультетов, 72% – экономических, 83% – гуманитарных; на I курсе работали 40% студентов, на II – 54%, на III – 81%, на IV – 74%, на V – 77%; две трети из них работали постоянно³³.

Среди сфер занятости студентов преобладала торговля, финансовая сфера, растущая с каждым днем сеть ресторанов быстрого питания, различные виды и формы маркетинговой деятельности и некоторые виды услуг (особенно рекламные и компьютерные). Среди работающих студентов преобладали юноши, примерно в

³¹ Голуб А.А. Указ. соч. С. 263-264.

³² Составлено по: Петрова Т.Э. Российское студенчество и высшее образование. М., 1995. С. 137; Исследование студенческой жизни по вопросам удовлетворенности различными сторонами жизни в вузе // Личный архив зав. социологической лабораторией ЧГПУ Прилуковой Е.Г.

³³ Петрова Т.Э. Указ. соч. С. 137.

Первые шаги в науке

половину. Дополнительный доход имел каждый пятый, среди юношей это 27%, а среди девушек – 14%³⁴.

Наряду с полезным проведением досуга, желанием подработать, наблюдался определенный рост социально-проблемного поведения студентов³⁵. Причинами этого были общие для страны явления (резкое падение жизненного уровня в условиях постперестроечного периода, потеря рабочих мест родителями студентов), а также субъективные факторы: проживание в неблагополучном районе, подверженность влиянию со стороны окружающих, проблемы в семье, с друзьями, увлеченность опасной субкультурой и многое другое. Одной из причин отклоняющегося поведения студентов являлась необходимость зарабатывать на жизнь, что в условиях рыночной экономической модели в 1990-е гг. в России, осуществлялось не всегда законными способами. В такой ситуации образовывался зародыш девиантного поведения, все это подстерегало студента, еще не совсем определившегося со своими жизненными принципами. Естественно, если студент начинал вести такой образ жизни, это оказывало пагубное влияние на учебу в вузе, на отношение с родителями и другими людьми, изменяло взгляды на жизнь. Среди вредных привычек молодежи отмечено курение (юноши 52,5%, девушки 34%), алкоголизм, который был наиболее распространен среди молодежи 17-18 лет (26%). В 1994 г. число взятых под наблюдение больных с диагнозом алкоголизм было в 1,6 раз больше, чем в 1992 г.

В числе актуальных проблем в начале 1990-х были также наркомания и токсикомания. С 1991 по 1994 гг. численность больных этим недугом выросла в 1,5 раза и составила 55 тыс. человек, из которых 65-70% были молодежью. Процент «попробовавших» был равен 24% при опросе молодых людей в возрасте от 14 до 21 года. Рост девиантности был обусловлен прежде всего нестабильностью жизни, плохо решаемыми социальными проблемами, экономическими и политическими потрясениями в стране в постперестроечный период. Кроме того, в связи с распадом Советского Союза и изменением государственных границ, Челябинская область стала пограничной с Казахстаном, через ее территорию резко увеличилось проникновение среднеазиатских наркотиков в Россию, в особенности на Южный Урал. Согласно опросам наиболее популярными видами наркотиков были анаша (27%), кокаин (28%), героин (11%), марихуана (7%), ЛСД (5%), гашиш (4%)³⁶. От такого влияния было очень сложно избавиться, так как происходило массовое давление членов социальной группы на индивида.

---

³⁴ Герчиков В.И. Феномен работающего студента вуза // Социс. 1999. № 8. С. 87-89.

³⁵ Голуб А.А. Указ. соч. С. 267.

³⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-10105. Оп. 1 Д. 38. Л. 7.

Первые шаги в науке

Нельзя обойти вниманием и такую сторону жизни студентов, как создание семьи на этапе обучения. Студенческие семьи – это семьи, где студентом являлся хотя бы один из супругов. Основным изменением в постперестроечный период в семейно-брачных отношениях была смена патриархально-традиционного образа семейной жизни на эгалитарный. Характерными для него были равноправие супругов, их равноценность для общества, сознательное регулирование деторождения. Наблюдалась тенденция в развитии семьи от многодетной к малодетной, о чем говорила демографическая ситуация в стране. Молодые люди, создавая семью, в первую очередь думали о материальных и жилищных проблемах. Выборочные социологические исследования показали, что 44% молодоженов собирались жить совместно с родителями. Остальные респонденты предполагали жить на частной квартире или в общежитии. Около 80% вступающих в брак надеялись получить материальную помощь от родителей, что указывает на экономическую и социальную несамостоятельность молодежи³⁷. Несмотря на обозначенные проблемы, материальная и жилищная ситуация в сравнении с однокурсниками, еще не создавшими самостоятельной семьи, была более благополучной. Конечно, создание семьи сказывалось не только на текущей успеваемости, но зачастую и на потребности в познании. Стоит уточнить, что студенты не торопились к юридическому оформлению своих отношений до того, как не обзаведутся собственным жильем, постоянной работой и не закончат обучение. Поспешность с регистрацией брака, по мнению некоторых студентов, «не ведет к созданию устойчивых семей и лишь увеличивает число разводов»³⁸. В связи с изменением экономического курса страны происходил сдвиг от традиционных семейных ценностей к современным. Психологические составляющие брака, такие как любовь, взаимопонимание, наличие детей были подменены на социально-экономические: материальная обеспеченность, жилищные условия, карьера, что доказывало кризис института семьи³⁹.

Таким образом, радикальные общественно-политические и социально-экономические преобразования в российском обществе в постперестроечный период оказали неоднозначное воздействие на учащихся высшей школы. В 1990-е гг. несмотря на относительный рост количества вузов Челябинской области, удельный вес студенчества имел тенденцию к сокращению. Лицо студенчества было представлено преимущественно девушками в преобладающем числе гуманитарных вузов. Большинство учащихся являлись приезжими из сел и небольших городов областного центра. Контингент студентов состоял в большей степени из выпускников

---

³⁷ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 2000. С. 63.

³⁸ Вишневский Ю.Р., Шапка В.Т. Студент 90-х – социокультурная динамика // Социс. 2000. № 12. С. 57.

³⁹ Куртышева М.А. Как сохранить психологическое здоровье семьи. М., 2007. С. 288.

Первые шаги в науке

средней школы. Для них значимой была родительская поддержка, но в силу материальных сложностей около двух третей студентов вынуждены были подрабатывать, что непосредственно влияло на их успеваемость. Но, несмотря на сложности, приоритетным у студентов являлось стабильное и мобильное настроение, и в меньшей степени кризисные и негативные ожидания⁴⁰. В силу своего возраста и мировоззрения большинство студентов смогло преодолеть трудности и адаптироваться к современности.

---

⁴⁰ Петрова Л.Е. Указ. соч. С. 54.

**КОМИТЕТ ЧЛЕНОВ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В САМАРЕ:
НАЧАЛО И КОНЕЦ
(Из воспоминаний)**

Публикация подготовлена:

Калягин Андрей Владимирович, канд. ист. наук, Самарский государственный университет

В 2013 г. отмечается 95 лет Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания в Самаре (Комуч), который прочно вписал себя в анналы истории как уникальное явление, пожалуй, наиболее ярко выразившее черты и тенденции демократического антибольшевизма.

Работа по сбору и публикации материалов, связанных с деятельностью Комуча, началась еще в годы Гражданской войны¹ и продолжилась по ее окончанию. Из наиболее значимых изданий 1920-х гг. стоит отметить мемуары управляющего ведомством труда Комуча, ставшего впоследствии крупным советским дипломатом и ученым, И.М. Майского². Немало свидетельств очевидцев, рассказывающих о событиях периода существования в Самаре власти Учредительного собрания, было размещено в сборнике Самарского Истпарта «Красная быль»³.

В 1950–1960-е гг. эти материалы были дополнены воспоминаниями, опубликованными в изданиях, которые выходили в связи с юбилейными датами Октябрьской революции и Гражданской войны⁴.

На современном этапе внимание уделено мемуарам тех людей, кто находился по иную сторону баррикад, кто вел борьбу с большевистским режимом. В частности, в рамках темы публикации можно отметить вышедший в серии «Россия забытая и

---

¹ Одним из наиболее ранних изданий стал сборник «Четыре месяца учредиловщины» (Самара, 1919).

² Майский И. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923.

³ Вышло три выпуска сборника. Третий выпуск был полностью посвящен периоду Комуча. (См.: Красная быль. Вып. 1-3. Самара, 1922–1923).

⁴ См., напр.: Боевое прошлое: Воспоминания. Куйбышев, 1958; Были пламенных лет: Рассказывают участники гражданской войны в Самарской губернии. 1917 – 1920 гг. Куйбышев, 1963.

Свидетельства и документы

неизвестная. Белое движение» сборник «1918 год на Востоке России», где собраны воспоминания военных деятелей, относящихся в основном к периоду Комуча⁵.

Но все еще слабо разработан тот пласт свидетельств очевидцев, которые публиковались в антибольшевистской прессе непосредственно в годы Гражданской войны, а впоследствии – в «Воле России», «Современных записках» и иной эмигрантской периодике. Мы решили представить два таких материала, позволяющих взглянуть на то, что происходило в Самаре в 1918 г., глазами людей, враждебно настроенных в отношении большевиков и советской власти.

Первый – это воспоминания свидетеля событий 8 июня 1918 г., когда Самара была захвачена чехами, и в городе установилась власть Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Воспоминания были напечатаны в пермской газете «Освобождение России» 11 июня 1919 г. в связи с годовщиной установления власти Комуча. Их автор сохранил инкогнито, подписавшись псевдонимом «Беженец», но знание деталей и хорошая ориентация в топонимике Самары говорят в пользу его самарского происхождения.

Второй материал – это выдержка из мемуаров С.Н. Николаева⁶, которые в 1931 г. были опубликованы в издававшихся в Париже «Современных записках»⁷. Здесь, напротив, повествуется о «последних часах» Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, его эвакуации 5 октября 1918 г. из Самары в Уфу.

Материалы публикуются с незначительными сокращениями.

**Освобождение Самары чехами 8 июня 1918 г.
(Воспоминания неизвестного очевидца)**

[...] ⁸

Наступление на Самару началось дня за три до ее занятия. 6 и 7 июня чехи стояли в нескольких верстах от Самары за рекой Самаркой и изредка обстреливали город.

---

⁵ 1918 год на Востоке России. М., 2003.

⁶ Николаев Семен Николаевич (1880 – 1976) – эсер, в списках Комуча проходит как депутат Учредительного собрания от Казанской губернии и член Чувашской организации партии социалистов-революционеров (Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 20, 25). Являлся секретарем Комуча. Арестовывался колчаковцами. Впоследствии эмигрировал в Чехословакию.

⁷ Николаев С.Н. Конец Комуча. (Свидетельское показание) // Современные записки. Кн. 45. Париж, 1931.

⁸ Опущен начальный абзац, где автор выражает сожаление, что Самара лишь временно была освобождена от власти комиссаров.

Свидетельства и документы

Нужно отдать справедливость чехам, что они стреляли больше для острастки с высоким разрывом и щадили город, причем, как я уже сказал, выстрелы их были редки, что нельзя сказать про батареи красных, которые «палили» почти через каждые 5-10 минут, хотя результаты их стрельбы были весьма плачевны и не приносили никакого вреда чехам (интересно отметить, что артиллеристам-специалистам, «работавшим» у орудий, красные платили по 100 руб. в час).

Рассказывали, что наводчиком у красных был чех из контрразведки, записавшийся в красноармейцы за несколько недель до наступления чехов.

7 июня Самара была объявлена на осадном положении, и хождение по улицам без разрешительных удостоверений позднее 8 ч[асов] вечера было воспрещено под угрозой расстрела на месте.

По городу были расклеены всевозможного рода воззвания, прокламации и т.п.

В одних извещалось, что вся власть в городе переходит к военно-революционному комитету, в других председатель военно-революционного комитета призывал всех «сознательных товарищей» на борьбу с контрреволюцией, готовящей «нож в спину рабоче-крестьянскому правительству», и наконец, появилось громадное воззвание к чехословакам за подписью чешского вождя Макс⁹, в котором он призывал чехов прекратить борьбу против советской власти и сдать оружие. Как потом выяснилось, воззвания эти были провокацией со стороны большевиков, так как Макс⁹ никогда не выпускал их.

Словом, большевики, предчувствуя свою гибель, не стеснялись в средствах, стараясь всеми мерами успокоить себя и скрыть от населения свою слабость.

Никто из жителей не думал, что в ночь с 7 на 8 Самару займут чехи, все предполагали, что большевики будут защищать город, тем более, что все партийные работники и коммунистические отряды и все сочувствующие были призваны. Мало того, в большевистском официальном органе («Солдат, рабочий и крестьянин») говорилось, что городу не грозит никакой опасности и что «контрреволюционные банды» чехословаков, руководимые русскими офицерами, будут не сегодня-завтра разбиты. Но никто этим заверениям не верил и если не высказывали этого открыто, то в душе все горели желанием, чтобы чехи победили и скорее вошли в город.

В ночь с 7 на 8 июня мне, по счастливой случайности, пришлось быть дежурным по кварталу, где я проживал, в домовой охране. Дежурство распределялось на две смены – с 9½ ч. до 2 ч. ночи и с 2 до 5½ ч. утра. Мое дежурство начиналось с 9½ час[ов].

Получив от дежурного, следящего за сменой, винтовку и патроны, я вышел на свой пост. Вечер был теплый и тихий.

---

⁹ Макс⁹ П.И. – представитель Чехословацкого национального совета в России. Являлся противником выступления чехословаков и их вмешательства в русские дела.

Свидетельства и документы

Стрельба окончательно прекратилась. Была какая-то зловещая тишина; даже собаки, как бы предчувствуя что-то, перестали лаять.

Часов около 12-ти к моему посту подошли еще человека 3-4 из домовой охраны из нашего и соседних кварталов и несколько человек из жителей квартала.

Спустя некоторое время к нам подбежал один из дежуривших в соседнем квартале и сообщил, что ходят какие-то личности и разоружают самоохрану.

Мы все насторожились, сняли с плеч винтовки и приготовились дать должный отпор, у некоторых оказались при себе револьверы, которые были переданы не имевшим вооружения, и все стали смотреть в ту сторону, откуда предполагался приход разоружающих. Действительно, вдали, за несколько кварталов от нас, показался автомобиль и, не доехав до нас всего один квартал, погасил огни и остановился.

Все мы были в мучительном ожидании, не зная, что будет дальше. Но автомобиль, постояв минут 10, повернул в другую сторону и скрылся за углом.

Мы все облегченно вздохнули, повесили винтовки на плечи и, поговорив еще немного, разошлись каждый на свое место.

Стало светать. Шел уже второй час. Через полчаса пришла смена, и я ушел домой.

Не успел я как следует заснуть, как раздались оглушительные выстрелы и разрывы.

Я моментально вскочил и начал одеваться. Орудийные выстрелы раздавались все чаще и чаще, и впечатление было таково, что разрывы происходят как будто над нашим домом. Между орудийными выстрелами можно было различить учащенную стрельбу из пулеметов.

Когда я вышел из своей комнаты, хозяин квартиры также одевался, и мы вместе с ним выбежали на улицу. Было 3 часа утра.

Когда мы выбежали за ворота, мимо нас пробежал красноармеец. На нем была шинель внакидку и под ней виднелась окровавленная рука.

Мы кое-как остановили его.

На наш вопрос, перешли ли чехи мост, он, очевидно, от испуга не мог сразу понять о чем его спрашивают, и только после некоторого томительного молчания, переведя дух, ответил быстро: «нет еще» и бросился от нас бежать, обмотав раненую руку рубахой.

Из соседних калиток также стали выбегать на улицу встревоженные орудийной пальбой жители.

Через несколько минут из-за угла соседней улицы пробежало человек 10-15 солдат, таща с собой на тележке пулемет.

Мы все думали, что это отступающие красноармейцы. Солдаты скрылись за

Свидетельства и документы

противоположным углом, и почти тотчас же послышалась пулеметная стрельба.

Солдаты эти оказались уже чехами, и обстреливали они большевистскую оружейную мастерскую и находившийся при ней склад оружия. Вскоре стрельба прекратилась, и склад был занят чехами.

Не прошло и 15-20 минут, как на нашем и на других углах появилось по два солдата с ружьями – это были чехи, которые, по мере занятия города, расставляли своих часовых.

Народу в это время на улице скопилось уже очень много. Почти все вышли посмотреть, что делается.

Стрельба все еще не прекращалась, но вместо орудийных выстрелов была слышна только учащенная ружейная и пулеметная.

Мы закидывали часовых разными вопросами, вроде того, сколько их, останутся ли они в Самаре или пойдут дальше. Чехи охотно вели беседу, удовлетворяя, насколько было возможно, наше любопытство, но все же просили нас разойтись по домам, потому что мог еще быть обстрел улицы, а, следовательно, и невинные жертвы.

– Через 2-3 часа вы можете спокойно гулять по всему городу, а сейчас нельзя, – вежливо заметил один из часовых.

И, действительно, часов в 6-7 утра весь город был в руках чехов и стрельба уже прекратилась. Жители, как в праздник, ходили большими толпами по улицам и смотрели на лежащих и еще не убранных убитых комиссаров и красноармейцев, а также рассматривали разрушения от попавших в здания снарядов.

Более всего пострадала Заводская улица¹⁰, где в доме купца Сурошникова находился большевистский клуб, в котором, между прочим, был взят председатель революционного комитета Масленников¹¹, которого чехи увели в качестве заложника в свой вагон.

Кроме того, пострадало здание губернской типографии, находящейся рядом с большевистским клубом, в типографии были разбиты положительно все окна, вставка которых обошлась около 10 тыс. рублей.

Чешские легионеры. 1918 г.

---

¹⁰ Современная ул. Венцека.

¹¹ Масленников Александр Александрович (1890 – 1919) – большевик, член Самарского военно-революционного комитета. После захвата чехами был доставлен в Омский концлагерь. Бежал и вел подпольную работу в Омске. В апреле 1919 г. арестован и расстрелян колчаковцами.

Свидетельства и документы

Между прочими комиссарами были убиты на Заводской улице Венцек¹², председатель революционного трибунала, Штыркин¹³, председатель жилищной комиссии. Около здания окружного суда был убит комиссар-мусульманин¹⁴. В одном из соборных садиков лежало 8 трупов красноармейцев и среди них военный комиссар латыш Шульц¹⁵, который, как потом рассказывали, предлагал 40 тысяч рублей за свою жизнь, но и это не помогло, и он был расстрелян.

Убитый в бою с чехами красноармеец

В кармане комиссара Венцек[а] была найдена записка, в которой он просил похоронить его без всяких церковных обрядов.

Часов около 9 утра я попал на площадь у памятника Александру II¹⁶. Народу на площади и в садике было очень много, и все радовались случившемуся.

Войдя в садик, я увидел чехов, которые, составив ружья в козлы, расположились кольцом по всему садiku. Многие из них лежали в тени у самой решетки, некоторые смешались с толпой, переходя от одной кучки к другой, и охотно вступали в разговоры.

Жители наперебой старались чем-нибудь выразить своим избавителям чувство благодарности.

Первым долгом откуда-то появились цветы, и каждый чех имел уже в петличке цветок. Затем жители соседних домов приносили булки, ветчину, колбасу, сыр и проч[ие] продукты питания и все это отдавали чехам. Некоторые, за неимением съестного, предлагали чехам деньги, но ни один из них денег не брал. Тогда кто-то предложил сделать сбор в пользу семей чехословацких воинов, погибших в борьбе с большевиками. Моментажно явились сборщики-добровольцы, и в малый сравнительно промежуток времени было собрано несколько сот рублей.

¹² Венцек Франциск Иванович (1885 – 1918) – большевик. С конца 1915 г. вел партийную работу в Самаре. После Февральской революции 1917 г. избран секретарем Самарского Совета рабочих депутатов, в декабре 1917 г. стал председателем ревтрибунала в Самаре.

¹³ Штыркин Иван Иванович – зав. жилищным отделом Самарского горисполкома (установить биографические данные не удалось).

¹⁴ Речь, вероятно, идет о рабочем Тимашевского сахарного завода Аббасе Алиеве.

¹⁵ Шульц – работник коллегии по формированию Красной Армии (установить биографические данные не удалось).

¹⁶ Памятник находился на Алексеевской площади (современная площадь Революции).

Свидетельства и документы

Немного спустя, я увидел, что к памятнику сквозь толпу протискивается один мой знакомый, некто К. Он быстро взшел на возвышение у памятника и объявил, что власть большевиков в городе свергнута, что сейчас в городской думе идет экстренное заседание представителей партии¹⁷ совместно с прибывшими с чешскими отрядами членами Учредительного собрания, и что по окончании совещания о результатах его сделают доклад члены Учредительного собрания.

Не прошло и 10 минут, как к говорившему оратору подошел какой-то господин и о чем-то стал с ним разговаривать.

Окончив разговор с пришедшим, К. заявил, что совещание в думе кончилось, и слово принадлежит члену Учредительного собрания Брушвиту¹⁸.

На трибуну поднялся господин, только что разговаривавший с К., который и оказался членом Учредительного собрания И.М. Брушвитом¹⁹, который в своем обращении к гражданам заявил, что сейчас образован комитет членов Учредительного собрания, в который вошли только что прибывшие в Самару члены Нестеров²⁰ от Минской губ[ернии], Вольский²¹ – от Тверской, Фортунатов²², Климушкин²³ и Брушвит – от Самарской губернии, и что отныне вся власть на освобожденной территории принадлежит этому комитету.

Затем выступил член Учредительного собрания И.П. Нестеров, который вкратце изложил задачи вновь образовавшейся власти.

Как Нестеров, так и Брушвит в своих речах говорили, что главной задачей комитета является борьба с насильниками-большевиками, освобождение России и скорейший созыв Всероссийского Учредительного собрания, которому они передадут власть и отчет во всех своих действиях.

– В настоящее время, – говорили ораторы, – мы надеемся, что население поддержит нас и поможет нам в нашей борьбе с комиссародержавцами. Необходимы деньги, необходима армия.

---

¹⁷ Партии социалистов-революционеров.

¹⁸ Брушвит Иван Михайлович (1879 – 1946) – эсер. Один из организаторов Комуча. Впоследствии эмигрировал в Чехословакию.

¹⁹ В тексте воспоминаний ошибочно напечатано – Е.М. Брушвитом.

²⁰ Нестеров Иван Петрович (1887 – 1960) – эсер. Один из организаторов Комуча. Впоследствии участвовал в борьбе с режимом А.В. Колчака. Эмигрировал в Чехословакию.

²¹ Вольский Владимир Казимирович (1877 – 1937) – эсер. Один из организаторов Комуча, являлся его председателем. После колчаковского переворота перешел на позиции сотрудничества с советской властью и поддержки большевиков в борьбе с белым движением.

²² Фортунатов Борис Константинович (1886 – 1936) – эсер. Один из организаторов Комуча. Впоследствии перешел на сторону большевиков, воевал в составе Первой конной армии.

²³ Климушкин Прокопий Диомидович (1886 – 1958) – эсер. Один из организаторов Комуча. Был противником режима А.В. Колчака. С 1920 г. в эмиграции, жил в Чехословакии.

Свидетельства и документы

Первоначальный состав Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918 г.

Слева направо: Б.К. Фортунатов, П.Д. Климушкин, И.М. Брушвит, В.К. Вольский (председатель), И.П. Нестеров

Речи ораторов покрывались дружными аплодисментами.

Кто-то из толпы предложил снять с памятника²⁴ доски²⁵. Моментально нашлись охотники, появились топоры, молотки и через 10-15 минут памятник был освобожден от скрывавших его досок.

После этого толпа стала срывать надписи большевистских названий улиц на углах.

Дворянская была переименована большевиками в Советскую, Панская в Петроградскую, Саратовская в Красноармейскую и т.д.

Возвращаясь домой, я уже видел на заборах и витринах объявления за подписью Комитета членов Учредительного собрания: население призывалось к спокойной работе совместно с Комитетом. Кроме того был расклеен приказ о мобилизации за два года²⁶ и формировании добровольческой армии.

Таким образом, день 8 июня является историческим днем. Он положил начало образования Поволжского фронта, освобождения Поволжья и Приуралья, а что

---

²⁴ Памятника Александру II.

²⁵ Нужно сказать, что к[о] дню празднования 1 мая большевики хотели убрать памятник, но, очевидно, сообразили, что для уборки времени не хватит, а потому распорядились обшить его досками, после чего памятник представлял из себя пирамиду. Говорят, эта затея стоила около 18 тысяч рублей. (Прим. автора воспоминаний).

²⁶ Здесь автора воспоминаний подвела память. Призыв в армию молодежи рождения 1897 и 1898 гг. был объявлен приказом № 64 от 30 июня 1918 г.

Свидетельства и документы

самое главное, создания Народной армии, на смену которой пришла великая и могучая Сибирская армия.

[...] ²⁷

Беженец. Освобождение Самары чехами 8 июня 1918 г. (Из воспоминаний) // Освобождение России (Пермь). 1919. 11 июня.

Конец Комуча (Из воспоминаний С.Н. Николаева)

3 октября 1918 г. заседание Комитета членов Учредительного собрания, ставшее последним его заседанием, затянулось до глубокой ночи. В 2 часа ночи в помещение Комитета во время его заседания явился помощник управляющего военным ведомством поручик В. Взоров и просил выслушать его в президиуме Комитета по весьма важному и неотложному делу. Он сообщил, что по полученным в главном штабе сведениям части красных обходным движением со стороны Николаевска направляются к станции Кинель и, если не удастся ликвидировать это предприятие красного командования в течение наступающего дня, Самара может быть отрезана от Уфы, и сообщение с последней будет прервано. Он добавил, что положение Самары очень серьезно, и что хотя к отражению красного отряда и приняты меры, но за успешность этих мер военное командование ручаться не может.

Заседание Комуча. 1918 г.

Понятно какое впечатление на Комитет должно было произвести это сообщение. Возможность эвакуации Самары заранее предвиделась и своевременно были приняты меры к вывозу ценностей и некоторых учреждений. Но никто – ни из среды Комитета, ни военное командование – не допускали мысли о возможности таких смелых маневров Красной армии, пока части Народной армии и чехословацких войск не оставляли Сызрани. Поэтому, несмотря на решительность заявлений тов[арища] у[правляющего] в[оенным] вед[омством], у некоторых членов Комитета возникли сомнения в полной правдоподобности сообщенного. Эти сомнения впоследствии оказались в значительной степени оправданными. Тем не менее, Комитет решил приступить немедленно к вывозу имущества и дел Комитета, а также предложить своим членам незамедлительно выехать из Самары и

---

²⁷ Опущен завершающий абзац, где автор выражает уверенность в скорой победе над большевиками.

Свидетельства и документы

предупредить о предполагаемом оставлении Комитетом Самары всех служащих Комитета.

К 3 часам дня 4 октября члены Комитета вместе с пожелавшими эвакуироваться служащими покинули помещение Комитета. В городе временно оставались лишь председатель Комитета В.К. Вольский с некоторыми членами Совета управляющих ведомствами, несколько человек членов Комитета (Гендельман²⁸, Н.Н. Иванов²⁹, Буревой³⁰ и др.) вступили добровольцами в состав отряда имени Учр[едительного] собрания и покинули Самару лишь 7 октября.

Картину необычайного смятения представляла Самара в тот день. Зловещий красный призрак встал над Самарою и наполнял тысячи сердец трепетом и смятением. Тяжелая, давящая печаль и суетливая озабоченность заняли места прежней жизнерадостности и оживления. Перспективы полной неизвестности и бездомного скитания открывались для покидающих город, и картины страшной мести красных, жестокого гнета и террора открывались перед мысленным взором многих остающихся в городе. Город превратился в встревоженный муравейник. По улицам города потянулись экипажи отъезжающих и обозы эвакуируемых учреждений. Многие дома, оставляемые уходящими учреждениями и магазины, покидаемые хозяевами, смотрели заколоченными гробами и вселяли в душу холодную жуть. На вокзале творилось нечто невообразимое.

Как провожала уходящую власть Самара? Какие чувства переполняли сердца самарцев по отношению к уходящей незадачливой власти: сожаление ли о конце ее или злорадство, ненависть и проклятие?

Едва ли можно дать на этот вопрос один общий ответ. В том людском смятении и хаосе, которые переживала Самара в те последние дни, были, конечно, самые разнообразные оттенки переживаний, настроений, чувств и форм поведения. И всякая классификация их может быть только условна и не может она обнять и отображать все многообразие сотен тысяч индивидуальных переживаний. Но уловить основные оттенки их все же было можно. Грубо-схематически вся масса населения Самары делилась на три политические категории, в зависимости от этого определялись их политические симпатии и антипатии. От власти Комитета отталкивались оба противоположных полюса русской общественности: так

---

²⁸ Гендельман (Якоби) Михаил Яковлевич (1881 – 1938) – член ЦК партии социалистов-революционеров, входил в состав Комуча. Был товарищем (заместителем) председателя Комуча В.К. Вольского.

²⁹ Иванов Николай Николаевич (1888 – 1937) – эсер, член Комуча. После колчаковского переворота был арестован колчаковцами. Бежал. Вел нелегальную работу на территории советской России.

³⁰ Буревой (Сопляков) Константин Степанович (1888 – 1934) – член ЦК партии социалистов-революционеров, входил в состав Комуча. После колчаковского переворота перешел на позиции сотрудничества с большевиками, за что был исключен из партии.

Свидетельства и документы

назыв[аемая] «буржуазия» с одной стороны, и большевики с другой. Гибель Комитета первой из них, по крайней мере, не оплакивалась, если не благословлялась; а вторые этой гибели могли только злорадствовать. Однако, внешне ни та ни другая группа не выявилась в каких-либо против Комитета направленных актах. От «буржуазии» и ждать этого было нельзя. Она заблаговременно покинула город и в поисках лучшей для себя жизни устремилась в Сибирь. Другие – большевики и их сторонники были так ничтожны и слабы, что даже в самые последние минуты, когда в городе почти уже не было власти, не смогли, хоть для вида, выступить против уходящей власти, не смогли создать ей того или иного затруднения. Последние дни Комитета в Самаре не ознаменовались ни одним выстрелом, ни одной враждебной демонстрацией, никакими актами беспорядка. Даже в день 7 октября, когда Самару покидали последние остатки Комитета, отряд имени У[чредительного] с[обрания] спокойно, со спущенными знаменами и другими знаками военной почести, прошел мимо помещения, где два дня тому назад помещался Комитет.

Огромное же большинство населения, в течение четырехмесячного существования Комитета свыкшееся с установленным Комитетом режимом и внутренне его принявшее, с глубокою скорбью наблюдало конец Комитета, но не находило путей и средств для его защиты и спасения. Все организованные силы города – городская дума, общественные и политические организации и объединения – готовились и призывали всех к защите города от большевиков. Но, как и все принимаемые в последний момент меры, все это обращалось в пустую трату энергии и сил. Население оставалось без защиты и со страхом и тяжелыми чувствами оставалось в городе в ожидании своей участи.

К 5 часам вечера 4 октября был подан поезд для Комитета. Члены Комитета составляли в нем незаметную группу, занимая всего два вагона. Все остальные вагоны были заняты эвакуируемыми служащими самого Комитета и разных учреждений, а также политическими и общественными деятелями Самары.

Отход поезда был назначен ровно в пять часов вечера 4 октября. А он был отправлен... ровно через сутки – в 5 час[ов] вечера 5 октября. Комендант поезда в поисках обещанного для поезда паровоза выбился из сил. Не было возможности точно установить, у кого чего следует добиваться и кто за что ответственен. Долгое

Самара. Дом А.Н. Наумова на Дворянской улице
(современная ул. Куйбышева, 151).
Здесь размещался Комитет членов Всероссийского
Учредительного собрания

Свидетельства и документы

ожидание, неизвестность причин задержки и грозные признаки разложения фронта – движение по линии железной дороги отдельных дезертиров и их как всегда преувеличенные рассказы о несчастьях на фронте, всевозможные нелепые слухи и разговоры о якобы чинимых железнодорожными рабочими намеренных препятствиях отъезду комитетского поезда – все это взвинчивало нервы. Некоторые из находившихся в поезде стали уже говорить о необходимости отправиться до Кинеля пешком, чтобы не быть захваченными большевиками. Замедление в подаче паровоза стало казаться столь подозрительным, что несколько лиц из членов Комитета отправились в город, разыскали там Вольского и, отправившись с ним к чешскому коменданту, кое-как добились подачи паровоза. Лишь в пять часов вечера 5 октября поезд тронулся в путь. Однако и в пути до Кинеля (в 50 верстах от Самары) возбуждение не вполне улеглось: делались предположения о возможной встрече поезда в Кинеле большевиками, говорилось, что машинист ведет поезд лишь под угрозой и под наблюдением двух офицеров, стоящих за ним с взведенными револьверами и т.п. Поэтому всякая остановка или замедление хода поезда сопровождалась нервным любопытством о их причинах. Однако, ночью поезд благополучно прошел Кинель и успокоенные пассажиры его продолжали свой нерадостный путь...

Поезд, увозивший из Самары Комитет членов У[чредительного] с[обрания], вечером 6 октября привез в Уфу Съезд членов У[чредительного] с[обрания]. Обиженное судьбою во всех отношениях, это злосчастное «государственно-правовое учреждение» имело одно благодетельное свойство: не имея ни строго очерченной сферы деятельности, ни определенных задач для данного момента, ни даже «где главу преклонить», оно во всякое нужное для кого-то другого время как из-под земли бесшумно являлось и, по миновании надобности, впредь до другого нужного случая, так же тихо уходило куда-то. Так и теперь. Не было его в Уфе, не было и в Самаре; а 6 октября оно вторично обнаружилось в Уфе. Впрочем, место его пребывания, согласно его постановлению от 27 сентября, значилось там, где будет пребывать Всероссийское правительство. А так как в то время еще само Временное правительство не могло выбрать себе резиденции, то в висящем положении оставался и Съезд. Числить же его где-то все же было нужно, и потому временным местом его пребывания была избрана Уфа...

Николаев С.Н. Конец Комуча. (Свидетельское показание) // Современные записки. Кн. 45. Париж, 1931. С. 331-337.

СОЮЗ ГЕОРГИЕВСКИХ КАВАЛЕРОВ (из фондов архива)

Публикация подготовлена:

Зубова Ольга Владимировна, зам. директора Центрального государственного архива Самарской области

Союз георгиевских кавалеров (СГК) появился в российской армии в 1917 г. еще до революционных событий (первая Георгиевская часть была сформирована для охраны Ставки в Могилеве) и являлся своеобразной организацией взаимопомощи георгиевских кавалеров – воинов, награжденных орденом святого Георгия Победоносца и солдатским Георгиевским крестом. В Союз могли вступать не только офицеры, но и рядовые, а после революции и не имеющие георгиевских наград гражданские лица¹. Во многих крупных городах России были созданы отделы (отделения) Всероссийского Союза георгиевских кавалеров, в том числе и в Самаре. В августе 1917 г., на конференции делегатов от отделов говорилось о необходимости сосредоточиться на создании бригад георгиевских кавалеров для пополнения войсковых частей, находящихся на театре военных действий. Воинские формирования георгиевцев создавались для поддержания хоть какого-то порядка в разлагающихся под влиянием антивоенной и антиправительственной пропаганды войсках. 12 августа Л.Г. Корнилов подписал приказ о формировании четырех Георгиевских запасных полков в Пскове, Минске, Киеве и Одессе, т.е. по одному на каждый фронт. При вступлении в подобные части все георгиевские кавалеры были обязаны дать специальную подписку: «служить не за страх, а за совесть, беспрекословно выполнять приказания начальников, везде и всегда поддерживать Временное правительство впредь до установления Учредительным собранием

---

¹ В исполкоме Самарского отдела СГК в июне 1918 г. гражданские лица составляли 60%. (Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-4142. Оп. 1. Д. 9. Л. 2).

Свидетельства и документы

нового образа правления»². Выступление Корнилова (25-31 августа 1917 г.) прервало процесс формирования бригад СГК, но после событий осени 1917 г. Союз вернулся к этой работе. Теперь в его задачи входило не только поддержание боеспособности армии, но и борьба с правительством большевиков, узурпировавших, по представлению руководства Союза, власть в стране.

В Самаре Союз георгиевских кавалеров³ развернул свою работу по формированию военных подразделений для Народной Армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч) с 20 июня 1918 г.⁴, т.е. почти сразу после установления власти Комитета. В официальных заявлениях, воззваниях и прокламациях Самарское отделение Союза заявляло, что «имеет своим назначением объединить всех кавалеров ордена св. Георгия и сопричастных к нему боевых отличий для их совместной общественной работы, для удовлетворения духовных потребностей и облегчения материальных нужд своих членов и их семейств, оставаясь совершенно беспартийным. Союз ставит своей целью стоять на страже законности, порядка и разумного понимания прав граждан... Свои задачи Союз проводит в жизнь путем:

1) Развития среди массы населения основ любви к Родине, боеспособности и чести Армии, правового порядка, труда, подчинения личных интересов общественным и борьбы с анархией и с самоуправством.

2) Связи с Правительством и со всеми организациями, не идущими в разрез целям Союза.

3) Содействия Правительству словом и делом в строительстве России и устройства Армии»⁵.

СГК действовал на территории Самарской губернии до восстановления здесь советской власти. Документы о его деятельности отложились в одноименном фонде Центрального государственного архива Самарской области. Среди переписки, рапортов, воззваний хранится небольшая брошюра (8 страниц) под названием «Что такое Союз Георгиевских Кавалеров?»⁶, изданная в типографии «Московское печатное производство» (г. Москва, ул. Мясницкая, 20). Подготовленная центральным руководством Союза еще в 1917 г., брошюра использовалась агитаторами Народной Армии Комуча в пропагандистских целях.

Текст публикуется полностью.

---

² Маслаков А. Предшественники Добровольческой Армии. URL: <http://belrussia.ru/page-id-2026.html>

³ Располагался в доме 50 по ул. Заводской (в наст. время ул. Венцека), председательствовал генерал-майор Потапов.

⁴ ЦГАСО. Ф. Р-4142. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 10. Л. 4.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 32-35об.

Что такое Союз Георгиевских Кавалеров?

Звон разбитых цепей рабства пробудил и всколыхнул весь народ, и молчавшая столетиями Россия зашумела, загуляла живым словом на всех языках и наречиях. Сказочно богатым свободой проснулся от векового сна народ. Опьяненные выпавшим счастьем, неорганизованными, малокультурными хлынули мы на широкую арену государственной и общественной работы. Горя нетерпением скорее создать новую свободную Россию, мы, неподготовленные к такой ответственной и сложной работе, бросились перекраивать всю жизнь без системы, разрозненно, порой переходя границы здравого смысла. Вал разрушения все увеличивался, а созидательная работа не была планомерной и возникала очень медленно. Небольшая группа организованных работников не успевали везде направить эту стихийную силу проснувшегося народа в русло систематического творчества государственного и общественного строительства.

Безудержным потоком, разветвляясь на ручейки и реки, понеслась освобожденная сила народная по всем направлениям, смывая вместе с гнильем и здоровые посевы, сталкиваясь, бурля в водоворотах. Внутри государства поток разрушения нес неисчислимы бедствия, но когда он захватил и армию, стоявшую лицом к лицу перед притаившимся внешним врагом, он грозил смыть мощь армии, обнажить фронт и тем угрожать и самому существованию России. И дорог был этот поток лишь врагам нашей Отчизны, которые прилагали все усилия ослабить нашу мощь, натравливая друг на друга. Сердце замирало у многих, представляя картину развала армий в эти минуты тяжелых, испытаний. Признаки развала были особенно чутко восприняты теми представителями армии, преданность которых Родине отмечена знаком доблести, и которым по опыту особенно понятна необходимость спайки, честного отношения к долгу, порядка и дисциплины в войсках – георгиевскими кавалерами. Группа последних решила, сорганизоваться, чтобы своим моральным боевым авторитетом остановить, тех, кто по недомыслию или безмолвию, не отдавая себе отчета и не разбирая, отдался во власть первого попавшегося потока. Несколько товарищей солдат – георгиевских кавалеров, как истинные сыны Родины, отказывая себе во всем, отдали скудные и последние сбережения и время, чтобы объединить единомышленников – георгиевских кавалеров.

Так возник Союз Георгиевских кавалеров. Полное единодушие во взглядах стало крепким фундаментом Союза; любовь к Отчизне и отказ от личных выгод, основанных на ущербе для Родины, во имя высшей идеи: «благо Родины – превыше всего», – твердым цементом связало членов Союза между собой. Считая, что решение всякого вопроса с узкой партийной точки зрения в настоящий момент

Свидетельства и документы

может вызвать раскол и возбуждение страстей, по уставу Союза, выработанному товарищами солдатами, Союз не преследует узкопартийных задач и лишь считает нужным помочь Правительству, имеющему в своем составе представителей всех течений, слить все мелкие потоки в единый могущественный, который смое врагов Родины и донесет на своих плавных волнах до Учредительного Собрания прекрасную, но еще такую нежную и хрупкую Свободу. Для этой цели Союз стремится облегчить работу Правительства по проведению в жизнь его распоряжений и предоставляет ему свою моральную силу, а если потребуется, то и вся физическая сила спянных Георгиевцев принадлежит Государству, возглавляемому Временным Правительством. Смерть за идею защиты Родины – есть лучшая смерть для георгиевского кавалера.

Союз стремится, чтобы этот поток был так могуществен, чтобы мелкие речки, стекаясь, не могли образовать водоворотов, образующихся от классовых, национальных и партийных требований. Если мы в течение трехсот лет терпели иго по капризу самодержавия, то неужели мы, во имя спасения Родины, не сможем на несколько месяцев отказаться от шкурных интересов и объединиться дружной семьей? И Союз был счастлив, когда нашел подтверждение этого взгляда в речах министра Керенского.

Первый шаг к единению товарищи солдаты сделали тем, что пригласили для совместной работы офицеров. Отсутствие узкопартийных задач, временно отброшенные вопросы: национальный, классовый, взаимное доверие – все создало редко объединенной работу товарищей солдат и офицеров, где нет и тени подразделения или недоверия. Считая, что Родине и Свободе смертельно угрожает внешний враг, в задачи Союза входит поддержка боевой мощи армии, основа моральной силы, которая зиждется на строгой, но сознательной дисциплине.

Корень нашего непонимания задач текущего момента заключается в отсутствии у нас гражданского самосознания, сознания долга перед Родиной, в жертву которой мы должны принести наши личные интересы. Конечно, то, что из нас изгонялось царским режимом, очень трудно пробудить или привить в течение месяцев, но Союз по мере сил старается словом, логикой и доводами убедить, что звание гражданина если и дает многое, но в то же время и налагает тяжелые обязательства. Мало быть гражданином на словах, надо поступками и делами заслужить это почетное звание. Когда привьется это сознание обязанностей гражданина, тогда появится и дисциплина и будет отброшен рассудком и тот ил, что сейчас наносят мутные потоки. Задача пробуждения гражданского самосознания, сознания ответственности каждого перед Родиной и потомками за все свои слова и поступки – главная цель Союза, так как Союз глубоко верит, что чем скорее проявится русское сердце Минина и Пожарского, тем скорее воссияет Правда, Закон и Свобода на Руси, и

Свидетельства и документы

никакие потрясения и враги не страшны нашей Отчизне. Когда это случится, тогда мы будем не обывателями, не «восставшими рабами», а сознательными гражданами, и весь Мир преклонится перед возглашенными нами идеалами.

Для распространения этих идей Союз выделил агитационную секцию, которая выпускает соответствующую литературу и посылает агитаторов. Для более успешной работы Союз покрывает отделениями всю Россию, и счастлив констатировать, что идеи Союза встречают самое предупредительное отношение на местах, и моральный авторитет Союза встречает горячую поддержку, как среди воинских частей, так и среди беспартийных организаций. Союз стал желонером⁷, по которому строятся все, стремящиеся к насаждению закона, порядка и дисциплины. Особенно близки сердцу Союза интересы армии, так как члены Союза, по большей части представители окопников, тех окопников, кои кровью и жизнью расплачиваются на фронте за преступления старой власти. Желая хоть в тылу помочь своим братьям, находящимся в окопах и зная их требования, первыми шагами Союза был поход против уклоняющихся и дезертиров.

Желая предоставить возможность всем гражданам работать во имя блага и спасения Родины, Союз принимает в члены-соревнователи и не георгиевских кавалеров.

Уставом Союза предусматривается и помощь Георгиевцам, и их семьям во всех видах, для чего созданы финансовая комиссия, юридическая, земельная, культурно-просветительская, трудовая и медицинская секции.

Все попытки врагов порядка и закона сорвать деятельность Союза разбивались о редкое единодушие и спаянность членов его, которые в жертву Родине и Свободе отказались от своих личных интересов, а когда надо, то отдадут и свою жизнь.

Лишь безграничным самопожертвованием, взаимными уступками и отказом от личных выгод мы спасем Россию.

Все друг от друга, от Свободы и Родины требуют, но никто не хочет друг другу, Свободе и Родине что-либо дать.

Неужели же революция опошшила наши сердца и пробудила лишь низменные инстинкты?

Великим порывом проснувшегося народа из тела нашей Матери-Родины вырваны клещи, что пили ее кровь, срезаны уродливые наросты, разрушавшие ее организм. Вражескими зубами вырваны, куски тела...⁸ И в эти тяжелые минуты в мучительных страданиях родила Она Свободу...

---

⁷ Так в тексте документа. Должно быть – жалонером. Жалонер – нижний чин пехоты, носящий в строю на штыке ружья цветной флажок (жалонерный значок), служащий для указания места батальона или роты и для обозначения линии при построении войск.

⁸ Здесь и далее отточия оригинала.

Свидетельства и документы

Истекает кровью наша Страдалица. Кровоточащие раны облепили мухи, и уже копошатся там черви; мертвеют части и гангрена грозит распространиться... Воронье с хищным криком стаями кружит, предвкушая обильный пир; из вражеских земель доносятся завывание шакалов и хохот гиен... Только что родившаяся прекрасная Свобода с плачем тянется к исхудалой груди Матери, а ее рвут во все стороны... С ужасом мать и Новорожденная озираются по сторонам, ища защиты, зовя на помощь... А ночь темнеет...

Союз Георгиевских Кавалеров своей деятельностью и обращается ко всем гражданам:

Есть ли у вас нравственное право требовать сейчас от этих терзаемых? Вы убьете Мать и искалечите Свободу. Залечите сначала раны Матери Отчизны, лелейте дочь – Свободу, станьте все на их защиту, не требуйте, а дайте, и настанет тот прекрасный день, когда Мать и Дочь выявятся в лучезарном свете и осыпят всех роскошными дарами, которые будут неизмеримо обильнее вырванных силой ныне.

Убив Родину вы увидите, что и Свобода умрет, и от нее останется лишь воспоминание.

**«БЛАГОГОВЕЕН, ТРУДОЛЮБИВ И МИРОЛЮБИВ...»
Документальный портрет митрополита Мануила
(Виктора Викторовича Лемешевского)**

Публикация подготовлена:

Подмарицын Алексей Геннадьевич, канд. ист. наук, Самарский епархиальный архив

«Благоговеен, трудолюбив и миролюбив...» – так было записано в послужном списке иеромонаха¹ Мануила (Виктора Викторовича Лемешевского) в 1920 г.

Судьба Лемешевского тесно сплелась с историей страны и Русской православной церкви (РПЦ). Родился он 18 апреля (1 мая) 1884 г. в дворянской семье, в городе Луге Санкт-Петербургской губернии. Обучался в Николаевской гимназии в городе Либаве и на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Но в итоге выбрал путь церковного служения, чему в немалой степени поспособствовали его встречи с известным церковным и общественным деятелем Иоанном Кронштадским.

Архиепископ Мануил (сидит).
Куйбышев. 1961 г.

В 1911 г. Лемешевский был пострижен в монашество в Николо-Столбенской пустыни Тверской епархии, а в 1912 г. стал помощником начальника Киргизской миссии в Омской епархии, где прослужил до 1916 г. В 1916 г. он поступил в

---

¹ Монах в сане священника. Относится ко второй степени священства. Имеет право совершать все таинства, кроме таинства рукоположения (поставления в служители).

Свидетельства и документы

Петроградскую духовную академию, которую успешно окончил в 1918 г. А в 1919 г. – дополнительно Высшие библиотечные курсы.

В 1919 – 1923 гг. Лемешевский служил на приходах в Петрограде и одновременно состоял библиотекарем при различных учреждениях. В 1923 г. он был определен патриархом Тихоном на Петроградскую викарную кафедру² в Луге и рукоположен 23 сентября того же года во епископа. Однако в 1924 г. Лемешевский был арестован и осужден за контрреволюционную деятельность.

После освобождения в 1928 г. он был поставлен епископом Серпуховским и одновременно Каширским. А затем стал настоятелем одного из московских храмов. Однако в 1933 г. Лемешевский вновь подвергся аресту и был отправлен в Сиблаг.

Отбыв срок заключения, с 1937 по 1939 г. проживал за пределами 100-километровой зоны от Москвы, занимался библиографическими изысканиями. Но недолго. В 1939 г. последовал очередной арест и высылка в Красноярсклаг. В октябре 1944 г. Лемешевский получает освобождение и назначается викарием³ в Тамбов. В 1945 – 1948 гг. он являлся управляющим Чкаловской и Бузулукской епархией (с 1946 г. в сане архиепископа).

В 1948 г. Лемешевский был арестован в четвертый раз и направлен в Мордлаг. Освободившись, с конца 1955 до начала 1960 г. возглавлял Чебоксарскую и Чувашскую епархию. Последнее место служения архиепископа Мануила – кафедра Куйбышевская и Сызранская (1960 – 1968 гг.), с 1962 г. уже в сане митрополита. Одновременно он управлял соединенной с Куйбышевской Ульяновской и Мелекесской епархией. За свою деятельность в 1963 г. был награжден церковным орденом св. Владимира I степени.

Скончался митрополит Мануил (Лемешевский) 12 августа 1968 г. и был погребен в центральном притворе Покровского кафедрального собора города Куйбышева.

Виктор Викторович Лемешевский был высоко эрудированным человеком. Хорошо знал древние и новые языки. Вел большую научную работу. В 1960 г. за исследования по истории Русской церкви он был удостоен ученой степени кандидата богословия. Основной его труд «Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг.» в шести томах впервые был частично напечатан в Эрлангене (Федеративная Республика Германии) в 1979 – 1989 гг., на немецком языке. В России же исследование Лемешевского увидело свет лишь в 2003 г., через 35 лет после его смерти.

---

² Викарная кафедра – часть епархии, управляемая викарными архиереями, подчиненными епархиальному, старшему архиерею.

³ Викарий, викарный епископ – архиерей, управляющий на известных правах частью более обширной епархии.

Свидетельства и документы

Ниже мы приводим подборку документов и свидетельств очевидцев, отражающих эпизоды жизни и характеризующих личность этого неординарного человека. Основную часть составляют документальные материалы (в том числе собственноручно написанные Лемешевским), которые хранятся в фонде Р-6991 (Совет по делам религий при Совете министров СССР) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В них представлены биографические данные и отражена деятельность митрополита Мануила за двадцать лет (с середины 1940-х до середины 1960-х гг.). Подборку дополняют документы из фондов Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО) и Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). Также в публикацию включены обнаруженные в фондах Самарского епархиального архива воспоминания секретаря Куйбышевского епархиального управления А.А. Савина.

Документы публикуются впервые. При публикации сохранены стилистические особенности оригиналов.

Автобиография В.В. Лемешевского

Родился я 1 мая⁴ 1884 года в гор[оде] Луге Ленинградской области. Отец мой в то время занимал должность секретаря Лужского уездного Съезда судей. Примерно в 1892 году отец мой переехал в гор[од] Либаву Курляндской губ[ернии] (ныне г[ород] Лиепайя Латвийской ССР) и там проживал в должности податного инспектора министерства финансов (ныне фининспектор). Среднее образование получил в местной гимназии, которую закончил в 1903 г. В том же году определился студентом Ленинградского⁵ университета по юридическому факультету.

В 1905/6 учебном году в университете были забастовки, и он периодически закрывался. В 1904 году основал я студенческий кружок по международной и русской библиографии, где делал доклады, занимался переводами с иностранных языков статей по библиографии. Впоследствии (в период 1917 – 1920 гг.) знания в этой области помогли мне в широких масштабах использовать это в другой области.

В апреле 1910 года после окончания занятий в университете я поступил в Николо-Столпенскую пустынь Вышневолоцкого района б[ывшей] Тверской епархии, ныне Калининской. Там принял монашество в июне 1911 года и в декабре того же года был рукоположен во иеродиакона⁶.

В мае 1912 года был перемещен в распоряжение Омского и Павлодарского

---

⁴ Дата указана по новому стилю.

⁵ Так в документе.

⁶ Монах в сане диакона (дьякона). Относится к низшей степени духовенства, не имеет права самостоятельно совершать таинства (кроме крещения).

Свидетельства и документы

архиерея для миссионерских работ. В сентябре того же года был в Семипалатинске рукоположен во иеромонахи и назначен благочинным церковей и монастыря миссионерской Киргизской духовной миссии. Там же был назначен помощником начальника Киргизской духовной миссии. В этой должности пробыл до августа 1916 года, когда был зачислен в Ленинградскую духовную академию. Здесь обучался до осени 1918 года, когда Академия фактически была закрыта.

Свою литературную деятельность начал еще в 1903 году, когда в сборнике артиста Александринского театра Озаровского «Горе от ума» А. Грибоедова напечатал биографию известного исследователя «Горе от ума» И.Д. Гарусова⁷.

В 1917 году печатал заметки по церковной библиографии в журнале «Всерос[сийский] обществ[енный] церковный вестник». В том же году, как специалист по библиографии, назначен помощником библиотекаря той же Ленинградской дух[овной] академии, в каковой должности и пробыл до закрытия Академии.

В марте 1919 года назначен настоятелем Александро-Никольской церкви в гор[оде] Ленинграде. Пробыл здесь до апреля 1922 года, когда церковь была закрыта.

В 1919 году прошел Высшие библиотечные курсы имени Луначарского. В том же году был назначен старшим библиотекарем Центр[ального] педагог[ического] музея Главпрофобра⁸ Нар[одного] Ком[иссариата] Прос[вещения] СССР. Здесь работал в утреннюю смену. В то же время работал в вечерней смене старшим библиотекарем библиотеки имени Луначарского 1-го городского района Ленинграда.

На этой работе пробыл 1919 и 1920 годы, когда уволился от этой работы, оставаясь настоятелем Спасской церкви.

В сентябре 1923 года патриархом Тихоном рукоположен во епископы гор[ода] Луги Ленинградской области и назначен управляющим Ленинградской митрополии.

В феврале 1924 года был арестован и сослан в Соловецкие лагеря сроком на три года. В те же годы срок считался со дня приговора, поэтому мне не зачли девяти месяцев предварительного следствия.

В апреле 1928 года был назначен епископом Серпуховским Московской области; а в 1929 году назначен дополнительно управлять Каширским викариатством той же Московской области.

---

⁷ Родной дед В.В. Лемешевского по матери.

⁸ Судя по контексту, вероятно, имеется в виду Главный комитет профессионально-технического образования, на базе которого в составе Народного Комиссариата Просвещения РСФСР в 1921 г. было создано Главное управление профессионального образования. И Комитет, и Управление носили название Главпрофобр.

Свидетельства и документы

В 1930 году по болезни уволен от этих викариатств и проживал в Москве и служил вплоть до января 1934 года, когда был арестован и на три года выслан в Сибирские лагеря (гор[од] Мариинск).

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии первые две судимости от 1924 и 1934 гг. с меня сняты, аннулированы.

По отбытии срока проживал за зоной⁹ на ст[анции] Завидово Октябрьской жел[езной] дороги. Здесь по соглашению со Словарным сектором ОГИЗа¹⁰ составлял к 25-летию Октябрьской революции «Словарь советских сокращений, условных наименований и шифров (технический сектор)». Во время обработки Словаря был вновь арестован в мае 1939 года и решением Мосгорсуда был сослан в Красноярские лагеря сроком на десять лет.

Во время войны и моего прожития в гор[оде] Канске ст[анция] Завидово была занята немецкими фашистами. Мой словарь, насчитывающий более 9 000 карточек, и справочная к нему литература погибли.

В 1944 году был вызван из лагеря в МГБ¹¹ на пересмотр дела и в октябре был освобожден и по назначению патриарха Алексия уехал в Тамбов, откуда в марте 1945 года выбыл, назначенный епископом Чкаловским и Бузулукским.

В 1946 году возведен в сан архиепископа.

В сентябре 1948 года вновь арестован и по [решению] ОСО МВД¹² сослан в Потемские инвалидные лагеря, где пробыл до декабря 1955 года, когда был освобожден по инвалидности согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 3-го сентября 1955 года.

21 декабря 1955 года назначен временно управляющим Чебоксарской епархией, а 7 февраля 1956 года утвержден в этой должности.

Февраля 23 дня 1956 года.

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 163. Л. 4-7.

**Анкета епископа Чкаловской епархии Мануила (Лемешевского)
(18 июня 1946 г.)**

1. Фамилия: Лемешевский Виктор Викторович.

---

⁹ 100-километровая зона вокруг Москвы, в пределах которой не могли проживать лица, осужденные по политическим делам.

¹⁰ Объединенное государственное издательство.

¹¹ Министерство государственной безопасности СССР.

¹² Особое совещание при Министерстве внутренних дел – внесудебный орган, имевший право выносить приговоры о тюремном заключении, ссылке или высылке обвиняемых, а также о применении других мер наказания.

Свидетельства и документы

2. Год рождения: 1 мая 1884 г. г[ород] Луга Ленинградской¹³ обл[асти].
3. Национальность: белорус.
4. Социальное происхождение: Сын служащего (инспектор министр[ерства] финансов).
5. Образование (указать какие духовные и светские учебные заведения окончил): юридический факультет С[анкт]-Петербургского университета, Петроградскую духовную академию, Высшее библиотечные курсы (1919 г.) в Петрограде.
6. Ученое степень и ученое звание: не имею.
7. Знание иностранных языков: знаю древние языки (латинский и греческий), французский и немецкий, ранее при разработке научных сочинений знал английский, итальянский, сербский и болгарский языки. С 1912 по [19]16 г. проживая в Киргизской миссии, владел киргизским языком.
8. Какие имеете награды: не имею.
9. Были ли за границей (где и когда): никогда и нигде за границей не был.
10. Место службы и род занятий с 1914 г. по настоящее время:
С 1914–16 [г.] в сане иеромонаха в г[ороде] Семипалатинске занимал должность помощника начальника Киргизской духовной миссии Омской епархии. В 1916 г. поступил в Петроградскую духовную академию.
В 1917 г. назначен помощником библиотекаря библиотеки Дух[овной] академии. В 1919 г. был назначен настоятелем Св[ято]-Троицкой Сергиевой пустыни около Петрограда.
В сентябре 1923 г. патриархом Тихоном возведен во епископа Лужского и указом назначен управляющим Петроградской митрополией.
С 2 февраля 1924 по 23 фев[аля] 1928 г. пребывал под следствием и в Соловецких лагерях. В марте 1928 г. назначен епископом Серпуховским викарием Московской митрополии. В январе 1930 г. по болезни уволен на покой с пребыванием настоятелем Кадашовской церкви в Замоскворечье.
С 3 января 1934 по 3 января [19]37 года был под следствием в новосибирских лагерях.
С 1937 по 1 мая 1939 [г.] проживал на ст[анции] Завидово Октябр[ьской] жел[езной] дороги, по договору с сектором национальных словарей ОГИЗ, и составлял юбилейный «Словарь советских сокращений, условных наименований и шифров» (1917 – 1942 гг.).
С 1 мая 1939 г. по 3 октября 1944 г. был под следствием, в Красноярских лагерях (г[ород] Канск), и под переследствием в г[ороде] Москве.
С ноября 1944 по март 1945 г. в патриаршей командировке в г[ороде] Тамбове.

---

¹³ Так в документе.

Свидетельства и документы

19 фев[аля]1945 г. назначен епископом Чкаловским, в июле того же года получил титул и Бузулукского. В апреле 1946 г. возведен в сан архиепископа.

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 75. Л. 3-4.

**Из рапорта епископа Можайского Макария патриарху Алексию I
о командировке в город Чкалов
(30 июля 1946 г.)**

Согласно предложению Вашего Святейшества от 5.VII с[его] г[ода], 14-го сего июля я прибыл в г[ород] Чкалов для проверки на месте справедливости жалоб на неправильные и незаконные действия преосвященного архиепископа Мануила.

Ввиду отсутствия преосвященного, я посетил уполномоченного по делам РПЦ по Чкаловской области, из разговора, с которым я пришел к заключению, что хотя крупных ошибок в действиях преосвященного нет, тем не менее, для меня было ясно и некоторое недовольство уполномоченного к преосвященному Мануилу, которое может быть сведено к тому, что преосвященный в своих действиях игнорирует гражданскую власть.

[...] ¹⁴

Ввиду отсутствия свободных номеров в гостинице, все время пребывания моего в Чкалове, я находился в доме преосвященного, был в церкви и везде видел глубокую любовь к архиепископу.

Владыко ведет скромный образ жизни, как правило, всех ставленников [в] течение 40 дней не отпускает, обучая их богослужению. Во все это время ставленники живут у преосвященного.

Преосвященный Мануил самым категорическим образом отрицает обвинение его в том, что он открывает храмы и молитвенные дома помимо гражданской власти, а также назначает священнослужителей без соответствующей регистрации. По тому же 1-му пункту обвинения преосвященный заявил, что священнику Богданову было временно благословлено требоисправление¹⁵ в молитвенном доме г[орода] Бугуруслана по согласованности с гражданской властью и в виду заявления уполномоченного Техтерева, что кладбищенская церковь будет открыта в ближайшие две-три недели. Впрочем, и нынешний уполномоченный, как было выше указано, никаких претензий по данному делу к преосвященному не имеет.

---

¹⁴ Опущены несущественные подробности визита епископа Макария к чкаловскому уполномоченному.

¹⁵ Совершение треб – церковных служб, по личным заказам верующих, чаще всего в индивидуальном порядке.

Свидетельства и документы

Именуящему себя архиепископом Серафимом¹⁶ преосвященный Мануил не только не давал никаких разрешений на совершение богослужений, но всячески, где только можно, разъясняет верующим самозванство Серафима. С болью сердечной преосвященный говорит о нем, как о наглом разлагателе церковной жизни, скорбит о том, что он ничего не может сделать для предотвращения его беззакония. Серафим ведет яростную агитацию против преосвященного, дерзает называть святейшего патриарха и все православное духовенство «безблагодатным». Еще 3 мая 1945 г. Поздееву послано запрещение, как самозванцу-архиепископу, лжецу, пьянице и разлагателю общественной жизни. Непонятно, как могло возникнуть обвинение преосвященного Мануила за самочинные действия «сожженного совестию» человека.

[...] ¹⁷

Вынужденное продолжительное мое пребывание в Чкалове дало возможность убедиться, что если и были у преосвященного Мануила ошибки, то они совершались не сознательно, а в силу создавшихся местных условий. На всю Чкаловскую область имеется всего лишь 13 храмов; 43 районов совершенно не имеют церквей, отсюда постоянное хождение верующих к архиепископу, отсюда же и обилие самозванцев.

Преподав преосвященному а[рхиепископу] Мануилу необходимые указания о порядке назначения священнослужителей, 21-го сего июля я вернулся в Москву.

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 75. Л. 14-15.

**Из воспоминаний секретаря Куйбышевского епархиального управления А.А. Савина
о митрополите Мануиле (Лемешевском), поданных патриарху Пимену
(1988 г.)**

12 августа с[его] г[ода] мы здесь отмечали день кончины дорогого нашего старца – митрополита Мануила. Служили заупокойную всенощную, литургию и панихиду. Потом был поминальный обед у владыки Иоанна¹⁸.

В воспоминание сего дня мне хочется поделиться с Вашим святейшеством об этом замечательном человеке Церкви.

Когда я вернулся с фронта в сентябре 1945 г., то узнал, что в Оренбург назначен архиерей, и я пошел к нему просить помощи поступить в семинарию. Он жил тогда на частной квартире. Открывая незапертую дверь крыльца, я увидел в

---

¹⁶ Серафим Поздеев – выдавал себя за архиерея в сане архиепископа в Чкаловской области в конце Великой Отечественной войны.

¹⁷ Опущены несущественные подробности, касающиеся несостоятельности слухов, происходящих из жалоб, упомянутых епископом Макарием в начале рапорта.

¹⁸ Архиепископ Куйбышевский и Сызранский Иоанн (Снычев).

Свидетельства и документы

коридоре небольшого человека в поношенном подряснике, простой скуфеечке и босиком. Увидев меня, сказал: «Проходи, проходи молодой человек, тебе, наверное, надо архиерея, я и есть». Взял меня за руку и повел в зальце и стал расспрашивать меня. Потом, благословив меня, сказал: «Рассчитывайся с армией и приходи, ты нужен мне будешь». Идя домой, я раздумывал: «Что же за архиерей в поношенном подряснике, босиком?»

С детства я видел оренбургских святителей только в храме, в параде, а когда приходилось держать посох или свечу, то смотрел на них со страхом и благоговением.

Демобилизовавшись из армии, через месяц, я снова явился к владыке. Теперь он был в епархиальном домике. Увидев меня, он опять взял меня за руку и повел показывать епархиальные «хоромы» из 4-х небольших комнаток. В одной из комнат был молодой человек с длинными курчавыми волосами. Показывая на него, сказал мне: «А это мой келейник Ваня, недавно я его взял, – и на ухо добавил, – очень нравится мне». Это был нынешний наш владыко Иоанн, который делил и радости, и невзгоды нашего старца до последних дней его жизни. Потом привел меня в самую большую комнату и, указывая на квадратный стол посреди комнаты, он сказал: «С этого конца ты будешь работать, как мой секретарь, ведь ты согласен им быть? С этого конца я буду работать, а с 3-й стороны будет работать Леля (вроде переписчицы). Мне Господь послал тебя взамен моего брата Андрея, который умер и очень любил церковь».

К обеду все бумаги со стола убрали и здесь же все вместе обедали. Пища была самая простая – щи, каша и соленья. Вот в такой простой обстановке и жил и работал покойный владыка. Видя скудность стола, я как-то сказал владыке, что некто Мария Николаевна просится из Москвы к нему в кухарки. Владыко сказал: «Что ты, что ты Андрюша, да разве можно ее, она меня разорит, когда я семь лет был Серпуховским епископом и жил в Москве, она на мои именины такие закатывала обеды, что вспомнить страшно».

В соборный храм ходил всегда пешком, а грязь была непролазная, тьма вечером кромешная. Если кто приглашал его на дом к больному, он шел пешком в любую часть города. Потом мы стали приставать к нему: «Владыко, если себя не жалееете; пожалейте нас, купим Вам автомобиль, ведь многие архиереи ездят на машине». Долго не соглашался, потом согласился. Купили чиненый, перечиненный «Опель капитан». Сел он с келейником Ваней и поехали в собор, а при выезде с переулка на Чкаловскую улицу была лужа (ночью дождь был) и машина заглохла посреди лужи; кое-как его перенесли через лужу, и он сказал себе: «Нет Мануил, ходил пешком, и ходи...» И действительно на Оренбургской кафедре только пешком ходил.

Свидетельства и документы

После В[еликой] О[течественной] в[ойны] люди двинулись по своим местам, и двор архиерейского дома не был пуст – там были целыми семьями. Он их кормил, снабжал билетами и часто отдавал им последнее. Иногда старушка Феклуша скажет: «Владыка, сегодня у Вас банный день». «Что-то мне, Феклуша, сегодня не хочется мыться», – ответит он. Это значит, нет смены белья – все раздал. Через день, через два ему белье приносили.

Был такой случай. Приходит к нему мужчина, которому очень нужны были деньги. Владыка выдвинул ящик стола и говорит: «Вот здесь бывает моя казна, к сожалению, сейчас нет ни рубля». Человек стоит, а он надвинул скуфеечку до глаз и отключился минуты на две, потом резко встает, благословляет его и говорит: «Пойди, займи у соседа, не дадут – я просил, а ты скажи – архиерей через два дня отдаст, и дадут».

Служить он очень любил и служил часто, вдохновенно. Очень любил Онуфрия Великого.

Часто ездил по приходам. Иногда из-за отсутствия мест, стоял в проходе вагона, опершись на посох, пока какая-нибудь добрая душа не уступала часть сиденья.

Очень любил детей, держал их за руки, гладил их, и они к нему льнули. В алтаре при архиерейских службах справа и слева от престола стояли в 2-3 ряда мальчики, чающие подержать жезл или свечу.

Небольшой рост тяготил его. Иногда говорил он мне: «Будь я ростом больше, и в Москве на меня смотрели бы по иному».

Очень любил подвижников и почти до конца дней своих читал описание их подвигов. Находил, то забытых святых, то не канонизированных и писал об этом в Синод и там иногда смотрели на него, как на беспокойного архиерея. И вот силы его стали угасать, служить стал реже. А потом перестал принимать людей и не стал разговаривать. «Готовлюсь идти домой», – были его слова. А 12 августа не стало с нами нашего любимого наставника, старца и отца.

[...] ¹⁹

Самарский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 1.11. Д. 293. Л. 1-3.

Заявление архиепископа Чкаловского и Бузулукского Мануила председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР Г.Г. Карпову (10 апреля 1948 г.)

Церковно-приходской совет Никольского кафедрального собора и многие

---

¹⁹ Опущена часть воспоминаний, где рассказывается об отпевании митрополита Мануила.

Свидетельства и документы

верующие обращались и обращаются ко мне с просьбой возбудить ходатайство перед Вами о разрешении традиционного хождения верующих из г[орода] Чкалова в с[ело] Табынск с чтимой иконой Б[ожьей] М[атери] «Табынская» к 9-й пятнице 9-е июля.

Эти просьбы верующих считаю вполне законными и не имею основания отказывать им. На основании этого прошу Совет²⁰ разрешить указанное хождение по определенному маршруту. В прошлом году по разрешению облмилиции было совершено это хождение по маршруту, который был представлен в облмилицию по ее требованию.

Это хождение было традиционным и в прошлом году оно было восстановлено. Современное хождение не имеет большого размера (из Чкалова ходило 30-40 человек), но зато все верующие будут довольны, видели и будут видеть, что власть не мешает верующим свободно отправлять свои традиционные религиозные торжества.

Прошлогодний пример показал, что это хождение может быть согласовано с местными властями по определенному маршруту. Это хождение никоим образом не отразится на колхозных работах тех сел, через которые будет проходить эта группа, т.к. в этих селах больших остановок не делается, и на ночлег приходят поздно. Таким образом, прошлогоднее хождение ясно показало, что оно может быть организовано и в нынешнем году без всяких недоразумений. Кроме этого уместно сообщить Вам, что святыней местного края является только Табынский источник, и отказ верующим в их просьбе будет иметь отрицательные осложнения на их чувства.

Резолюция председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова: «т[оварищу] Иванову. В дело. Архиепископу Мануилу в заяв[лении] отказано лично. Сообщите уполномоченному. 19/IV-48 г. Карпов».

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 75. Л. 17-17об.

**Из заявления владыки Мануила на имя председателя Верховного Совета СССР
К.Е. Ворошилова с прошением о реабилитации
(6 августа 1957 г.)**

[...] ²¹

Служителем культа состою с 1910 года, в звании архиерея с 1923 года и сейчас являюсь одним из старейших архиереев Русской православной церкви.

В первый раз был арестован в Ленинграде в 1924 году по ст[атье] 58 п[ункт] 10

---

²⁰ Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР.

²¹ Опущена вводная часть заявления, содержащая несущественные биографические сведения.

Свидетельства и документы

и сослан в Соловецкие лагеря сроком на три года.

Второй раз был арестован в Москве в 1934 году и сослан в Сиблаг (Мариинск) на 3 года по ст[атье] 58 п[ункт] 10.

Согласно амнистии Верховного Совета от 25 марта 1953 г. первые две судимости аннулированы, ибо я в обоих случаях отбыл полные сроки.

В третий раз был арестован 1 мая 1939 года в пос[елке] Завидове Калининской области и судим по ст[атье] 58 п[ункты] 10-11, сроком на 10 лет. Был сослан в Краслаг (г[ород] Канск).

В январе 1944 года был из лагеря вывезен в Центральную внутреннюю тюрьму МГБ²² (в Москву на Лубянку) и мое дело было пересмотрено, и срок наказания с 10 лет понижен на 5 лет и я в октябре 1944 года был освобожден без всяких ограничений.

В четвертый раз был арестован 3 сентября 1948 года в г[ороде] Чкалове и по ст[атье] 58 п[ункт] 10 ОСО МГБ²³ приговорен к 10 годам лагерного заключения, но по указу Верховного Совета СССР от 13 сентября 1955 года об освобождении инвалидов, был досрочно освобожден из Потемских лагерей Мордовской АССР.

Вот моя краткая биография. Сейчас, на склоне лет, продолжаю хворать при наличии артериосклероза возрастного и эмфиземы легких.

По освобождении в 1955 году продолжаю научную исследовательскую работу в области церковной истории Русской православной церкви, по составлению словарей русских архиереев, разных симфоний²⁴, справочников и т.д.

Для проверки цитат по подлинникам, для изучения рукописей и старопечатных книг, для пополнения нужными введениями своих работ, я должен периодически недолгое время работать в библиотеках и архивах Ленинграда и Москвы. Но всего этого я лишен сейчас, не имея права проживать в этих двух столицах.

Учитывая мою старость, отсутствие состава каких-либо тяжких государственных преступлений, а во всех четырех арестах обвинявшийся по одному и тому же 10 пункту ст[атьи] 58, но не в злостной агитации, которая ни на одном следствии не была установлена во всех четырех случаях ареста и что я до сих пор несу тяготу наказания без серьезно представленных мне обвинений, прошу Вас оказать мне милость и снисхождение ради приближающейся 40-й годовщине Октябрьской революции и тем самым облегчить морально и поддержать мое уже недолгое

---

²² Министерство государственной безопасности.

²³ Особое совещание при Министерстве государственной безопасности СССР. В.В. Лемешевский допустил здесь неточность: до 1950 г. ОСО находилось в структуре Министерства внутренних дел, а не Министерства государственной безопасности.

²⁴ Симфонии – справочники к сочинениям и собраниям сочинений одного автора, либо тематических сборников по ключевым словам или темам. Существуют Библейские симфонии (на весь текст), симфонии на произведения святителя Иоанна Златоустого и т.д.

Свидетельства и документы

существование реабилитацией моей личности, т.е. снятием с меня последней судимости и освободить меня тем самым от того психического гнета и моральной тяготы, которые по сей день являются моим постоянными спутниками как неполноценного советского гражданина.

Это тем более тяжело для меня, что последний приговор, тяготеющий надо мною, остается во многом необоснованным по содержанию моего последнего следствия и далеко не в соответствии с социалистической законностью. У всех советских людей общая радость, а у меня ее нет, и я на каждом шагу своей жизни чувствую на себе печать отверженности и недоверия.

[...] ²⁵

При моем личном обращении в Совет по делам Русской православной церкви 12 марта сего года по вопросу подачи настоящего заявления на Ваше имя, а также и в беседе по этому делу с патриархом Алексием, я получил полное одобрение от обеих инстанций в моем намерении.

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 163. Л. 9-12.

Из справки старшего инспектора Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР А. Недведь «О нарушениях советских законов, относящихся к церкви со стороны архиепископа Мануила (Лемешевского Виктора Викторовича) Чебоксарского и Чувашского»

1. В епархии имеются случаи самовольного строительства со стороны общин и духовенства. Например:

а) религиозная община в с[еле] Карамышево, Козловского района, построила в ограде церкви часовню, в которой совершается требы;

б) община в г[ороде] Алатыр²⁶ в ограде церкви сделала пристройку и вырыла колодец;

г) настоятель церкви в пос[елке] Шихраны священник Парамонов И.П. расширил ограду церкви за счет колхозной земли и начал строить сторожку (дом);

д) настоятель церкви с[ела] Тогаево, Октябрьского района священник Иванчин и настоятель церкви с[ела] Никулино, Порецкого района, священник Сурминский выезжали для исполнения треб в Мордовскую АССР.

2. Архиепископ Мануил сделал злобный выпад против уполномоченного Совета тов[арища] Маклашкина. Он на приеме в присутствии уполномоченного и т[оварища]

---

²⁵ Опущены несущественные подробности, характеризующие эмоциональное настроение владыки Мануила на момент подачи заявления.

²⁶ Так в документе.

Свидетельства и документы

Недведь сказал следующее: «Маклашкин, будучи комсомольцем, а затем председателем райисполкома в Мордовии закрывал и разрушал православные церкви, а теперь его назначили уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви, что можно ожидать от такого уполномоченного».

Далее он высказал свое недовольство по вопросу статьи бывшего священника Спасского, помещенной в газете «Советская Россия», где описывается вредная деятельность епископа Сергия, и по другим фельетонам, направленным против религии и духовенства.

В заключение он сказал, что теперь взята жесткая политика по отношению церкви и что такую же линию ведет и уполномоченный тов[арищ] Маклашкин, но конкретных примеров архиепископ не сказал.

Примечание: руководство республики работой т[оварища] Маклашкина довольно.

3. На приеме у т[оварища] Козина в Совете архиепископ сказал, что Маклашкин в детстве сам прислуживал в церкви.

4. В епархии имеются случаи привлечения детей к прислуживанию в церкви и Мануил это дело допускает. Например, ученик 9-го класса Перво-Чураевской средней школы Николаев Григорий бросил школу и перешел на работу в церковь в качестве алтарщика²⁷, вторым алтарщиком работает ученик 6 класса Иванов Николай. Сам Мануил себе в келейники подбирает только из молодежи.

5. Архиепископ Мануил лицам, обучающимся в духовных семинариях, ежемесячно высылает каждому по 150 рублей.

6. С благословения Мануила духовенство применяет широкую благотворительность. Например, настоятель церкви с[ела] Луцкого, Комсомольского района священник Алексеев А.С., используя факт случившегося в деревне пожара, где сгорело 17 дворов, из церковных сумм выдал 200 руб. на каждый сгоревший двор.

По распоряжению правящего архиепископа выдавалась еще денежная помощь в виде ссуды на каждый сгоревший дом. Подобные ссуды были выданы из касс церквей: Штанашской – 6 тыс. руб., Канашской – 10 тыс. руб., Перво-Чураевской – 6 тыс. руб., Тогаевской – 3 тыс. руб.

[...] ²⁸

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 163. Л. 14-15.

---

²⁷ Искажение слова «алтарник». Алтарник – лицо, прислуживающее в алтаре священнослужителям. В его функции входит уборка помещения и содержание в должном порядке необходимых на службах облачений, предметов и пр.

²⁸ Опущены известные биографические сведения об архиепископе Мануиле.

Свидетельства и документы

**Из доклада «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР В. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета
(21 апреля 1960 г.)**

Большую тревогу вызывает также вопрос о благотворительной деятельности церквей. Несмотря на то, что указаний на эту тему было немало, практика благотворительной помощи в самых разнообразных формах до сих пор не изжита.

В подтверждение этому можно привести следующие факты. Например, патриархия в 1959 году для поддержания так называемых «слабых» приходов в Литовской и Латвийской ССР выдала дотацию в сумме свыше 850 тысяч рублей.

Правящие архиереи многих епархий, например, Пермской – Павел, Чувашской – Мануил, Житомирской – Евмений, Черновицкой – Закаляк и др., систематически оказывают денежную помощь так называемым «затухающим приходам».

ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 51. Л. 39.

**Запись беседы члена Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР Сивенкова И.И. с секретарем архиепископа Куйбышевского и Ульяновского Мануила Савиным А.А.
(1 октября 1960 г.)**

Гр[ажданин] Савин

Меня просил владыка Мануил обратиться в Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров и сообщить, что закрытие церкви в с[еле] Теньковка является несправедливым и может вызвать ненужные волнения верующих, как это было при попытке закрытия церкви в с[еле] Березовка, где народ так и не дал вынести из церкви святыню. Община церкви в с[еле] Теньковка является сильной и активной, с денежным доходом в 1959 г. в 355 тыс. руб. В церкви имеется 2 священника. Правда, до войны в церкви был склад совхоза, но церковь так и не переоборудовалась. Хотят сейчас к 1 января 1961 г. сделать в церкви клуб и библиотеку. Неужели это нельзя не сделать без здания церкви?

Уполномоченный Совета по Ульяновской области т[оварищ] Кошман ведет себя с духовенством беспринципно, часто врет прямо в глаза. Я работаю уже секретарем епископа 15 лет, и такого уполномоченного еще не видел. Он вызывает благочинных и обязывает их нечего не говорить епископу, а в случае чего грозит им дать по «шапке».

Очень прошу от имени епископа рассмотреть вопрос об изъятии церкви с[ела]

Свидетельства и документы

Теньковка.

Тов[арищ] Сивенков И.И.

Мы этим вопросом уже занимаемся, а с т[оварищем] Кошманом мы будем разговаривать по телефону.

Гр[ажданин] Савин

Заранее благодарит за правильное решение этого вопроса.

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 163. Л. 16.

**Характеристика на архиепископа Мануила уполномоченного Совета по делам
Русской православной церкви по Ульяновской области М. Кошмана
(2 октября 1961 г.)**

На Вашу просьбу²⁹ сообщаю свою оценку деятельности епископа Мануила и характеристику на него, как церковника.

Епископ Мануил появился в гор[оде] Куйбышеве благодаря усилиям секретаря Савина и согласия быв[шего] уполномоченного Алексеева.

Если до появления Мануила Куйбышевское епархиальное управление оказывало слабое влияние на церкви Ульяновской области и епископ Митрофан ни разу не приезжал в гор[од] Ульяновск, то с появлением Мануила картина совершенно изменилась.

Епископ Мануил много раз побывал в Ульяновской области, о его появлении заранее извещал секретарь Савин все храмы письменно, а духовенство об этом сообщало верующим.

В результате наблюдался большой приток верующих во всех храмах, особенно много молящихся было во время служб Мануила и его помощников.

Мануил любит большую парадность при его появлении в храм.

Так, при каждом его появлении в храмах гор[ода] Ульяновска, гор[ода] Мелекесса, от ограды в глубину храма расстилались ковры, усыпанные живыми цветами, встречать выходило все духовенство и большая толпа верующих. В самих храмах наблюдалось особое благолепие и торжественность.

Мануил всегда появлялся к уполномоченному с большим перечнем вопросов, и настойчиво добиваясь их разрешения.

Если по какому-либо вопросу Мануил встречал несогласие уполномоченного, он тут же обращался к секретарю Савину и спрашивал, как быть? Тогда начинал доказывать Савин о необходимости решения того или иного вопроса.

---

²⁹ Речь о запросе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Куйбышевской области В. Корчагина.

Свидетельства и документы

Когда Мануилу и Савину все же не удавалось добиться своего, они добивались встречи с заместителем председателя облисполкома, ведающего вопросами церкви. Там снова доказывали, как необходимо решить выдвигаемые ими вопросы (открыть новую крестилку, провести ремонт ряда храмов, удержание в руках духовенства автомашин и др.).

Особое внимание Мануил уделяет расстановке кадров духовенства. Ему удалось ряд лиц из Куйбышевской области перебросить в храмы Ульяновской области (Прохорова, Рафаила, Усова, Степаненко и др.), а проштрафившихся в Ульяновской области пригнать в Вашей области (Соловьев, Лукьянов, Морозов и др.).

Он любого нарушителя законодательства о культах старается брать под защиту и сохранить в церкви. Чтобы духовенство активнее вело свою работу, Мануил повышал им жалованье. Так, духовенство г[орода] Ульяновска получало жалованье 4-5 тыс. руб. в месяц, однако епископ установил им по 6-7 тыс. рублей.

Мануил обязал все приходы отчислять в епархиальную кассу 20% доходов и иметь многолетний запас продаваемой утвари.

Если Мануил по некоторым вопросам соглашался на предложения уполномоченного, то это он делал под страхом.

Он часто жалуется в Москву, бывая часто в Совете³⁰, на действия уполномоченного по Ульяновской области. Мне же он говорит, что он консультировался в Совете по ряду вопросов.

Вывод: Мануил является ярким консерватором и реакционером, очень хитрым и опытным, неоднократная судимость – сделала его пугливым, а иной раз – «сговорчивым».

ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 51. Л. 46-47.

**Из характеристики архиепископа Куйбышевского и Сызранского Мануила
уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви
по Куйбышевской области В. Корчагина
(1961 г.)**

[...] ³¹

В 1960 и 1961 году по своей инициативе внес в Фонд мира епархиальных средств 90 тыс. рублей. Оказывал положительное влияние в этом вопросе на исполнительный орган и настоятелей церквей епархии, которые за тот же период внесли в Фонд мира наличных денег 772 тыс. рублей.

Свои взаимоотношения с уполномоченным Совета по делам Русской

---

³⁰ Имеется в виду Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР.

³¹ Опущены уже известные биографические подробности.

Свидетельства и документы

православной церкви и другими советскими учреждениями строит правильно и принимает меры к устранению ошибок и недочетов, как в своей служебной деятельности, так и деятельности подотчетных ему служителей церкви.

Правильно воспринял решение о реорганизации управления хозяйственной и финансовой деятельности церкви.

По личным качествам Лемешевский является развитым и культурным человеком, выдержан и корректен в обращении. По отзывам духовенства в быту ведет себя скромно и излишеств не допускает. Объективен при рассмотрении заявлений и жалоб верующих.

Однако отмечается, что в решении ряда вопросов, касающихся дел епархиального управления, со стороны Лемешевского допускается некоторая нерешительность. В связи с этим многие вопросы, в том числе и кадровые, от его имени решаются приближенными к нему лицами, секретарем епархиального управления Савиным А.А. и игуменом Снычевым И.М., которые относятся к реакционно настроенной части духовенства.

Лемешевский является глубоко верующим человеком и всю свою сознательную деятельность направляет на расширение религиозного влияния на верующих, в связи с чем, несмотря на преклонный возраст, старается сам вести церковные службы, даже в обычные, не предусмотренные для архиерейских служб, дни.

Приближенное к Лемешевскому духовенство, среди церковного актива, отзывается о нем как о мученике и мудром человеке.

В этой связи некоторая часть религиозных фанатиков среди верующих рекламируют Лемешевского как пастора³², наделенного «Богом» сверхъестественными способностями, распространяя легенду о его пророчестве и предсказаниях.

К этой части верующих Лемешевский проявляет особое внимание, принимает их у себя дома и лично благословляет. Отмечается, что на благословении у Лемешевского бывают не только верующие Куйбышевской епархии, но приезжают к нему и лица, из числа верующих других городов Советского Союза, которые считают его духовным наставником.

Лемешевский одобрительно относится к паломничеству к так называемым «святым» местам и, в частности, он поощрял и благословлял верующих на поездку к «святому» озеру в с[еле] Съезжее Богатовского района Куйбышевской области.

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 163. Л. 33-35.

---

³² Так в документе.

**Из характеристики митрополита Куйбышевского и Сызранского Мануила
уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви
по Куйбышевской области В. Корчагина
(11 ноября 1964 г.)**

На Лемешевского Виктора Викторовича (монашеское³³ имя Мануил), 1884 года рождения, уроженца г[орода] Луга, Ленинградской области, происходит из дворян, русский, с высшим богословским и юридическим образованием, кандидат богословия, служит в церкви в духовном сане с 1911 года.

Находясь под влиянием реакционных взглядов бывших привилегированных сословий и духовенства, он в прошлом был причастен к отдельным группировкам реакционно-настроенного духовенства, проводившего антисоветскую агитацию и другую враждебную деятельность среди верующих. В связи с этим Лемешевский в 1924, 1934, 1939 и в 1948 годах привлекался к судебной ответственности по 58 статье УК РСФСР.

После досрочного освобождения из заключения в 1955 году Лемешевский являлся архиепископом Чебоксарским, а с марта 1960 года митрополитом Куйбышевским и Сызранским.

За время работы в Куйбышевской епархии в поведении Лемешевского не замечалось отрицательного отношения к существующему строю в нашей стране, неправильного толкования им среди верующих и духовенства политики Коммунистической партии и Советского правительства.

Своими выступлениями с амвона и в посланиях к верующим поддерживает политику партии и правительства в вопросе борьбы за мир и безопасность нашего государства.

По инициативе митрополита Мануила Куйбышевское епархиальное управление с 1961 по 1963 годы внесло в фонд защиты мира 750 тысяч рублей, а за 9 месяцев 1964 года 70 тысяч рублей. Оказывает в этом положительное влияние на духовенство и исполнительные церковные органы.

Свои взаимоотношения с уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви и другими советскими учреждениями строит правильно и принимает меры к устранению ошибок и недочетов, как в своей служебной деятельности, так и деятельности подотчетных ему служителей церкви.

[...]³⁴

В 1964 году большую часть времени болел, поэтому религиозные службы стал совершать только после пасхи и в основном в воскресные дни и дни религиозных праздников.

---

³³ Так в документе.

³⁴ Опущена характеристика соратников митрополита Мануила.

Свидетельства и документы

Приближенные к Лемешевскому духовенство и церковный актив среди верующих распускают легенду о мудрости и святости последнего, рекламируют его как «пророка».

Такая «популярность» способствует притоку верующих в дни, когда им совершаются религиозные службы.

Склонен к помпезности религиозных служб, любит поклонения и торжественность его встреч. До настоящего времени расстилаются ковровые дорожки на паперти, по сторонам которых выстраиваются шеренги верующих, и он на автомашине «Волга» под колокольный звон подъезжает к входу в церковь. При выходе из машины его встречают и сопровождают одетые в облачение «иподьякона»³⁵. Такая парадность повторяется; каждый раз в дни, когда Мануил совершает религиозные службы.

Очень болезненно реагирует на малейшее уменьшение числа духовенства и особенно в церквях города Куйбышева. При болезни священников в сельских и городских церквях, немедленно входит с представлением о командировке на это время священников из числа заштатного духовенства или церквей города Куйбышева.

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 163. Л. 39-40.

**Из доклада секретаря митрополита Куйбышевского и Сызранского Мануила
А.А. Савина в Московскую патриархию
(10 ноября 1965 г.)**

На сведения в Московской патриархии, что владыка митрополит Мануил бездействует и т.п. могу сообщить следующее:

1. Владыка служит все праздничные и воскресные дни, причем помазывает маслом верующих до конца богослужения.
2. Принимает в канцелярии посетителей 4 раза в неделю, с 10 до 2 часов дня.
3. Жалоба на него могла исходить от Исполнительного органа молитвенного дома г[орода] Ставрополя по следующей причине: служил в г[ороде] Чите диакон Винокуров, откуда местный владыка через запрещение уволил его. Этот диакон явился в Куйбышевскую епархию и стал требовать себе места. Владыка сделал запрос о нем в Иркутск. Характеристика о нем от трех преосвященных была плохая, и владыка отказал ему в месте. Тогда он, при содействии местных властей (Горсовет дал ему справку, что разрешается отслужить две службы), стал добиваться своего

---

³⁵ Иподиакон – церковнослужитель, прислуживающий архиерею во время торжественного богослужения.

Свидетельства и документы

назначения в молитвенный дом г[орода] Ставрополя. Владыка и на этот раз отказал ему. Тогда он и Исполнительный орган заявили, что они будут жаловаться на владыку и на меня в Москву.

Когда я был в отпуске, то владыка мог сказать диакону Винокурову, который без конца требовал себе места, что приедет секретарь, и тогда будем согласовывать этот вопрос с уполномоченным³⁶.

Зная жизнь некоторых других епархий, могу заверить вас, что дела у нас в епархии обстоят не плохо.

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 163. Л. 41.

Из доклада заместителя председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР В.Г. Фурова на расширенном заседании Совета (17 апреля 1968 г.)

Совет, руководствуясь политическими соображениями, интересами государства, и каждый раз применяя новые, соответствующие специфические обстоятельствам меры, постепенно добился отстранения от руководства церковью наиболее крупных ее деятелей, претендовавших на особое положение в православии и даже на место патриаршего местоблюстителя, но являвшихся для государства персоной нон грата, нежелательным лицом. Так был отстранен от руководства, например, первый член Синода Московской патриархии митрополит Крутицкий Николай (Ярошевич³⁷) – этот реакционный двуличный деятель. Так был устранен от церковной деятельности и жительствующий ныне митрополит Куйбышевский Мануил (Лемешевский), стоявший в церковной иерархии первым по хиротонии³⁸ после патриарха, но проповедовавший взгляды, не отвечавшие интересам государства.

ЦГАСО. Ф. Р-3219. Оп. 1. Д. 6. Л. 82.

---

³⁶ Имеется в виду уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Куйбышевской области В. Корчагин.

³⁷ Так в документе. Должно быть – Ярушевич.

³⁸ В православной церкви – посвящение лиц духовного звания в определенный сан (епископа, священника, дьякона).

БОЙ ПОД САНДЕПУ. (Приложение ко 2-му тому Отчета генерал-адъютанта Куропаткина)¹

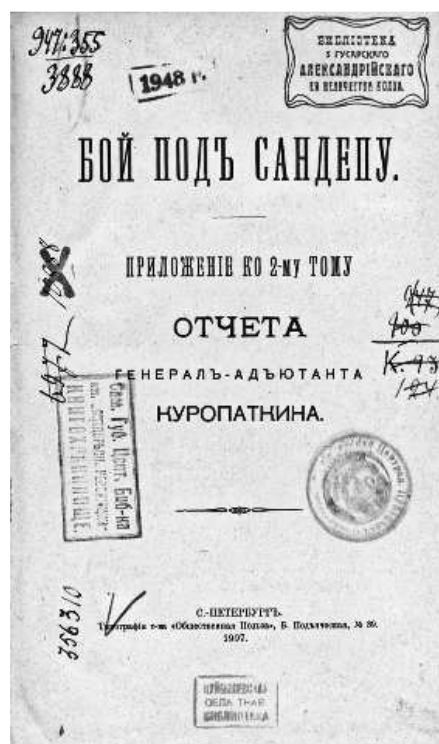
Публикация подготовлена:

Малкова Наталья Михайловна, канд. ист. наук, зам. директора по науке Самарской областной универсальной научной библиотеки

Одной из драматических страниц российской истории XX века стала русско-японская война 1904 – 1905 гг. К 110-летию ее начала мы публикуем выдержку из книги, хранящейся в фондах Самарской областной универсальной научной библиотеки, – «Бой под Сандепу», приложение ко второму тому Отчета генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина² о деятельности русской армии во время русско-японской войны.

В публикуемом фрагменте описывается одно из крупных, трагических и значимых, но, в то же время, недостаточно известных событий русско-японской войны, – бой у селения Сандепу.

Получив известие о падении Порт-Артура (20 декабря 1904 г.)³, Куропаткин попытался нанести поражение японским силам в Маньчжурии до подхода к ним 3-й осадной армии генерала М. Ноги. На первом этапе главнокомандующий

¹ Бой под Сандепу. Приложение ко 2-му тому Отчета генерал-адъютанта Куропаткина. СПб., 1907. (Отдел основного книгохранения ГБУК «СОУНБ». Инвентарный номер издания: 356310).

² Куропаткин Алексей Николаевич (1848 – 1925) – генерал от инфантерии, в начале войны, в феврале 1904 г., был назначен командующим Маньчжурской армией, в октябре того же года – главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке.

³ Все даты приводятся по старому стилю (юлианский календарь), который действовал в России до февраля 1918 г.

планировал прорвать силами 2-й армии под командованием генерала О.К. Гриппенберга (96 тыс. чел.) позиции 2-й японской армии генерала Оку (66 тыс. чел.) у селения Сандепу, а затем, введя на втором этапе 1-ю и 3-ю армии, отбросить японцев за реку Тайцыхе, к Ляояну. Поскольку в то время в зимний период военные действия обычно не велись, большие надежды возлагались на неготовность японских солдат к сражению.

Бой у селения Сандепу, примерно в 60 км к юго-западу от Мукдена, состоялся 12-15 января 1905 г.⁴ После четырехдневного сражения, потеряв свыше 12 тысяч человек, русская армия так и не смогла одолеть меньшую по численности японскую армию. Безуспешная атака Сандепу наряду с последующими проигранными сражениями русской армии при Мукдене (февраль–март 1905 г.) и Цусиме (май 1905 г.) вынудили Россию признать бесперспективность дальнейшей борьбы и пойти на мирные переговоры с Японией.

Бой под Сандепу. 15 января 1905 г.

С раннего утра 15 января в штабе 2-й армии шла усиленная работа, отдавались последние распоряжения в связи с предстоящей «решительной» атакой Сандепу; некоторые из приказаний, уже отданных накануне, отменялись, другие – дополнялись⁵.

Отданными утром 15 января приказами задачи артиллерии 10-го корпуса ограничивались «сбитием артиллерии противника и ее прикрытия у деревни Сяотайцзы и к западу от последней до Сандепу, равно как у деревни Лабатай, не распространяя огонь на само селение Сандепу и расположенный в нем редюит⁶, чтобы избежать поражения своих войск при атаке Сандепу».

Командиру 1-го Сибирского корпуса предписывалось в 8 часов утра возвратить 2-ю стрелковую бригаду генералу Кутневичу, а взамен ее высылался один полк с батареей 14-й пехотной дивизии из числа вошедших в состав Сводного стрелкового корпуса.

Наконец начальнику конного отряда генералу Телешеву предписывалось, на основании указания главнокомандующего, направить⁷ в тыл противника в район Ляохе–Хайчен конный отряд в составе трех полков с конной батареей и двойным

---

⁴ См. карту: Сражение под Сандепу. 12-15 (25-28) января 1905 г. URL: http://геоамур.рф/images/greate_dates/rus_jap_maps/19050125.jpg

⁵ Реляция 2-й армии, стр. 480. (Прим. автора)

⁶ Опорный пункт внутри крепости или полевого укрепления, служащий последним оплотом обороняющегося гарнизона.

⁷ По овладению Сандепу. (Прим. автора).

числом зарядных ящиков, с целью произвести капитальное разрушение железной дороги и прекращения подвоза к Ляояну подкрепления. Конный отряд предполагалось сформировать из трех Донских полков и Донской батареи под начальством генерала Телешева; днем выступления назначалось 17 января, отряду предоставлялась полная самостоятельность действий. Между тем Сводный стрелковый корпус готовился к «решительной» атаке Сандепу⁸.

Но для выполнения атаки генерал Кутневич вновь отдал диспозицию лишь для обороны. Так, командовавшему 5-й стрелковой бригадой полковнику Юденичу с 7¼ батальонами, 24 орудиями и полковнику Янушевскому с 4 батальонами [и] 48 орудиями предписывалось оставаться на ранее занятых позициях, связавшись между собою. Общий резерв под личным начальством генерала Кутневича располагался:

а) бригада 14-й пехотной дивизии на правом фланге позади 5-й стрелковой бригады близ р. Хуньхе,

б) 1-й и 2-й стрелковые полки – 4 батальона на западе от селения Ванцзявопу в долине р. Хуньхе,

в) бригада 15-й пехотной дивизии – 7 батальонов между селением Чжаньтаньхенань и деревней Гауцзы.

Руководство всей артиллерией возлагалось на начальника артиллерии 8-го армейского корпуса генерал-майора Кондрацкого.

Между тем в 6 ч. 30 мин. утра генерал Кутневич доносил, что назначенные из 8-го корпуса 2 мортирные батареи еще не прибыли, что одна осадная батарея не достигла указанного ей места и едва ли она будет в состоянии открыть огонь ранее 10-11 часов утра и что лишь одна осадная батарея готова к действиям, но что открыт огонь будет лишь после того, как рассеется туман. Скорострельная же артиллерия откроет огонь после стрельбы осадных орудий.

В 8 часов утра японцы открыли сильный артиллерийский огонь по деревне Ванцзявопу, а редкие пехотные цепи их, расположенные в складках местности впереди левого фланга корпуса, начали ружейным огнем обстреливать расположение 3-го и 4-го стрелковых полков. В то же время густые цепи противника повели наступление против 17-го и 18-го стрелковых полков.

Обстреливаемые во фланге 17-й и 18-й полки не выдержали и отступили в расположение отряда полковника Леша: 17-й полк в деревню Маландян, а потом в деревню Яцзыпао, 18-й же сразу в последний пункт.

Полковник Леш, опасаясь прорыва японцев в обход своего левого фланга, приказал охотничьим командам 1-го и 2-го стрелковых полков занять деревню

---

⁸ Реляция Сводного стрелкового корпуса. (Прим. автора).

Яцзыпао. Промежуток между этой деревней и деревней Цзюцанхэцза занял отступавший последним 2-й батальон 18-го стрелкового полка.

Противник заставил отступить 17-й и 18-й стрелковые полки и обратил все свои усилия против деревни Цзюцанхэцза, атакуя ее с юга и запада. Полковнику же Лешу, заняв деревню Безымянную (на берегу р. Хуньхе) 3-мя ротами 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и, осыпая густые цепи противника шрапнельным, пулеметным и перекрестным ружейным огнем, удалось отбить первую атаку и заставить японцев, дошедших уже на 300 шагов к деревне, отступить в беспорядке. После полдня японцы повторили атаку, но снова были отбиты.

В то же время на остальном фронте Сводного стрелкового корпуса со стороны противника не было проявлено особенно энергичных действий. Лишь один 20-й стрелковый полк, выдвинувшийся шагов на 800-1000 вперед, благодаря тому, что первая избранная им позиция была неудовлетворительна, и благодаря существовавшему между ним и 4-м стрелковым полком разрыву подвергся атаке противника, но выдержал ее, израсходовав лишь свой резерв.

В остальное время дня поддерживался на всем фронте достаточно оживленный артиллерийский и ружейный огонь. Итак, Сводный стрелковый корпус генерала Кутневича, имея задачей атаку деревни Сандепу, вновь не проявил решительно никаких попыток к переходу в наступление, а в 1 ч. 30 мин. дня и генерал Гриппенберг отказался от атаки Сандепу: начальник штаба 2-й армии запиской за № 660⁹ сообщил генералу Кутневичу, что «командующий армией приказал без особого распоряжения в наступление не переходить». Но вместе с тем генерал Гриппенберг решил перейти в наступление с фланга против атакующего противника в направлении Хуанди–Сяотайцзы.

С этой целью предписывалось: командиру Сводного стрелкового корпуса поставить артиллерию 1-й стрелковой бригады так, чтобы обстреливать наступающего с юго-востока противника продольным огнем; начальнику 15-й дивизии немедленно открыть огонь в направлении на Лидиутунь.

Командиру 10-го корпуса перейти в наступление от Хуанди на Сяотайцзы, для отвлечения на себя противника и, «буде можно», для действия против его правого фланга.

Командиру 1-го Сибирского корпуса предписывалось отходить на линию Хэгоутай–Цзюньцахэцза. Хэгоутай держать до последней возможности.

Генералу Коссаговскому предписывалось с 4-мя батальонами (включая и два находившихся в Хуанлотоцзы), с батареей оказать содействие генералу Штакельбергу, действуя от Хуанлотоцзы против левого фланга японцев, наступающих против 1-го Сибирского корпуса.

---

⁹ Реляция 2-й армии, стр. 500. (Прим. автора).

На посланное приказание 1-му Сибирскому корпусу генерал Штакельберг доносил командующему 2-й армией: «Все указания вашего высокопревосходительства исполнены уже в точности. Связь со Сводным стрелковым корпусом установлена. Будем держаться, отступать не предполагаем. Несмотря на потери дух прекрасный и бодрый. Резервы теперь обедают».

Между тем генерал Церпицкий, получив распоряжение о переходе части сил в наступление, направил после 2 ч. 35 мин. дня к Хуанди еще 5 батарей и 3 батальона, кавалерийская же бригада передвинулась к деревне Эртхазы¹⁰.

К 5 часам дня генерал Церпицкий прибыл для личного руководства наступлением к деревне Хуанди, откуда артиллерия в это время уже открыла огонь по деревням Сяотайцзы и Лабатай, подготавливая атаку.

В 5 ч. 30 мин. дня пехота начала наступление и вскоре овладела деревней Сяотайцзы, а к 11 часам вечера и большей частью деревни Лабатай. Этот частный успех не имел, к сожалению, влияния на выполнение основной задачи 2-й армии — «взять Сандепу».

Несмотря на выдвижение 10-го корпуса Сводный стрелковый корпус, не получая «особого распоряжения» командующего 2-й армией, не переходил в наступление против Сандепу, имея полную к тому возможность, так как противник против него прекратил какие бы то ни было активные действия и лишь изредка раздавались орудийные выстрелы.

1-й Сибирский корпус, после незначительного перерыва боевых действий, вновь подвергся энергичной атаке противника. Подкрепленный Житомирским полком и при содействии с правого фланга конницы 1-й Сибирский корпус с большим напряжением и огромными потерями до темноты вел непрерывный бой с противником.

Вечер застал войска, вверенные генералу Штакельбергу, на тех же местах, которые занимались ими около полудня. 1-й Сибирский корпус готовился к ночным атакам противника, и действительно около 10 часов вечера японцы повели первую атаку на корпус одновременно в нескольких пунктах его длинного фронта, за нею последовала вторая и третья атаки, но все одинаково безуспешные. Встречаемые залпами и пулеметным огнем японцы каждый раз с большими потерями отступали и лишь на участке 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка дело доходило до штыковой схватки. Японцев и здесь постигла та же неудача: они были отбиты с большим уроном, а небольшая часть их, случайно оказавшаяся у нас в тылу, целиком была взята в плен. Около полуночи противник повел по всему фронту 1-го Сибирского корпуса последнюю отчаянную, но вместе с тем и безрезультатную

---

¹⁰ Бригада из 3-й армии передвигалась за левый фланг 10-го корпуса для поддержки 2-й армии. (Прим. автора).

атаку. На этом японцы и закончили свою активную деятельность против 1-го Сибирского корпуса.

Генерал Коссаговский, получив в 8 ч.15 мин. вечера распоряжение о содействии 1-му Сибирскому корпусу, отложил по собственному желанию возложенную на него задачу до следующего дня. «Таким образом, вполне выясняется характер действий японцев 15 января: решительный против 1-го Сибирского корпуса и демонстративный против Сводно-стрелкового корпуса. Поставив себе целью отрезать 1-й Сибирский корпус и нанести ему частное поражение, они с одной стороны ввели для сего в дело весьма значительной силы и присущую им энергию и упорство, с другой же приняли меры к обеспечению войск, атакующих 1-й Сибирский корпус с севера, для чего одновременно повели энергичную демонстрацию против Сводно-стрелкового корпуса. Демонстрация эта, как мы видели, вполне достигла своей цели. Японцам удалось приковать Сводный стрелковый корпус к своим позициям и, внушив командующему армией опасения за устойчивость этого корпуса, заставить его отказаться от каких бы то ни было наступательных действий».

Бой стих. Генерал-адъютант Гриппенберг приказал всем частям оставаться на занятых позициях, окопаться и быть готовыми встретить ночную атаку японцев.

10-му же армейскому корпусу командующий 2-й армией предписывал в виду прекращения боя на фронте Сводно-стрелкового корпуса и наступления темноты остановить наступление и отойти на главную позицию, оставив в Хуанди силы не более двух батальонов и 4-х орудий, а на 16 января указывалось на необходимость «ограничиться одним огнем, отнюдь не предпринимая наступательных действий»¹¹. Так был потерян еще один день для атаки деревни Сандепу.

Сводный стрелковый корпус¹², по распоряжению генерала Кутневича, не двигался с места в виду того, что не получил своевременно артиллерийских средств, назначенных в его распоряжение, и в виду позднего наступления ясной погоды, вследствие чего начальник артиллерии 8-го армейского корпуса генерал-майор Кондрацкий не считал возможным приступить к подготовке атаки артиллерийским огнем, а охотничьи команды не произвели рекогносцировки.

Генерал Коссаговский не привел в исполнение отданное ему приказание перейти в наступление против левого фланга противника в виду того, что считал время получения об этом приказания слишком поздним.

Генерал Штакельберг, командуя усталыми войсками, энергично атакованными противником, мог лишь отбиваться от противника, а никак не перейти в наступление, а при этих условиях частный успех генерала Церпицкого не мог иметь решительно

---

¹¹ Реляция 2-й армии, стр. 515. (Прим. автора).

¹² Реляция 2-й армии, стр. 515, прим. 2-ое. (Прим. автора).

никакого значения, тем более, что генерал адъютант Гриппенберг очень скоро от результатов его отказался.

Итак, и 15 января Сандепу не было взято.

Предстояло решить, что делать 16 января и далее.

Генерал-адъютант Гриппенберг вызвал в штаб армии командира и начальника штаба Сводного стрелкового корпуса и начальника артиллерии 8-го армейского корпуса.

На совещании, состоявшемся у командующего 2-й армией из выше перечисленных лиц и в присутствии начальника штаба армии и генерал-квартирмейстера, «была высказана мысль, встретившая общее сочувствие, что преследовавшаяся до сего времени цель, т.е. овладение селением Сандепу, ошибочна и что в дальнейшем все действия должны быть направлены против живой силы противника, сосредоточенной против 2-й армии, выставив при этом лишь заслон к стороне селения Сандепу»¹³.

Таким образом, неумелое ведение боя в течение нескольких дней, отсутствие в нем руководства привело к решению, что Сандепу брать не надо, т.е. к решению совершенно обратному тому, которое высказано было генерал-адъютантом Гриппенбергом в донесении его главнокомандующему за № 643. В этом донесении, как выше было видно, командующий 2-й армией 14 января писал, что «хотя силы 2-й армии и доходят до 120 батальонов, считая, в том числе, и отряд генерала Коссаговского, но силы эти растянуты на фронте до 40 верст и главные группы, на которые они делятся, – северная 40 батальонов и западная 72 батальона – лишены возможности, пока Сандепу не взято, оказывать друг другу содействие в предстоящих им задачах, а именно северной группе в воспрепятствовании прорыву противника между р. Хуньхе и 3-й армией, западной группе в овладении Сандепуским районом. Кроме того 24 батальона второй группы 1-го Сибирского корпуса отвлечены действиями по удержанию противника, наступающего против него в значительных силах с юга и юго-востока. При таких условиях признаю положение изолированной северной группы, в случае наступления против нее противника, весьма тяжелым».

Итак, 14 января генерал Гриппенберг признавал необходимым взять Сандепу и без его занятия не находил возможным развивать дальнейших действий, а 15 января уже Сандепу, как объект действий, признавалось неправильно избранным.

Главнокомандующему нужно было решить:

- 1) поддержать ли генерала Гриппенберга стратегическим резервом;
- 2) оставить ли его с силами, ему предоставленными, или

---

¹³ Журнал военных действий штаба главнокомандующего, стр. № 13. (Прим. автора).

3) отвести правый фланг назад.

В данном случае главнокомандующий мог принять решение лишь на основании сосредоточивавшихся у него донесений и на основании всего происшедшего в последние дни боя.

Дежурный генерал штаба 2-й армии генерал-майор Сулима доносил, что генерал Штакельберг атакован превосходными силами японцев, офицер для связи в отряде генерал-адъютанта Мищенко подьесаул Гревс доносил о замеченном движении неприятельских колонн по направлению от Ладунгоу на северо-запад к 1-му Сибирскому корпусу.

Генерал же Штакельберг доносил о тяжелом положении корпуса в случае отхода к Хэгоутаяу, в тылу которого протекает р. Хуньхе с обрывистыми берегами, достигающими 4-саженной высоты.

О том же доносил и офицер для связи генерального штаба капитан граф Игнатьев, причем уведомлял, что «положение корпуса стало тяжелое, Сумапу оставлено, части перемешаны, офицеров мало, потери очень велики»¹⁴.

Генерал Мылов доносил, что «по сведениям, собранным корпусным инженером, в Сандепу обнаружено 5 родов искусственных препятствий: засека, проволочной сети очень широкая, иногда в два ряда, широкий и глубокий ров, вал и высокая каменная или глинобитная стена с бойницами; препятствия эти были расположены перед редюитом, до которого войска 14-й дивизии не дошли».

В то же время из 3-й армии генерал Артамонов доносил, что колонны противника наступают в разрезе между 54-й и 9-й пехотными дивизиями. Генерал Бильдерлинг сообщал, что около 7 часов вечера японцы перешли в наступление против обоих участков 3-й и 35-й пехотной дивизии, но огнем отбиты.

Генерал Дембовский доносил, что японцы наступают на деревни Даянелтунь и Безымянную и что весь день вся скорострельная артиллерия состязалась с 9 японскими батареями, а в 5 часов вечера замечены были колонны противника на линии Татай–Сандиоза.

Обстановка, как известно, была следующая: Сандепу атаковалось с 12-15 января и не было взято, время новых штурмов, по донесению генерала Рузского, не было известно. Из этих 4 дней лишь один раз 14-я дивизия перешла в наступление и то случайно по почину командиров полков и дошла лишь до деревень, прикрывавших Сандепу, а затем и отошла. С этого момента отдавались диспозиции о переходе в наступление, но командиры корпусов не делали ни одного шага вперед.

Генерал Штакельберг оказался в тяжелом положении, понеся огромные потери. Подготовки штурма Сандепу еще не было сделано, а между тем всего было израсходовано уже до 70 тыс. артиллерийских патронов.

---

¹⁴ Журнал военных действий штаба главнокомандующего, стр. 125. (Прим. автора).

Донесения 2-й и 3-й армии свидетельствовали о передвижении и увеличении сил противника против 2-й армии. Японцы могли: или прижать к реке генерала Штакельберга, или, пользуясь отвлечением 40 батальонов южнее Сандепу, прорвать наше расположение между 2-й и 3-й армиями.

Полный неуспех в действиях 2-й армии в течение 12, 13, 14 и 15 января поставил правый фланг наших войск в тяжелое положение.

В течение 12-16 января к японцам должны были прибыть значительные подкрепления из армии Ноги, поэтому для наступления, прикрываясь на фронте небольшими силами, японцы могли собрать значительное число дивизий.

Донесения о начале наступления уже поступили. Куда пойдут их главные силы, не было выяснено. При этих условиях главнокомандующий не нашел возможным отдать генералу Гриппенбергу 16-й корпус – свой последний стратегический резерв. Нельзя было и оставлять правый фланг 2-й армии в том положении, в котором он находился. 2-я армия была растянута по фронту и разъединена сильно укрепленным Сандепу.

Поэтому главнокомандующий решил оттянуть назад наиболее угрожаемый правый фланг 2-й армии.

Главнокомандующий отдал командующему 2-й армией следующее распоряжение: «Получено донесение командующего 3-й армией, что японцы значительными массами продвинулись к нашим позициям 5-го, 17-го и 6-го корпусов и начали наступление. По полученным им сведениям движение японцев обнаружилось и против расположения 10-го корпуса. Вероятным представляется, что, пользуясь отдалением главных сил 2-й армии к нашему крайнему правому флангу, японцы своими главными силами произведут наступление против позиции 3-й армии или против позиции 10-го корпуса. Наше расположение у Сандепу представляется настолько оторванным от расположения 3-й армии, что не может без серьезной опасности быть продолжено. Требуется или штурмовать Сандепу или занять вновь те позиции, с которых наше наступление против Сандепу началось. В виду прибывших в Сандепу значительных подкреплений и весьма сильных укреплений, кои были в Сандепу обнаружены, успех штурма Сандепу не может считаться достаточно обеспеченным, особенно в виду утомления войск и уже понесенных значительных потерь. Даже при успехе штурма Сандепу войска 2-й армии могут понести столь значительные потери, что дальнейшее наступление на некоторое время мы вынуждены будем приостановить. Между тем, если противник, пользуясь прикреплением к операции против Сандепу более 3-х наших корпусов, прорвет наше расположение где-либо между р. Хуньхе и позициями третьей армии, мы не будем в состоянии войсками, собранными у Сандепу, оказать помощь атакованным войскам. Но и при атаке главных сил японцев на наши войска,

собранные у Сандепу, наше расположение не представляется выгодным для упорной обороны, тем более что подать помощь сим войскам весьма затруднительно.

На основании вышеизложенного предлагаю главные силы второй армии перевести на левый берег р. Хуньхе, а второй армии поставить задачу – упорную оборону линии Сыфантай–Чжантань–Ямандапу. Для выполнения сего 14-ю пехотную дивизию направить в Синьтайцзы, имея на фронте 15-ю дивизию, на позициях по линии Чжаньтань–Ямандапу на высоте позиции 10-го корпуса. Сводным стрелковым корпусом занять Чжантань с резервами на обоих берегах р. Хуньхе. Отряд генерала Коссаговского главными силами отвести к Сыфантаю. Конницу расположить по Вашему усмотрению. Первый Сибирский корпус отвести правым берегом на левый берег Хуньхе, в общий резерв 2-й армии. Все эти передвижения, под прикрытием арьергардов, произвести ночью на 16 января.

Приготовиться на завтрашнее число как к оборонительному бою, так и к движению на выручку 3-й армии, если бы противник прорвал расположение этой армии»¹⁵.

В ночь с 15 на 16 января правый фланг 2-й армии отошел назад. О бывших боях с 12-15 января генерал-адъютант Гриппенберг доносил Его Императорскому Величеству: «Согласно директивы главнокомандующего 2-я Маньчжурская армия 12 января перешла в наступление против левого фланга противника. В первый же день были взяты с боя укрепленные селения Уцзаганцзы, Читайцзы, Мамыкай, Хуанлотоцзы и Хуаянтай; к 11 часам вечера того же дня после жестокого боя, длившегося с утра, было взято сильно укрепленное селение Хэгоутай, 15 января мы овладели укрепленными пунктами Сяотайцзы и Лабатай. Опорный пункт левого фланга противника, селение Сандепу, взять не успели, так как с 14 января японцы, получив большие подкрепления, сами перешли в наступление. По всему фронту между Хэгоутаем и Сандепу завязался горячий бой, продолжавшийся с утра до вечера в течение двух дней. Все атаки противника были блестяще отбиты с огромными для него потерями. По окончании боя 15 января мною получено приказание главнокомандующего атаку на Сандепу временно отложить, и в ту же ночь перейти к более сосредоточенному расположению на левом берегу Хуньхе, что и приведено в исполнение. Геройство войск в боях с 12 по 15 января включительно было выше всяких похвал. К сожалению, потери наши весьма значительны и доходят до 10 000 человек, особенно велика убыль офицеров. Наиболее пострадал 1-й Сибирский корпус. Ранены неопасно генерал-адъютант Мищенко и генерал-майор Кондратович. Дух войск превосходный.

Изложенное имею счастье всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству № 227.

---

¹⁵ Реляция 2-й армии, стр. 525. (Прим. автора).

Подписал генерал-адъютант *Гриппенберг*.

16 января 1905 года».

Если судить по приведенному донесению государю императору и в особенности по статьям генерала Гриппенберга о действиях под Сандепу, помещенных в «Русском инвалиде» и «Разведчике», то получается впечатление, что войска 2-й армии, руководимые генералом Гриппенбергом в течение 12-15 января, продвинулись успешно вперед, брали одно укрепленное селение за другим, отбили все атаки японцев и совершенно неожиданно были не только остановлены в их победоносном шествии приказанием главнокомандующего, но и отведены назад.

В действительности, как изложено выше, только 12 января войска 1-го Сибирского корпуса под начальством генерал-лейтенанта барона Штакельберга действовали вполне успешно и выполнили возложенную на них задачу.

Действия же войск 2-й армии 13, 14 и 15 января были крайне неумелы, неэнергичны и неуспешны.

Имея первоначальной целью действий овладение Сандепу, войска 2-й армии в течение 12-15 января ни разу не делают серьезной попытки выполнить эту задачу.

Первоначально разрешение этой задачи выпало на 8-й армейский корпус, а из его состава на 14-ю пехотную дивизию, утомленную двумя форсированными маршами и двумя бессонными ночами.

Но назначив эту утомленную дивизию для атаки деревни Сандепу, генерал Мылов ослабляет ее и в составе: Волынский пехотный полк выделяется в корпусный резерв, а 15-й пехотной дивизии не указывается на активную поддержку 14-й дивизии при ее атаке Сандепу, а, наоборот, на эту дивизию возлагаются лишь демонстративные действия.

Таким образом, из 32 батальонов 8-го корпуса для атаки деревни Сандепу назначены лишь 12 усталых батальонов 14-й дивизии.

Уже 12-го января эти три полка 14-й дивизии залегают в расстоянии нескольких сот шагов от предместьев Сандепу, но лишены ночью руководства ближайших начальников, по взаимному соглашению командиров полков, вместо того, чтобы сделать еще одно усилие и ворваться в Сандепу, эти полки отступают на ночлег на линию деревни Ванцзявопы.

13 января командиры полков по своему почину производят атаку деревни Сандепу. Из 32 батальонов 8-го корпуса атакуют 16, усиленные двумя батальонами 18-го стрелкового полка. Войска сбиваются с направления, но все же врываются в деревню Бейтайцзы и в южное предместье Сандепу. Казалось бы, что закрепление добытого столь крупными трудами должно было бы составить святую обязанность начальников частей. Но эти последние, не имея близ себя непосредственного начальника, собравшись по личному почину на военный совет, поддержанные в

своем решении командиром 12-го саперного батальона князем Баратовым, решают донести, что взять Сандепу они не могут в силу полной неподготовленности войск к штурму, утомления предыдущими форсированными маршами, бессонными ночами и благодаря большой силе не занятого еще укрепления Сандепу.

14-я дивизия отступает и в одну ночь бросает позиции, которые она брала двое суток.

В то же время бригада полковника Леша, направленная из состава 1-го Сибирского корпуса в 8-й, для поддержки его при атаке Сандепу с юга, атакованная противником у Пяоцяо, бросает этот пункт и уходит на Маландян, не выполнив поставленной ей задачи – поддержать 14-ю дивизию.

Оставляя Пяоцяо, полковник Леш допускает противника развивать наступательные действия против своего правого и левого фланга генерала Штакельберга. Между тем генерал Штакельберг, имея основной задачей обеспечить правый фланг 8-го корпуса, упускает эту задачу, увлекается частной задачей по занятию Сумапу и допускает противника утвердиться в деревнях Датай–Пяоцяо–Гученцзы. Эти деревни должны были быть заняты 1-м Сибирским корпусом после овладения Хэгоутаем, как лежавшие к северу от линии Матюенза–Хэгоутай–Гученцзы, переход пехоты за которую был нежелателен. Атаки Сумапу ведутся разрозненно без всякого руководства отдельными полками и не достигают результата.

14 и 15 января Командующий 2-й армией, заменив 14-ю дивизию 1-й и 5-й стрелковыми бригадами, отдает распоряжение генералу Кутневичу перейти в наступление и овладеть Сандепу, а этот последний ограничивается лишь диспозицией для обороны и ни на шаг не двигается вперед. Отбивается от атак противника и 1-й Сибирский корпус.

Войска 10-го корпуса в составе слабых 7 батальонов, руководимые генералом Дерпицким, овладевают селением Сяотайцзы и частью селения Лабатай, но в виду неумелых действий на других пунктах генерал Гриппенберг отдает 15 января приказание генералу Церпицкому очистить эти селения и отвести войска назад к селению Хуанди.

Таким образом, к вечеру 15 января, ко времени отдачи приказания об отступлении, войска 2-й армии не только не продвигались победоносно вперед, но и не могли сохранить позиции, занятые ими ранее.

Уже ранее получения приказания главнокомандующего об отводе правого фланга 2-й армии, войска этой армии частью под напором противника, частью по приказанию командиров корпусов и командующего 2-й армией уже очистили значительное число занятых нами пунктов, отошли или были оттеснены назад и потеряли свыше 10 тысяч человек, не достигнув какого-либо успешного результата.

Получив приказание об отступлении, распоряжения были сделаны настолько нервно, что в артиллерии 8-го корпуса было получено приказание начальника ее об увозе замков и уничтожении в р. Хуньхе снарядов осадной артиллерии в виду полученных ложных сведений о наступлении японцев и об очищении нашими войсками деревни Чжаньчжутаецзы.

Таковы тактические причины, почему не было взято Сандепу. Оценка их сделана главнокомандующим в IV томе отчета.

Между тем Сандепу могло быть взято. Требовалось лишь правильное управление войсками и соответственное их распределение.

Овладение позициями под Сандепу являлось первоначальным предметом действий 2-й армии. Естественно, что к этому пункту должны были быть направлены и силы армии.

Направив все 32 батальона 8-го корпуса для атаки укрепленного района Сандепу, содействуя в то же время согласно указаний главнокомандующего дивизией 10-го корпуса от Хуанди на Сяотайцзы—Лабатай, генерал Гриппенберг мог сосредоточить под начальством генерала Штакельберга в районе Датай—Пяоцяо—Гученцзы 40 батальонов (1-го Сибирского корпуса 24 батальона, генерала Коссаговского 8 батальонов и 2-й стрелковой бригады 8 батальонов). При этих условиях в районе Сандепу было бы сосредоточено 88 батальонов и 16 батальонов Сводного стрелкового корпуса оставались бы в резерве 2-й армии. Между тем 8 батальонов генерала Коссаговского оторвались в Мамакай, 1-й Сибирский корпус устремился на Сумапу, атаку Сандепу сначала вели 16 батальонов 14-й дивизии, а затем 16 батальонов Сводного стрелкового корпуса оборонялись против Сандепу, а при этих условиях выдвигание части 10-го корпуса 15 января не могло иметь значения. Генерал Гриппенберг, разбросавшись, но все же имея до последнего дня боя в своем распоряжении резерв, достигавший 13 января 24 батальонов, а 15 января — 12, трижды просил главнокомандующего о поддержке. Причины этой просьбы необъяснимы и непонятны.

Неумелое управление 2-й армией поставило ее в тяжкое положение.

1-й Сибирский корпус был прижат к реке с отвесными берегами, достигающими до четырех саженей, армия была разобщена незанятым Сандепу, по мнению генерала Гриппенберга, не допускавшим при этих условиях взаимной поддержки двух групп 2-й армии.

Не выполнив возложенной на него задачи, послав неправильное донесение на высочайшее имя, генерал-адъютант Гриппенберг и сам выехал в Петербург при обстоятельствах, которые должны были самым действительным образом умалить авторитет главнокомандующего. Вообще поведение генерала Гриппенберга придало силы всем слабым духом в армии поднять голову, начать критиковать своих

начальников о трудности выиграть кампанию, и в результате заговорить о силе японцев и нашей слабости. В общем, поведение генерал-адъютанта Гриппенберга послужило к подрыву в армии дисциплины и доверия к начальственному персоналу.

Необходимо, однако, добавить, что поведение генерал-адъютанта Гриппенберга, его демонстративный отъезд из армии и извращенные рассказы про действия под Сандепу даже расположенными к нему людьми объяснялись полным немощным состоянием этого генерала.

В.Г. АФАНАСЬЕВ, Ф.Л. СЕВАСТЬЯНОВ, И.В. ВОЛОШИНОВА. Выпускник Горного института барон Петр Врангель: жизнь и судьба. СПб.: Санкт-Петербургский государственный горный институт имени Г.В. Плеханова (технический университет), 2010. 199 с.

Anthony KRÖNER. The White Knight of the Black Sea. The life of the General Peter Wrangel. The Hague, Leuxenhoff Publishing. 2010. 426 p.

Э. КРОНЕР. Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля / Пер. с англ. Т.П. Тетеревлевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 463 с.

Повышенное внимание исследователей к биографическому жанру – характерная черта современной научной жизни. Учитывая же интерес к белому движению, который получил распространение в постсоветской исторической науке, его деятели занимают в пределах этого внимания далеко не последнее место. А в их ряду трудно не заметить неординарную фигуру П.Н. Врангеля.

Из целого ряда посвященных П.Н. Врангелю публикаций, которые появились в последние годы, особый интерес вызывают две книги.

Прежде всего, это биографическое исследование преподавателей и сотрудников кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного горного института «Выпускник Горного института барон Петр Врангель: жизнь и судьба».

Авторы опирались на широкий круг архивных документов, материалы периодической печати, мемуары, новейшую научную литературу и применяли разнообразные методы анализа персональной истории.

Книга состоит из трех глав. В первой показан вклад Врангелей в историю России и зарубежных стран и описывается период учебы П.Н. Врангеля в Горном институте в Петербурге. Подробно прослеживаются родственные связи П.Н. Врангеля и непростые судьбы этих людей. Раздел об учебе П.Н. Врангеля в Горном институте вводит в оборот новые архивные документы из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Вторая глава посвящена его военной карьере вплоть до 1918 г. В заключительной главе «Последний главком Белого движения» рассматривается деятельность П.Н. Врангеля не только как главкома, но и как правителя Крыма, изложен материал и о периоде его пребывания в эмиграции.

Авторы книги справедливо отмечают, что известность П.Н. Врангеля связана в первую очередь с его ролью командующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) в годы Гражданской войны и правителя Крыма. Именно тогда он параллельно с боевыми действиями начал проводить реформы, пытаясь закрепиться в Крыму.

Историки до сих пор дискутируют о намечаемой П.Н. Врангелем стратегии и тактике. Возникшее на этой почве его соперничество с генералом Деникиным, командовавшим ВСЮР в 1919 – марте 1920 гг., их сложные взаимоотношения, обострившиеся порой до конфликтов, не исчерпали себя с окончанием Гражданской войны. В эмиграции их окружение продолжало яростно спорить о совершенных ошибках и причинах поражения белого движения в целом. Проденикински настроенные военные и политики обвиняли Врангеля в подрыве власти Деникина, а сторонники Врангеля упрекали Деникина в том, что тот упорно отклонял стратегические планы своего подчиненного и во всех его действиях склонен был видеть лишь честолюбивые намерения занять пост главкома ВСЮР. На взгляд петербургских историков, каждый из них – Деникин и Врангель – отстаивал свой путь освобождения России от большевизма, каждый только себя считал способным добиться победы (с. 189).

Авторы рассматриваемого нами исследования сумели отойти от сложившихся шаблонов и показать сложность и противоречивость попыток Врангеля повлиять на исход Гражданской войны. Взвешенный подход прослеживается у них и при освещении жизни и деятельности барона в эмиграции.

В целом авторам биографии удалось дать достаточно глубокую и объективную картину жизни и деятельности одного из крупнейших деятелей Гражданской войны 1918 – 1920 гг. Однако недостаточно полный охват источников все же сказался и в этой работе петербургских историков. Кроме упомянутого петербургского архива, в книге не использованы материалы других архивов, где еще многое осталось вне поля зрения отечественных историков-врангелеведов.

Очень важную работу в этой связи провел голландский исследователь Э. Крёнер (Кронер), книга которого о П.Н. Врангеле вышла на английском языке в Голландии и почти одновременно в переводе в Москве, что само по себе достаточно неординарное событие в историографической жизни.

Исследование Э. Крёнера основано на изучении большого круга источников, которые разбросаны в разных странах, в том числе документов из личного архива семьи Врангеля, которые хранятся в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США), а также документов из Бахметьевского архива российской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета (США), Архива Министерства иностранных дел

Франции (Париж), Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Государственного архива Автономной республики Крым (Украина).

Автор правомерно полагает, что предыдущие попытки дать биографию Врангеля, вышедшие в России, несут на себе сильный отпечаток современных идеологических пристрастий, идеализации, героизации, мифологизации историками и политиками многих руководителей белого движения, что приводит к значительному искажению их судеб. Э. Крёнер отмечает, что, изучив российскую историографию Гражданской войны, он был поражен тем, что не существует обстоятельной и беспристрастной биографии последнего белого главнокомандующего (с. 7).

В начале своей книги голландский исследователь значительное внимание уделил истории рода Врангелей, происходивших из немецко-шведских дворян Прибалтики, которые после присоединения ее к Российской империи поступили на государственную службу и добились впоследствии немалых успехов.

Автор собрал обширный материал, связанный с детством, юностью, студенческими годами П.Н. Врангеля. Характер у него, как пишет автор, был импульсивный, что проявлялось в ряде случаев в некоем анархо-аристократическом презрении к власти предрежающим (с. 33).

Недолго длилась гражданская карьера Врангеля, его настоящим призванием стала военная служба, которой он и посвятил себя. Во время Первой мировой войны он отлично проявил себя, участвуя в боевых действиях, за что в январе 1917 г. получил чин генерал-майора. Оказавшись в Петрограде, охваченном революцией, будучи монархистом, Врангель, тем не менее, не отверг ее. 10 апреля 1917 г. он писал из революционного Петрограда своей жене: «Ценою страшной энергии, приложив всю свою силу, дабы не прорваться и не испортить все, удалось мне провести в дивизии новые порядки без особых потрясений. Сердце обливалось кровью разрушать собственными руками все то, за что работал столько времени и во что верил... Многие из начальников... уходят в отставку... Была минута, где и я готов был это сделать, но в последнюю минуту, написав рапорт, устыдился – ведь так мало у нас хороших начальников, что, считая себя не из худших, бесчестно бежать с поля сражения, как бы неблагоприятна была к тебе та родина, которую ты защищаешь» (с. 87). Автор показал свое умение глубоко анализировать такого рода документы личного происхождения, делать из них вполне логичные выводы.

Многочисленные выдержки из переписки барона со своей супругой, которые даны в книге Э. Крёнера, очень уместны и важны, ибо позволяют представить во всей полноте характер П.Н. Врангеля. Выясняется, что он весьма критически относился к правящему кругу, к высшей аристократии, к известным российским политикам. Спустя две недели после того, как большевики отстранили от власти

Временное правительство и начали управлять страной, генерал писал своей жене: «...в эти дни я понял, что мы обречены на гибель – обречены своей собственной дряблостью...» (с. 103). Вскоре генерал оставил армию, с которой были связаны 16 лет его жизни, и уехал в Крым, где находилась его семья.

После вступления в конце марта 1920 г. на должность главкома ВСЮР он начал предпринимать энергичные меры по реформированию армии и по преодолению хаоса, царившего в Крыму. Именно здесь на исходе Гражданской войны Врангель мог, наконец, начать действовать, как отмечает автор, исключительно по собственному усмотрению (с. 234). Отдавая должное его усилиям, автор, тем не менее, справедливо полагает, что Врангель не был в состоянии одновременно заниматься и гражданскими, и военными делами. Тем более что он не имел опыта гражданского управления (с. 281).

Еще одно важное рассуждение автора о своем герое. Жителям демократических государств XXI века, подчеркивает Крёнер, сложно вообразить всю жестокость применявшихся Врангелем способов наведения порядка (с. 245). Чтобы яснее объяснить европейскому читателю психологическое состояние Врангеля в то время, когда ему пришлось заняться непосредственно государственными делами, автор делает интересное сравнение. В некотором отношении де Голль, который был среди французских представителей в польских войсках, воевавших весной 1920 г. с Советской Россией, и Врангель были похожи: и тот, и другой являлись солдатами до мозга костей, оба оказались политическими лидерами, испытывали при этом презрение к политическим партиям и политической борьбе (с. 282). В книге не раз отмечалась это отношение Врангеля к политикам, с которыми ему приходилось сталкиваться. По мнению автора, он питал явную неприязнь к партийной деятельности и партийным интригам, и эти убеждения только укрепились после пережитого им в 1917 г. В глубине души он был монархистом, но утратил всякую веру в правящую династию (с. 400). Иными словами у Врангеля оказалось гораздо больше политического реализма, чем у того же Деникина и у других приверженцев реставрации самодержавия, несмотря на требования общественного развития и прогресса.

Что же касается отношений Врангеля с Деникиным, то этот раскол между двумя лидерами антибольшевистских сил проходит, как верно полагает автор, через всю историю гражданской войны на юге России. Их взаимная неприязнь, антипатия зародились задолго до краха белых зимой 1919 – 1920 гг., еще летом и ранней осенью 1919 г., когда белые войска достигли наибольшего успеха (с. 435).

Голландский исследователь ставит интересный вопрос о том, что могло бы произойти, стань Врангель верховным главнокомандующим белыми силами не в марте 1920 г., когда антибольшевистский фронт уже рухнул, а в июле 1919 г., после

взятия Царицына. Если бы Врангель смог, как он и предлагал Деникину, перебросить войска на линию Царицын–Екатеринослав, укрепить тыл и объединить всю конницу в огромный кавалерийский корпус, Красная армия столкнулась бы с огромной – и возможно неразрешимой – проблемой. В то время численность белой кавалерии на юге России составляла около 50 тыс. человек. Если бы они сгруппировались в один мощный кулак, под жестким командованием, с надежными флангами и тылом, сложно представить, какие препятствия смогла бы поставить на их пути Красная армия, чтобы предотвратить падение Москвы. Если бы Врангель возглавил белое правительство летом 1919 г. и смог воплотить в жизнь свою «левую аграрную реформу из правых рук», которую белые пытались провести в Крыму годом позже, то он получил бы преимущество действовать гораздо шире. Его реформы, проводимые на более обширной территории, принесли бы, по мнению автора, более существенные результаты, а его авторитет как политического лидера значительно укрепился. Но история пошла по другому пути, и белые войска были оттеснены на Крымский полуостров.

Врангель понимал, что хотя его армия и сможет продержаться еще какое-то время, будущий разгром белых войск силами подходящих с севера частей Красной армии неизбежен. Предотвратить его могла только помощь союзных держав, но она поступала в недостаточных количествах (с. 438-439). Таким образом, исследователь полагает, что если бы вместо Деникина главкомом в 1919 г. был Врангель, то ему удалось бы дойти до Москвы и одержать победу над красными.

Интерес представляют те страницы биографии, где идет речь о жизни Врангеля в Европе, когда он прибыл туда после поражения в Крыму. В книге содержится также немало материалов о литературных и научных интересах Врангеля, большое внимание уделено его личной жизни, его отношениям с женой, друзьями и соратниками, – все это дается параллельно с его военной и политической деятельностью.

Таким образом, голландскому исследователю удалось дать научно обоснованную и достоверную биографию Врангеля, избежав при этом искушения, вольно или невольно оправдать и обелить своего героя.

К сожалению, в русском переводе биографии Врангеля встречаются неточности, порой тривиальные ошибки и опечатки. Например, сказано, что в период с 31 марта по 4 апреля 1921 г. основной целью боевых действий была защита Крыма от противника (с. 246), который, как известно, захватил полуостров еще в ноябре 1920 г. Между тем в оригинале правильно пишется 1920 г., а не 1921 г. Другой яркий пример: переводчик, излагая события апреля 1921 г., в которых участвовал Врангель, пишет, что тогда «сохранял свою актуальность вопрос, кто будет представлять интересы России на Парижской мирной конференции и других

Рецензии

международных собраниях» (с. 373). Но конференция завершила свою работу еще в январе 1920 г. И в оригинале сказано иначе: «interests in the various chambers of the peace conference still lingering on in Paris» (р. 341), т.е. «интересы в различных комиссиях мирной конференции, еще находящихся в Париже».

В любом случае рассмотренные биографии П.Н. Врангеля, свободные от конъюнктурных веяний, интересно и живо написанные, являются важным вкладом в его изучение как человека, полководца и политика.

Исхаков С.М., д-р ист. наук, Институт российской истории РАН

**ИЗ ПОСТУПЛЕНИЙ
В САМАРСКУЮ ОБЛАСТНУЮ УНИВЕРСАЛЬНУЮ НАУЧНУЮ БИБЛИОТЕКУ**

1941 год: страна в огне. Кн. 1: Очерки / под ред. А.А. Коваленя. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 715 с.

Первая книга отражает основные события, приведшие ко Второй мировой войне, характеризует приготовления Германии к нападению на СССР, раскрывает усилия советского государственного и военного руководства по отражению военной агрессии.

1941 год: страна в огне. Кн. 2: Документы и материалы / под ред. А.А. Коваленя. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 717 с.

Во вторую книгу включены документы, отражающие ход военных действий на фронтах Великой Отечественной войны в 1941 г. и организацию всенародного отпора захватчикам. Приводятся также документы, позволяющие получить представление о международном положении СССР летом – зимой 1941 г. и о предпринимаемых им дипломатических усилиях по установлению и укреплению связей с потенциальными союзниками по антигитлеровской коалиции.

Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина: межрегион. науч.-практ. конф. (Самара, 21 апр. 2011 г.): материалы и док. / отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: Самарский университет, 2011. 399 с.

В сборнике представлены статьи участников межрегиональной научно-практической конференции «Власть и общество в России – жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина», проходившей 21 апреля 2011 г. в Самарской областной универсальной научной библиотеке. Проблематика материалов сборника включает в себя изучение личности и деятельности П.А. Столыпина, его аграрных преобразований, сюжетов взаимодействия власти и общества в российской империи.

Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: Росспэн, 2011. 669 с.

Книга профессора истории Университета Темпл (США) Владислава Зубока посвящена изучению мотивов и интересов Советского Союза в холодной войне. При написании книги автор использовал большой массив ранее не доступных архивных документов – от записей, сделанных на заседаниях Политбюро, шифротелеграмм, которыми обменивались руководители компартий, до мемуаров бывших коммунистических лидеров и интервью с их помощниками, дипломатами, разведчиками и военными.

Исторический опыт российских модернизаций XIX – XXI веков: специфика регионального развития: сборник статей / отв. ред. А.С. Бушуев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 235 с.

В статьях сборника проанализирован сложный опыт российских модернизаций XIX – XXI вв. Авторы сборника – ученые-историки, работающие над изучением сложных модернизационных перемен в истории многонациональной России.

История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф., Москва, 5-7 дек. 2008 г. М.: Росспэн, 2011. 789 с.

В сборник вошли материалы международной научной конференции «История сталинизма: итоги и проблемы изучения», прошедшей в Москве 5-7 декабря 2008 г. Ведущими специалистами по истории сталинского периода затрагиваются следующие вопросы: сущность феномена сталинизма и его место в более широком ряду явлений, восприятие сталинизма в массовом историческом сознании современной России, основные результаты, задачи и перспективы изучения сталинизма в российской и мировой науке.

Кронер Э. Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля / пер. с англ. Т.П. Тетеревлевой. М.: Росспэн, 2011. 463 с.

Книга голландского исследователя Энтони Кронера посвящена жизни и деятельности П.Н. Врангеля. После смерти Врангеля его рукописи, письма, штабные бумаги и правительственные документы, а также документы, принадлежавшие семье, попали в Гуверовский институт при Стэнфордском университете в Калифорнии, а также в ряд других зарубежных архивов. На основе этих впервые вводимых в научный оборот источников автор пытается объективно оценить замыслы и дела генерала Врангеля, который стал воплощением идеи Белого дела, символом ушедшей эпохи.

Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – XX в.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2012. 471 с.

В монографии рассматриваются проблемы эволюции уральской деревни в условиях становления индустриального общества и урбанизации, исследуются пути и механизмы реконструкции деревни, основные факторы урбанизации сельской местности. Особое внимание уделяется миграции и политике государства в вопросах благоустройства села.

Млечин Л.М. Брежнев: разочарование России. СПб.: Питер, 2012. 432 с.

Новая книга Леонида Млечина о том, как Брежнев шел к власти, как выстраивал систему управления, как расцветали при нем пышным цветом органы государственной безопасности, и о том, как вместе с первым человеком в государстве постепенно дряхлел и приближался к гибели Советский Союз.

Мы жили в СССР / сост. О.А. Дыдыкина и др. М.: БММ, 2011. 174 с.

Книга рассказывает об эпохальных достижениях СССР – от строительства Днепрогэс до покорения космоса, воскрешает советские будни и образ жизни: пионерское детство,

комсомольское студенчество и стройотряды, дефицитные товары и очереди... В ней воссоздан образ нашего прошлого, к которому можно относиться по-разному, но забыть о нем невозможно.

Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия / под ред. В.В. Шелохаева. М.: Росспэн, 2011. 735 с.

В энциклопедии дан комплексный анализ личности П.А. Столыпина, его отношений с представительными, партийными и общественными структурами, ведущими политическими деятелями. Большое внимание уделено характеристике состояния государственных и политических структур в 1906 – 1911 гг., органов периодической печати.

Раздорский А.И. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (прил. к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников), 1870 – 1916: свод. каталог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 913 с.

В сводном каталоге представлены сведения о 4 012 печатных и рукописных обзорах 91 губернии и области и 13 градоначальств (военных губернаторств, обер-полицеймейстерств) Российской империи – приложений к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников (обер-полицеймейстеров) за 1870 – 1916 гг. Каталог составлен по результатам обследования 570 библиотек, архивов и музеев России и 17 зарубежных стран (государств СНГ, Грузии, Латвии, Литвы, Польши, Финляндии, Чехии и Эстонии).

Репрессированная техническая интеллигенция: книга памяти/ сост. М.М. Альтман и др. Самара: НТЦ, 2011. 296 с.

Книга памяти посвящена представителям технической интеллигенции, пострадавшим от политических репрессий в СССР в 20–50-е годы XX века. Книга состоит из двух разделов. Первый раздел содержит биографические справки на 320 персоналий с указанием опубликованной литературы и архивных поисковых данных. Во второй раздел включены документы федеральных и региональных архивов, свидетельствующие о жизни и творчестве инженерно-технических работников.

Россия – Средняя Азия. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII – нач. XX вв. / под ред. А.А. Кокошина. М.: ЛЕНАНД, 2011. 469 с.

Первый том книги охватывает период с конца XVIII по начало XX века. Основное внимание в работе уделено рассмотрению роли религии в среднеазиатских ханствах и у казахов, истории вхождения региона в состав Российской империи и формированию исламской политики новой власти, а также отношениям государства с местной мусульманской элитой.

Россия – Средняя Азия. Т. 2: Политика и ислам в XX – нач. XXI вв. / под ред. А.А. Кокошина. М.: ЛЕНАНД, 2011. 362 с.

Второй том книги посвящен взаимодействию политики и ислама в Средней Азии в период с начала XX по начало XXI века.

Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы: очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 677 с.

В книге рассказывается об изменениях в жизни Москвы, вызванных Первой мировой войной. Стиль изложения позволяет читателю, не просиживая часами над подшивками пожелтевших газет, окунуться в атмосферу тех лет и составить собственное представление о людях, живших в последний период эпохи, именуемой «царская Россия».

Руга В., Кокорев А. Москва НЭПовская: очерки городского быта. Москва: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 586 с.

В книге обращается внимание на характерную особенность нэповской Москвы – в уличной толпе почти без труда можно было определить сословную и профессиональную принадлежность людей. Определить по поведению, по разнообразию костюмов, обуви, головных уборов, причесок.

Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии: сборник документов и материалов / сост. О.В. Зубова и др. Самара, 2012. 292 с.

В сборнике представлен комплекс документов о реализации общероссийских мероприятий по реформированию аграрного сектора страны в Самарской губернии. Документы, включенные в данное издание, освещают как отдельные малоисследованные аспекты, так и важнейшие направления и особенности хода реформы в Самарском Поволжье.

Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе / пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова. М.: Росспэн, 2011. 437 с.

Книга представляет собой исследование социальных условий и идейных предпосылок, способствовавших формированию в Советском Союзе культа В.И. Ленина. Большое внимание уделено деятельности Комиссии по похоронам Ленина и весьма непростым обстоятельствам создания Мавзолея революционного вождя.